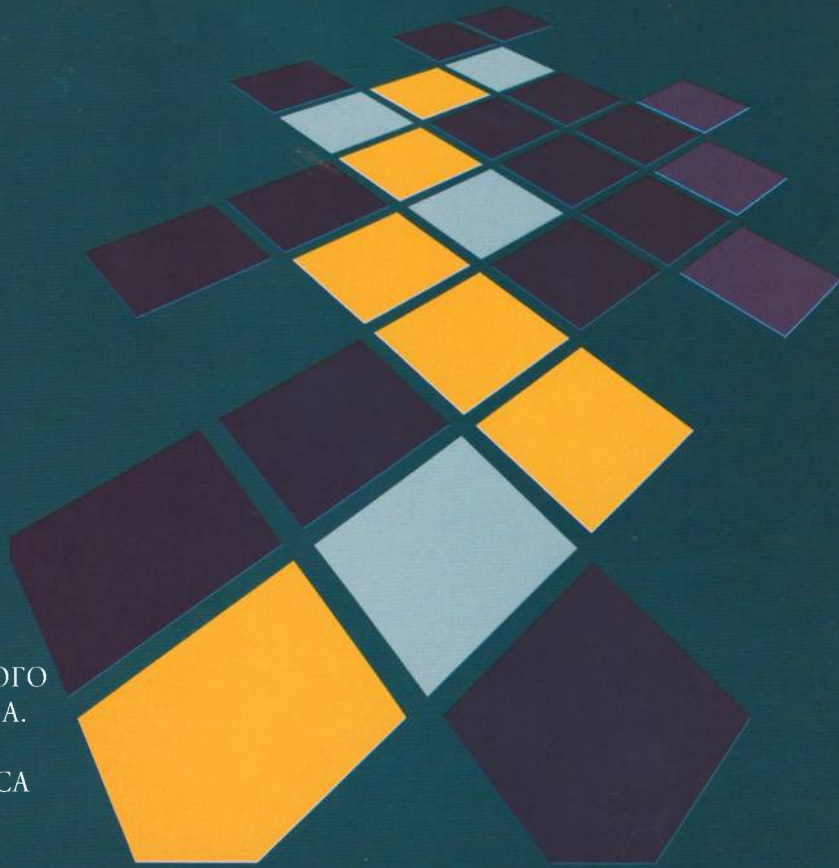

юрист
издательская
группа

ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА.
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

МЕЖДУНАРОДНАЯ
КОМПЕТЕНЦИЯ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ

ТРАНСГРАНИЧНОЕ БАНКРОТСТВО

ПРОИЗВОДСТВО
ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ ДЕТЕЙ

№ 8/2021

ISSN 1812-383X

9 771812 383773 >

АРБИТРАЖНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Арбитражный и гражданский процесс

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
ПИ № ФС77-29216 от 23 августа 2007 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно

№ 8/2021

Содержание

ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

4 Грубцова С.П. Процессуальная активность суда в административном судопроизводстве Российской Федерации и административного судьи в США

6 Селькова А.А. Доступность правосудия и юридической помощи в цифровую эпоху: опыт Великобритании

8 Лазарев С.В. Концепция суда со множественством дверей в гражданском процессе за рубежом

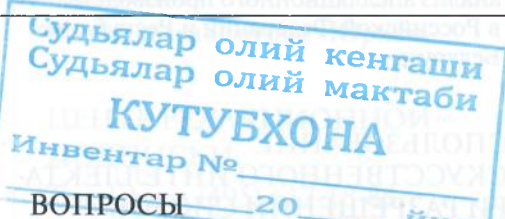
10 Константинов П.Д. Сравнительные перспективы внедрения предиктивного правосудия в различные правовые порядки

12 Брановицкий К.Л. Актуальное состояние и перспективы единого правового пространства Евразийского экономического союза: на примере сферы гражданского процесса

14 Незнамов А.В. Международно-правовые аспекты цифровизации цивилистического процесса

16 Халатов С.А. Изменение бремени доказывания в административном судопроизводстве Китайской Народной Республики и России

18 Жильцов А.Н. Обзор практики МКАС при ТПП РФ за 2019 год: общая характеристика и коллизионные вопросы

ВОПРОСЫ 20 ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА

26 Решетникова И.В. Стандарт доказывания

28 Бараданченкова О.Е. Локальный предмет доказывания при распределении судебных расходов: международно-правовой аспект

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

30 Ярков В.В. Защита лиц, находящихся под ограничительными мерами: новые возможности

32 Трунк-Федорова М.П. Международная компетенция по спорам против иностранных компаний по праву ЕС

34 Малов А.А. Компетенция арбитражных судов по санкционным спорам в Российской Федерации: проблемы доказывания

37 Веде Ю.В. Forum shopping: процессуальное злоупотребление или реализация предоставленного права

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ

39 Плешанов А.Г. Правовое регулирование перерыва в судебном заседании в условиях отказа от принципа непрерывности в гражданском процессе (на примере ГПК государств — участников ЕАЭС)

41 Царегородцева Е.А. Институт приказного производства в отдельных странах СНГ

ПЕРЕСМОТР СУДЕБНЫХ АКТОВ

43 Тимофеев Ю.А. Сравнительный анализ апелляционного производства в Российской Федерации и Республике Беларусь

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ

45 Спицин И.Н., Тарасов И.Н. Разрешение споров с использованием технологии искусственного интеллекта на интернет-площадках (Amazon.com, Ebay и др.)

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

47 Соломенна Е.А., Шереметова Г.С. Особенности правового регулирования медиации в Кыргызской Республике

49 Чудиновская Н.А., Чудиновская Е.А. Проблемы и перспективы реализации обязательной медиации (на примере Чехии)

51 Загайнова С.К., Иванова Е.А. Особенности внедрения процедуры медиации в России и США

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

53 Бессонова А.И. Извещение участников процесса, находящийся за рубежом, в эпоху цифровых технологий

55 Сильченко В.Ю. Нарушение публичного порядка приведением

к исполнению решения, вынесенного по исключительному процессуальному спору

ТРАНСГРАНИЧНОЕ БАНКРОТСТВО

57 Пивальский Ю.Д. Обособленные споры в трансграничном банкротстве

59 Раздьяков Е.С. Центр основных интересов в практике Верховного Суда Российской Федерации по делам о несостоятельности (банкротстве)

61 Барашкина Н.Е. Судебная компетенция при трансграничном банкротстве

63 Долганов В.В. Трансграничное банкротство и параллельные разбирательства

ПРОИЗВОДСТВО ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ ДЕТЕЙ

66 Кудрявцева В.П. Возвращение незаконно перемещенного на территорию России (удерживаемого на территории России) ребенка на основании международного договора: спорный вопрос предмета доказывания

68 Бонев Д.В. Применение актов иностранной юстиции в производстве по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации

ТРАНСГРАНИЧНОЕ НАСЛЕДОВАНИЕ

70 Зарудина Л.Д. Обеспечение международной согласованности решений как проблема трансграничного наследования (на примере России и Германии)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ярков В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ**ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,
РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕДАКТОР:**

Долганичев В.В., кандидат юридических
наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Арифудин А.А., профессор, заслуженный
юрист РФ;
Витрянский В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Жилин Г.А., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Исайчев В.И., заслуженный юрист РФ;
Носырева Е.И., доктор юридических наук,
профессор;
Осокина Г.Л., доктор юридических наук,
профессор;
Ренов Э.Н., кандидат юридических наук,
профессор;
Сахнова Т.В., доктор юридических наук,
профессор;
Туманова Л.В., доктор юридических наук,
профессор;
Шерстюк В.М., доктор юридических наук,
профессор;
Юков М.К., доктор юридических наук,
профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**ИГ «ЮРИСТ»:**

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор, чл.-корр. РАО,
заслуженный юрист РФ

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**ИГ «ЮРИСТ»:**

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

И КОРРЕКТУРА: Швечкова О.А., к.ю.н.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ**ПОДПИСКИ:**

Тел. / факс: (495) 617-18-88
(многоканальный)
E-mail: podpiska@lawinfo.ru
Телефон редакции: (495) 953-91-08

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА /**РЕДАКЦИИ:**

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26 / 55, стр. 7.
E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Объединенный каталог. Пресса России —
85473;
Почта России. Электронный каталог — П1715.
Подписка на www.lawinfo.ru

Номер подписан в печать: 16.08.2021.

Номер вышел в свет: 26.08.2021.

ISSN 1812-383X

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 170x252. Печать офсетная.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Общий тираж 4000 экз. Цена свободная.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования.

Грубцова Светлана Павловна,
доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
grubtsovass@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-4-5

Процессуальная активность суда в административном судопроизводстве Российской Федерации и административного судьи в США

Автором рассматриваются вопросы процессуальной активности российских судов в административном судопроизводстве по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и административных судей в США. В статье сделан акцент на различиях в организации административной юстиции в России и США, приведены характеристики активной роли суда при разрешении споров с субъектами, наделенными властными полномочиями, в рамках указанных правопорядков, обозначены предложения по совершенствованию правового регулирования данной сферы.

Ключевые слова: административное судопроизводство, административная юстиция, процессуальная активность суда, административный судья в США.

Национальным законодательством стран определяются собственные модели, в рамках которых будет осуществляться защита прав, свобод и законных интересов от неправомерных актов субъектов, наделенных публичными властными полномочиями. В этой связи мы говорим об административной юстиции, которая в узком смысле понимается как административное судопроизводство¹.

Модели организации административной юстиции в России (континентальная

модель) и США (англосаксонская модель) качественно различаются. Система разрешения административных споров в США связана с деятельностью квази-судебных органов — административных агентств, обжалованием их решений в апелляционные учреждения, а затем в общие суды. Все это регламентируется Федеральным актом «Об административной процедуре» 1946 г. и законодательством на уровне штатов². С точки зрения российского права, термин «административный судья» в США можно считать скорее условным, поскольку под ним в американском праве понимается должностное лицо административного агентства. Вместе с тем по своей компетенции и принципам деятельности такой судья сопоставим с судами, рассматривающими административные дела в порядке Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ). Д. Т. Караманукян отмечает, что административный судья в США функционирует на стыке исполнительной и судебной ветвей государственной власти³. Несмотря на разные модели организации административной юстиции в России и США, единая цель указанного института (контроль за законностью ак-

¹ В отечественной и зарубежной правовых доктринах есть различные подходы к пониманию административной юстиции: узкий и широкий. Согласно первому подходу, административная юстиция отождествляется с административным судопроизводством. В широком смысле административная юстиция включает в себя систему разрешения споров, возникающих из административных отношений, судебными и несудебными органами, а также сам процесс принятия административных актов. См., напр.: Салищева Н. Г. Проблемные вопросы административного процесса // Избранные труды. М., 2011. С. 471–475; Старилов Ю. Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы. М., 2001. С. 36–40, 54–57; Соловьев А. А., Опалев Р. О. Административная юстиция в зарубежных государствах: особенности функционирования отдельных институтов административного судопроизводства. М., 2017. С. 11–12. В настоящей работе в отношении США будут использоваться категории как административной юстиции, так и административного судопроизводства, что связано с особенностями организации системы разрешения административных споров в США.

² Соловьев А. А., Опалев Р. О. Указ. соч. С. 69.

³ Караманукян Д. Т. Правовой статус административного судьи в США // Вестник Омского юридического института. 2010. № 1. С. 21–22.

тов публичной администрации) создает основу для возможного сравнения подходов о процессуальной активности судьи, рассматривающего дело.

Российский подход. Принцип судебного руководства, провозглашенный во всех трех процессуальных кодексах, находит свое уникальное наполнение в нормах КАС РФ за счет закрепления положений об активной роли суда в административном судопроизводстве (п. 7 ст. 6 КАС РФ).

Основные признаки процессуальной активности суда в административном судопроизводстве в Российской Федерации можно отразить в следующих тезисах:

— возможность истребования доказательств судом по своей инициативе (ч. 1 ст. 63 КАС РФ);

— несвязанность суда основаниями и доводами стороны судебного административного процесса по отдельным категориям административных дел (ч. 7 ст. 213, ч. 8 ст. 226 КАС РФ);

— возможность суда признать обязательной явку в судебное заседание представителя административного ответчика по делам об оспаривании нормативно-правового акта (ч. 6 ст. 213 КАС РФ).

Американский подход. Процессуальная активность административного судьи в США проявляется через ряд полномочий:

— предписывать сторонам встретиться перед проведением слушаний для обсуждения возможностей заключения мирового соглашения;

— издавать приказы о выемке, в соответствии с которыми стороны обязаны

обмениваться основными сведениями о фактах и документами;

— проводить телефонные предсудебные конференции для выяснения вопросов, возникающих у административного судьи при изучении материалов дела;

— устанавливать дату проведения слушаний с учетом предоставления сторонам возможности подготовиться к участию в них;

— проводить в кабинете судьи собеседования с представителями сторон процесса (вместе или по отдельности) после предварительного слушания по поводу перспектив разрешения дела⁴.

Установление вышеуказанных полномочий суда в административном судопроизводстве России и административных судей в США нацелено на создание определенного баланса между сторонами процесса. Российская модель процессуальной активности, которая находит отражение в целом в рамках института доказывания, может быть охарактеризована как относительно ограниченная, тогда как административный судья в США будет играть более активную в процессуальном плане роль. В качестве ориентира для законодателей двух анализируемых правовых порядков может быть указано на развитие положений о поддержке в процессуальном смысле судом невластного субъекта по делу.

⁴ Секция 556 Федерального акта «Об административной процедуре США». См.: Караманукян Д.Т. Административная юстиция США: монография. Омск, 2014 // СПС ГАРАНТ.

Литература

1. Караманукян Д.Т. Административная юстиция США: монография / Д.Т. Караманукян. Омск: Омская юридическая академия, 2014. 122 с.
2. Караманукян Д.Т. Правовой статус административного судьи в США / Д.Т. Караманукян // Вестник Омского юридического института. 2010. № 1 (12). С. 21–22.
3. Салищева Н.Г. Проблемные вопросы административного процесса // Салищева Н.Г. Избранное / Н.Г. Салищева. Москва: РАП, 2011. С. 471–475.
4. Соловьев А.А. Административная юстиция в зарубежных государствах: особенности функционирования отдельных институтов административного судопроизводства / А.А. Соловьев, Р.О. Опалев. Москва: 2017. 262 с.
5. Стариков Ю.Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы / Ю.Н. Стариков. Москва: Норма, 2001. 304 с.

Селькова**Анастасия Андреевна,**старший преподаватель
кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
a.a.selkova@uslu.su

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-6-7

Доступность правосудия и юридической помощи в цифровую эпоху: опыт Великобритании

Статья посвящена анализу существующих в Великобритании информационных технологий, определяющих степень доступности правосудия и юридических услуг для большинства граждан. В первую очередь автор выделяет наиболее распространенные из таких технологий, раскрывает их особенности, преимущества и недостатки, а также их влияние на сферу правовой помощи. В частности, дается описание конструкторов юридических документов, интернет-ботов, платформ для онлайн-консультирования. Автор подробно останавливается на их положительных сторонах, указывая на возможность использования цифровых технологий в качестве средств оптимизации судебной системы.

Ключевые слова: юридическая помощь, доступность правосудия, LegalTech, юридическая практика, цифровизация.

Новые технологии, призванные полностью модернизировать сферу юридических услуг, могут способствовать более эффективному доступу граждан к квалифицированной юридической помощи. В Великобритании многие из этих нововведений заметны уже на этапе составления юридических документов. Раньше для оформления договора или завещания приходилось обращаться к юристу. Но это постепенно уходит в прошлое, уступая место компьютерным программам сборки документов. Эти недорогие или даже бесплатные системы позволяют составлять и загружать юридические документы. Например, онлайн-конструктор документов Rocket Lawyer¹, с внушительной базой юридических документов.

В Великобритании модернизация коснулась не только узкой сферы подготовки юридических документов. Существуют интернет-сайты UpCounsel.com² или Avvo.com³, которые объединяют широкую базу юристов, предлагающих консультации. Главное преимущество таких сервисов — юридическую помощь можно получить онлайн.

Еще одна разработка в Великобритании — интернет-боты. Это приложения, созданные для решения простейших юридических задач. В основе ботов лежит алгоритм из действий, которые совершаются удаленно.

Одним из таких ботов является DoNotPay.com⁴. Первоначально с его помощью любой мог составить жалобу и оспорить штраф за парковку. Теперь сервис расширился: DoNotPay.com превратился в приложение, мгновенно составляющее процессуальные документы.

Однако ситуация с доступностью правовой помощи в Великобритании не столь радужна. Инструменты, которыми пользуются юристы, эволюционировали, сами они — нет⁵. Фактически используются устаревшие и неэффективные способы предоставления своих услуг.

Несмотря на развитие цифровых технологий, многие граждане Великобритании не могут обратиться за юридической помощью⁶. Эта проблема остро ощущается малообеспеченными, пенсионера-

¹ Rocket Lawyer. URL: <https://www.rocketlawyer.com/gb/en> (дата обращения: 12.05.2021).

² UpCounsel. URL: <https://www.upcounsel.com> (дата обращения: 12.05.2021).

³ Avvo. URL: <https://www.avvo.com> (дата обращения: 12.05.2021).

⁴ DoNotPay. URL: <https://donotpay.com> (дата обращения: 12.05.2021).

⁵ Miller A. & Tucker C. Electronic Discovery and the Adoption of Information Technology // Journal of Law, Economics, and Organization. 2014. № 2. P. 217–243.

⁶ Raymond H. Using Technology to Improve Rural Access to Justice // Government, Law and Policy Journal. 2018. № 1. P. 58–62.

ми, инвалидами⁷. Существуют реальные опасения, что большая часть граждан Великобритании совсем лишится доступа к юридическим услугам⁸.

В Великобритании около 80% людей с низкими доходами не имеют доступа к правосудию⁹. Одновременно сокращается финансирование сферы юридических услуг¹⁰, а численность населения, нуждающегося в них, возрастает¹¹. Согласно недавнему исследованию, в 76% гражданских дел по крайней мере одна сторона не имеет профессионального представителя¹². В итоге перегружается судебный персонал, процедура рассмотрения дел замедляется¹³.

⁷ Legal Education Foundation. URL: <https://www.thelegaleducationfoundation.org/wp-content/uploads/2018/01/Digital-Technology-Winter-2017.pdf> (дата обращения: 11.05.2021).

⁸ The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-legal-profession-is-failing-low-income-and-middle-class-peoples-x-that/2017/06/02/e266200a-246b-11e7-bb9d-8cd6118e1409_story.html?utm_term=.446c2cbc44f (дата обращения: 11.05.2021).

⁹ UK Government Web Archive. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20110201125714/http://www.justice.gov.uk/publications/docs/access-justice-minority-groups-ii.pdf> (дата обращения: 11.05.2021).

¹⁰ The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/law/2016/jul/22/overdue-review-into-legal-aid-cuts-is-a-denial-of-justice> (дата обращения: 11.05.2021).

¹¹ Amnesty International UK. URL: https://www.amnesty.org.uk/les/aiuk_legal_aid_report.pdf (дата обращения: 11.05.2021).

¹² Bevan C. Self-Represented Litigants: The overlooked and unintended consequences of legal aid reform // Journal of Social Welfare and Family Law. 2013. № 1. P. 75–84.

¹³ Transform Justice. URL: <https://www.transformjustice.org.uk/wp-content/uploads/2016/04/>

Технологии могут сыграть важную роль в преобразовании сферы юридических услуг. Однако почему во времена инноваций в юридических технологиях доступ к правосудию в Великобритании для многих ограничен?

Видимо, проблема не в отсутствии технологий. Потенциальная причина в том, что правовая система Великобритании сопротивляется инновациям. Юридическая практика борется с кардинальными изменениями.

Юристы в целом настроены негативно относительно инноваций¹⁴. Традиционная модель на рынке юридических услуг Великобритании изменилась мало. Большая часть юридических фирм не готова внедрять инновации. Юристы частично ответственны за отсутствие доступа населения к юридическим услугам: «Мы построили великолепные цитадели юридического опыта, но допускаются в них лишь немногие»¹⁵.

Пока не произойдет серьезного сдвига в профессиональном юридическом мировоззрении, все инновации, существующие в Великобритании, никогда не решат проблемы доступности правосудия и правовой помощи.

TJ-APRIL_Singles.pdf (дата обращения: 11.05.2021).

¹⁴ Fenwick M. & Kaal W. Legal Education in the Blockchain Revolution // University of St. Thomas Legal Studies Research Paper. 2017. № 5. P. 2–39.

¹⁵ Susskind R., Susskind D. The Future of the professions: How technology will transform the work of human experts. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 35.

References

1. Bevan C. Self-Represented Litigants: The overlooked and unintended consequences of legal aid reform / C. Bevan // Journal of Social Welfare and Family Law. 2013. Vol. 1. P. 75–84.
2. Fenwick M. Legal Education in the Blockchain Revolution / M. Fenwick, W. Kaal // University of St. Thomas Legal Studies Research Paper. 2017. Vol. 5. P. 2–39.
3. Miller A. Electronic Discovery and the Adoption of Information Technology / A. Miller, C. Tucker // Journal of Law, Economics, and Organization. 2014. Vol. 2. P. 217–243.
4. Raymond H. Using Technology to Improve Rural Access to Justice / H. Raymond // Government, Law and Policy Journal. 2018. Vol. 1. P. 58–62.
5. Susskind R. The Future of the professions: How technology will transform the work of human experts / R. Susskind, D. Susskind. Oxford: Oxford University Press, 2017. 362 p.

Лазарев Сергей Викторович,
доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
f09.slazarev@arbitr.ru

DOI: 10.18572/1812-583X-2021-8-8-9

Концепция суда со множеством дверей в гражданском процессе за рубежом

В статье обсуждается концепция суда со множеством дверей. Автор рассматривает возможность создания многофункциональных судебных центров, целью которых был бы анализ обращения, определение и предложение заявителю соответствующего способа урегулирования спора.

Ключевые слова: суд со множеством дверей, альтернативные способы урегулирования споров, эффективность судопроизводства.

Разрешение спора в суде является одним из способов урегулирования социальных конфликтов, но не единственным. Споры должны быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения или использования других примирительных процедур (далее по тексту — АРС). После обращения в суд последний принимает меры по примирению сторон. Однако практика показывает, что возможность АРС, а также формальное предложение судом использовать различные АРС ничего не дает: количество дел, в которых стороны во внесудебном порядке урегулировали спор, ничтожно мало по сравнению с судебным разрешением споров.

В связи с этим интересным является обращение к опыту стран, где реализована концепция суда со множеством дверей¹. Существо концепции заключается в полномасштабной трансформации судов в центры по разрешению споров, где поступающие заявления и обращения фильтруются специальными лицами, определяющими процедуру, подходящую для разрешения конкретного спора (медиация, арбитраж, судебное разбирательство и т.д.) в зависимости от критериев, согласно которым споры должны идти в

те двери, которые подходят для урегулирования конкретного спора².

Так, например, в ряде штатов Америки разработаны соответствующие программы для направления дел в наиболее подходящие «двери» с использованием получивших дальнейшее развитие критериев отбора, предложенных Ф. Сандером³. Такими критериями, в частности, могут быть: 1) характер спора; 2) отношения между спорящими сторонами; 3) цена иска и судебные издержки; 4) быстрота урегулирования спора⁴.

Суды являются основным и самым важным местом разрешения споров, в связи с чем желательно, чтобы множество дверей для урегулирования споров находилось в здании суда. Однако технически центр по урегулированию споров может находиться и отдельно от суда⁵.

Так, в открытом первом в декабре 1995 г. Центре правосудия округа Арапахо (штат Колорадо, США)⁶ ушедшие в отставку судьи оценивали направленные к ним гражданские дела и помогали сторонам в разработке плана урегулирования в отношении каждого дела.

² Sander F.E.A. Varieties of Dispute Proceeding. Federal Rules Decisions. 1976. Vol. 70. P. 111–131.

³ Gray E. Creating History: The Impact of Frank Sander on ADR in the Courts // Negotiation Journal. 2006. Vol. 22. Iss. 4. P. 446.

⁴ Ibid.

⁵ Crespo H.M. A Dialogue Between Professors Frank Sander and Mariana Hernandez Crespo: Exploring the Evolution of the Multi-Door Courthouse // University of St. Thomas Law Journal. 2008. Vol. 5. Iss. 3. P. 671.

⁶ Stuart K.K. The Multi-Door Courthouse: How It's Working. URL: <https://www.courts.state.co.us/> (дата обращения: 01.05.2021).

¹ Е.И. Носырева определяет «суд со множественностью дверей» («Multi-door Courthouse») как «термин, применяемый в теории американского права для обозначения альтернативности гражданского судопроизводства, возможности выбора подходящей процедуры урегулирования спора внутри судебной системы». См.: Носырева Е.И. Альтернативное разрешение споров в США. М.: Изд. Дом «Городец», 2005. С. 189.

На конференции по определению плана урегулирования стороны выявляли спорные вопросы по делу и лучшие способы решить эти вопросы. Результатом стало принятие плана урегулирования дела, содержащего детали: способ АРС, который будет применяться, время, которое планируется затратить на урегулирование, и личность того, кто будет содействовать урегулированию.

После конференций по определению плана урегулирования дела 5% дел признавались несоответствующими для любой формы АРС и были идентифицированы как дела, которые должны рассматриваться судом. Из оставшихся 95%, для которых АРС были подходящими, медиация была согласована или предписана в 72% дел, конференции по урегулированию — в 12% дел, нейтральная оценка дела — в 8% дел и арбитраж — в 3% дел.

Из гражданских дел, направленных на медиацию, 4% были признаны немедиабельными, в 8% дел стороны не сотрудничали. Из дел, которые прошли процесс медиации, 64% достигли полного урегулирования, 5% достигли частичного урегулирования, у одного процента были некоторые предложения по урегулированию, 17% были продолжающимися, и 13% не достигли успехов в урегулировании.

Поскольку первый проект суда со множеством дверей был успешным, этот опыт широко распространился как внутри США, так и за их пределами. В настоящее время суды со множеством дверей функционируют в Австралии, Нигерии, Филиппинах, Сингапуре, Аргентине, Бразилии и других странах⁷.

⁷ См. подроб.: Лазарев С.В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2018. С. 372.

Литература

1. Лазарев С.В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом: монография / С.В. Лазарев. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2018. 400 с.
2. Носырева Е.И. Альтернативное разрешение споров в США / Е.И. Носырева. Москва: Городец, 2005. 320 с.
3. Crespo H.M. A Dialogue Between Professors Frank Sander and Mariana Hernandez Crespo: Exploring the Evolution of the Multi-Door Courthouse / H.M. Crespo // University of St. Thomas Law Journal. 2008. Vol. 5. Iss. 3. P. 665–674.
4. Gray E. Creating History: The Impact of Frank Sander on ADR in the Courts / E. Gray // Negotiation Journal. 2006. Vol. 22. Iss. 4. P. 445–454.
5. Sander F.E.A. Varieties of Dispute Proceeding / F.E.A. Sander // Federal Rules Decisions. 1976. Vol. 70. P. 111–131.
6. Stuart K.K. The Multi-Door Courthouse: How It's Working / K.K. Stuart, C.A. Savage // Colorado Lawyer. 1997. 26 October.

Мы видим перспективными разработку и обсуждение идеи множественности дверей при урегулировании споров в отечественном цивилистическом процессе.

Так, в нашей стране широкое распространение получили многофункциональные центры по предоставлению государственных и муниципальных услуг (далее по тексту — МФЦ), основанные на принципах «единого окна» и межведомственного взаимодействия. Указанный опыт может быть использован и при создании в нашей стране многофункциональных центров по урегулированию споров.

По образцу МФЦ можно было бы организовать многофункциональные судебные центры, целью которых будет анализ обращения, определение и предложение заявителю соответствующего способа урегулирования спора (в том числе судебного), а также снижение последствий несоблюдения формальностей при обращении в суд.

Ушедшие в отставку судьи или государственные служащие могли бы в таких центрах оценивать направленные к ним гражданские дела и помогать сторонам в разработке плана урегулирования в отношении каждого дела.

Этапы прохождения дел через указанный центр могли бы быть следующими:

- 1) оценка возможности урегулирования спора;
- 2) направление на соответствующую процедуру урегулирования;
- 3) урегулирование спора через использование АРС;
- 4) в случае недостижения соглашения обращение к судебному разрешению спора.

Таким образом, идея суда со множеством дверей имеет потенциал для развития и в нашей стране.

Константинов**Павел Денисович,**аспирант кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
докторант Université Paris Nanterre
konstantinov.pavel.1995@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-10-11

Сравнительные перспективы внедрения предиктивного правосудия в различные правопорядки*

Развитие цифровых технологий и, в частности, предиктивного правосудия продолжает вызывать интерес среди представителей научного сообщества. Особенности функционирования данного программного обеспечения определяют возможные масштабные изменения в правопорядках различных государств. В данной статье приводится общий сравнительный анализ перспектив внедрения предиктивного правосудия в различные правопорядки.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, цифровизация, дематериализация, правосудие, предиктивное правосудие.

Основы функционирования. Предиктивное правосудие базируется на алгоритмах, которые, если анализировать большие массивы данных судебных решений, выводят статистическую вероятность вынесения решения в пользу той или иной стороны, а также устанавливает медианную сумму выплаты в том случае, если это предусмотрено существом спора¹.

Очевидным представляется тот факт, что предиктивное правосудие широко базируется на уже вынесенных судебных решениях. Некоторые ученые высказываются в пользу внедрения алгоритмов предиктивного правосудия в гражданский процесс: существуют как представители мнения о замене предиктивным правосудием всего ныне существующего гражданского процесса, так и сторонники его внедрения в качестве вспомогательного инструмента.

Любой способ его внедрения будет иметь определенное влияние на право. Соответственно, степень этого влияния зависит от способа внедрения. Интерес для статьи представляет анализ перспектив этого внедрения.

¹ Guide de la justice prédictive. Predictice. URL: <https://blog.predictice.com/guide-ultime-de-la-justice-predictive> (дата обращения: 31.03.2021).

Перспективы внедрения предиктивного правосудия

Общее право. Общее право в наименьшей форме пострадает от внедрения предиктивного правосудия. Конечно, сам факт его внедрения неминуемо приведет к перестроению сложившегося регулирования гражданского судопроизводства, но концептуально внедрение в прецедентную систему предиктивного правосудия не должно привести к каким-то крупным потрясениям внутри страны, входящей в эту правовую семью. Об этом также свидетельствует тот факт, что большинство предприятий, занимающихся разработкой предиктивного правосудия, находятся в странах англосаксонской правовой семьи.

Континентальное право. Внедрение в качестве вспомогательного инструмента. Позитивные аспекты предиктивного правосудия, качественно выделяющие его на фоне традиционного правосудия (время обработки базы данных, фактологическая составляющая дела, принятие решения)², являют собой, наравне с плюсами, значительные минусы, которые и могут нанести значительный ущерб качеству отправления правосудия. Речь идет сразу о большой совокупности различных аспектов,

² Там же.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 20-311-90035 «Информационные технологии и принципы гражданского процесса в Российской Федерации и Франции».

решение которых не всегда является простым: ответственность³, дистанцирование участников процесса⁴, анонимизация судебных решений⁵ и т.д. Кроме того, немаловажен психологический аспект судьи — стоит ли не слушаться помощника, который за секунду может прочесть все, что судья прочитает за несколько месяцев или даже лет?⁶

Внедрение в качестве основного инструмента правосудия. Этот способ вызывает не меньшее количество сопутствующих проблем. Помимо описанных выше, добавляются и другие: новая структура судебного решения, инстанционность процесса, отсутствие технической оснащенности, десакрализация правосудия. Все эти проблемы условно можно назвать решаемыми, однако существуют и другие: проблема статистического правосудия⁷,

смерть концепции индивидуального рассмотрения дел⁸, стагнация права⁹ и проч.

Все эти проблемы можно свести к одному тезису: полномасштабное внедрение в континентальную правовую семью инструмента, имеющего все свойства другой правовой семьи, может сломать всю систему права, сложенную в государстве. Кроме того, даже первый способ внедрения предиктивного правосудия так или иначе приведет к такому же последствию, поскольку все эти вопросы легко могут быть заданы и в отношении первого способа внедрения.

Сторонники осторожного использования предиктивного правосудия уже разработали специальный термин такому явлению ‘common lawisation’¹⁰. Стоит хорошо задуматься, необходимо ли нашему правопорядку для использования всего одного инструмента сталкиваться с огромным количеством проблем, которые в итоге приведут нас к ‘common lawisation’.

³ Dusseaux A. et Ruggieri H. Doctrine.fr: l'intelligence artificielle au service du droit // Enjeux numériques. 2018. №3. P. 85.

⁴ Biard A. Justice en ligne ou nouveau far www.est? La difficile regulation des plateformes en ligne de reglement extrajudiciaire des litiges // Revue Internationale de Droit Économique. 2019. № 2. P. 173–174.

⁵ Marcellis-Warin N. et Warin T. Entre possibilités et risques : à la recherche d'un recherche d'un nouvel équilibre // Gestion. 2017. № 1. P. 73.

⁶ Ibid.

⁷ Dondero B. Justice prédictive: la fin de l'aléa judiciaire? // Recueil Dalloz. 2017. P. 532; Letteron R. L'accès numérique au droit // Enjeux numériques. 2018. №3. P. 70–72.

⁸ Мурадян Э.М. Судебное право. СПб. : Юридический центр Пресс, 2007. 575 с.

⁹ Tiffany J. L'impact de l'intelligence artificielle sur l'arbitrage et sa procedure. Unpublished master's thesis. Université de Liège. Liège, Belgique, 2020. P. 35.

¹⁰ Canvat R. De l'intelligence artificielle dans la pratique du droit: réception en droit européen, incidence sur la profession d'avocat et éthique. Faculté de droit et de criminology. Université catholique de Louvain, 2020. P. 61.

Литература

1. Мурадян Э.М. Судебное право / Э.М. Мурадян. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2007. 575 с.
2. Biard A. Justice en ligne ou nouveau far www.est? La difficile regulation des plateformes en ligne de reglement extrajudiciaire des litiges / A. Biard // Revue Internationale de Droit Économique. 2019. Vol. 2. P. 165–191.
3. Canvat R. De l'intelligence artificielle dans la pratique du droit: réception en droit européen, incidence sur la profession d'avocat et éthique / R. Canvat. Faculté de droit et de criminologie, Université catholique de Louvain, 2020. 88 p.
4. Dondero B. Justice prédictive: la fin de l'aléa judiciaire? / B. Dondero. Recueil Dalloz, 2017. 532 p.
5. Dusseaux A. Doctrine.fr: l'intelligence artificielle au service du droit / A. Dusseaux, H. Ruggieri // Enjeux numériques. 2018. Vol. 3. P. 81–85.
6. Letteron R. L'accès numérique au droit / R. Letteron // Enjeux numériques. 2018. Vol. 3. P. 70–72.
7. Marcellis-Warin N. Entre possibilités et risques: à la recherche d'un recherche d'un nouvel équilibre / N. Marcellis-Warin, T. Warin // Gestion. 2017. Vol. 1. P. 72–75.
8. Tiffany J. L'impact de l'intelligence artificielle sur l'arbitrage et sa procedure. Travail de fin d'études. Master en droit à finalité spécialisée en droit des affaires / J. Tiffany. Unpublished master's thesis. Université de Liège. Liège, Belgique, 2020. 65 p.

**Брановицкий
Константин Леонидович**
профессор кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
доктор юридических наук,
магистр права LL.M (Киль, Германия)
branovitsky@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-12-13

Актуальное состояние и перспективы единого правового пространства Евразийского экономического союза: на примере сферы гражданского процесса

В настоящей статье рассматриваются существующие тенденции на постсоветском пространстве. Автором отмечается, что в рамках интеграционных объединений процессы сближения должны иметь особое значение ввиду стремления к созданию единого правового пространства. Немаловажное значение в таких процессах должна приобретать сфера гражданского судопроизводства, поскольку сильно разнящееся процессуальное регулирование государств — членов интеграционного объединения существенно снижает доверие граждан к эффективности судебной защиты в рамках таких объединений.

Ключевые слова: международный гражданский процесс, Евразийский экономический союз, сближение права, признание и приведение в исполнение судебных решений.

В период конца XX — начала XXI в. на территории бывшего СССР возник целый ряд интеграционных образований: СНГ, Союзное государство Белоруссии и России, Единое экономическое пространство, Организация центрального азиатского сотрудничества (ОЦАС), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Таможенный союз (ТС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Последствием распада СССР стала **утрата единой советской правовой системы**. В сфере гражданского процессуального права богатый советский опыт правового регулирования и высокая степень разработанности правовой доктрины, вступление некоторых государств в Совет Европы стали необходимыми предпосылками для качественно нового развития процессуального права в независимых государствах¹.

Наличие развитой процессуальной доктрины не только позволило вновь образованным государствам обеспечить проведение и реализацию необходимых правовых реформ, но и по-прежнему является фундаментом для эффективного межгосударственного диалога и предпо-

ределяет близость правового регулирования по настоящее время.

Стремление отдельных государств — участников СНГ к более тесной интеграции привело сначала к созданию ЕврАзЭС (2000 г.), а затем и ЕАЭС (2015 г.). В основе евразийской интеграции лежала базовая идея о создании Единого экономического пространства на постсоветских территориях, дорога к которому должна начаться с формирования Таможенного союза и единого экономического пространства².

С точки зрения процесса сближения правопорядков в сравнении с предыдущими этапами интеграции на постсоветском пространстве современный этап сближения в рамках ЕАЭС характеризуется рядом важных особенностей.

Во-первых, исчезают из правового регулирования используемые инструменты сближения времен СНГ (модельный закон, международный договор и т.д.). Вместо этого государства — члены ЕАЭС лишь фиксируют в учредительных документах сферы своих интересов. Впрочем, переход от одной ступени интеграции к другой, от содружества к сообществу и далее к союзу совершенно никоим образом

¹ Князькин С.И. Экстраординарный характер деятельности надзорной судебной инстанции в гражданском и арбитражном процессе России. М., 2015. С. 74.

² Козырин А.Н. Пределы наднационального регулирования в Едином экономическом пространстве ЕврАзЭС // Реформы и право. 2013. № 3. С. 3.

не отражается на сближении правопорядков в сфере гражданского процесса или появлении единой политики евразийской политики гражданского процесса.

Существующая система многосторонних соглашений времен СНГ в сфере гражданского процесса довольно противоречива и является устаревшей в масштабах современных мировых интеграционных объединений. Отсутствие необходимых норм о координации деятельности судов договаривающихся государств создает реальный риск вынесения противоречащих друг другу решений.

Недостатки и устаревший характер многосторонних соглашений государства — члены ЕАЭС пытаются компенсировать во многом с помощью постоянного реформирования национального законодательства, сохраняя при этом общие доктринальные положения. Об этом свидетельствует преемственность основных положений обновленных процессуальных кодексов Казахстана и Кыргызстана, а также синхронность ликвидации системы арбитражных (хозяйственных) судов в Российской Федерации и Белоруссии.

Обновленное законодательство указанных государств в плане координации процессов уже **совершенно соответствует нормам многосторонних соглашений**. По мере такого процесса интерес к международной координации в этом вопросе может падать.

Кроме того, отсутствие стратегии сближения в сфере гражданского процесса на уровне ЕАЭС «приглашает» страны к различным правовым экспериментам.

Сказанное проявляется в созданном в Казахстане в рамках МФЦ «Астана» судебном органе, обладающем исключительной компетенцией по некоторым делам. Такое регулирование неизбежно повлечет коллизии в судебной компетенции и проблемы в признании и приведении в исполнение судебных решений между государствами.

Некоторые выводы

Опыт интеграции ЕС подтверждает, что ее современное развитие в аспекте единого правового пространства невозможно без сближения сферы гражданского процесса. Можно сколько угодно долго гармонизировать/унифицировать финансовые рынки, рынки лекарственных препаратов и т.п., но реального эффекта в деле повышения правовой защищенности граждан и организаций в рамках интеграционного объединения можно добиться только при использовании инструментов сближения в сфере гражданского процесса³.

При этом кажущаяся на первый взгляд «преемственность» основных положений доктрины и законодательства без прочного правового фундамента для сближения в виде новых международных соглашений или наднационального регулирования способна быстро исчезнуть при неминуемой смене власти и, возможно, политического курса.

³ Брановицкий К.Л. Сближение гражданского процессуального права в рамках Европейского союза и на постсоветском пространстве: сравнительно-правовой анализ. М. : Статут, 2018. С. 355.

Литература

1. Брановицкий К.Л. Сближение гражданского процессуального права в рамках Европейского союза и на постсоветском пространстве: сравнительно-правовой анализ / К.Л. Брановицкий. Москва : Статут, 2018. 399 с.
2. Князькин С.И. Экстраординарный характер деятельности надзорной судебной инстанции в гражданском и арбитражном процессе России / С.И. Князькин. Москва : Инфотропик Медиа, 2015. 224 с.
3. Козырин А.Н. Пределы наднационального регулирования в Едином экономическом пространстве ЕврАзЭС / А.Н. Козырин // Реформы и право. 2013. № 3. С. 3–8.
4. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1997. 240 с.
5. Ярков В.В. О проекте Глобального кодекса принудительного исполнения / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 12. С. 55–62.

Незнамов**Александр Владимирович,**

доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
avneznamov@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-14-15

Международно-правовые аспекты цифровизации цивилистического процесса*

В статье на основе достигнутого уровня развития и понимания цифровизации гражданского процесса в международном масштабе предпринимается попытка систематизировать представления о том, в каких сферах, с какими целями и в каких формах данный процесс должен быть урегулирован правом.

Ключевые слова: международный гражданский процесс, цифровизация гражданского судопроизводства, гармонизация гражданского процессуального права, конкуренция правоприменительных систем.

Современная правовая наука все более интересуется трансграничными аспектами цифровизации гражданского процесса. Авторы интересуются принципами, на основе которых может происходить сближение в данной сфере¹, конкретными гармонизационными процессами², но чаще можно встретить просто упоминание о том, что данная тема заслуживает отдельного внимания и дальнейших исследований. Это означает, что полная картина всего спектра проблем в данной сфере пока не сформирована. В частности, недостаточно исследованным представляется вопрос о сферах, целях и формах правовой регламентации цифровизации трансграничных цивилистических процессуальных взаимодействий.

При ответе на этот вопрос следует исходить из того, что цифровизация гражданского процесса в международном масштабе находится под воздействием тех же тенденций, что и международный гражданский процесс в целом: тенденций сближения (гармонизации), взаимодействия и конкуренции. При этом, поскольку данные тенденции во многом носят разнонаправленный характер, то и цели, направления и формы правового воздействия

на цифровизацию процесса тоже будут разными.

1. Как известно, гармонизация предполагает преодоление различий в правовом регулировании, создание близких по содержанию правил.

Поскольку целью гармонизации является *создание общего или единообразного* правового пространства, основным целями правового регулирования в данной сфере должны являться поиск и закрепление общих правовых ценностей, принципов и подходов, на которых могло бы строиться дальнейшее сближение национальных правоприменительных систем, а главной формой — деятельность наднациональных образований.

Поскольку речь идет не о конкретных правилах поведения, главным средством правового воздействия должно быть создание актов «мягкого» права: модельных, рамочных, декларативных. Более того, современному праву уже известны примеры такого регулирования (например, в рамках ЕС, СЕ, ООН). Полагаем, что в будущем примеров такого «мягкого» регулирования в сфере трансграничной цифровизации будет становиться все больше.

2. Во многом схожей представляется тенденция взаимодействия правоприменительных систем: она также предполагает поиск определенных «точек соприкосновения». Однако, в отличие от гармонизации, при взаимодействии правоприменительных систем речь идет о реальных процессуальных взаимодействиях, с конкретными участниками и по конкретным поводам.

¹ Брановицкий К.Л. Цифровая доступность правосудия: трансграничное измерение // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 39–44.

² Брановицкий К.Л. Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского Союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект). М.: Статут, 2018. 399 с.

* Статья подготовлена и публикуется в рамках гранта РФФИ № 18-29-16070 «Информационные технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия».

Применительно к рассматриваемой проблеме это означает, что

— в рамках данной тенденции цифровое трансграничное взаимодействие будет существовать не только на регулятивном уровне, но и на уровне конкретной процессуальной деятельности, которая потребует более детальной правовой, организационной и технической настройки; таким образом, в рамках данной тенденции конкретные правовые и технические предписания будут превалировать над общими нормами;

— в отличие от гармонизации, во взаимодействии, как правило, участвуют только две правоприменительные системы; с учетом этого при регулировании трансграничного цифрового взаимодействия будут превалировать не многосторонние, а двусторонние соглашения, исходящие из существующих у сторон технических и правовых возможностей.

Таким образом, целью правового регулирования в рамках данного направления является создание правовых, организационных и технических условий для эффективной трансграничной процессуальной деятельности, преобладающей формой и средствами регулирования — двусторонние межгосударственные соглашения и коррелирующие с ними национальные нормативные и технические акты.

При современном уровне развития трансграничных отношений у нас нет значимого числа примеров такого регулирования. Можно лишь сказать о звучащих в науке предложениях о создании такого регулирования³. В то же время, исходя из существующих тенденций, полагаем, что именно данный тип правового регулирования в ближайшей перспективе станет наиболее значимым.

³ Ренц И.Г., Филиппова О.В. Юридически значимое трансграничное взаимодействие при совершении электронных нотариальных действий // Нотариальный вестник. 2020. № 6. С. 5–16.

Литература

1. Брановицкий К.Л. Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского Союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект) / К.Л. Брановицкий. Москва : Статут, 2018. 399 с.
2. Брановицкий К.Л. Цифровая доступность правосудия: трансграничное измерение / К.Л. Брановицкий // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 39–44.
3. Ренц И.Г. Юридически значимое трансграничное взаимодействие при совершении электронных нотариальных действий / И.Г. Ренц, О.В. Филиппова // Нотариальный вестник. 2020. № 6. С. 5–16.

3. В отличие от вышеупомянутых тенденций, конкуренция правоприменительных систем предполагает *культивирование не общей, а отличной от других правоприменительных систем*. С этой точки зрения, источником правового регулирования в данной сфере безусловно должны служить внутренние ресурсы и особенности конкретной правоприменительной системы, а основной формой правового регулирования — национальное правовое регулирование.

Однако национальное правовое регулирование не имело бы здесь самостоятельного значения, если бы не другие составляющие:

а) возможность (и техническая, и правовая) доступа к национальной правоприменительной системе лица, находящегося вне ее пределов;

б) возможность признания и эффективного исполнения правоприменительных актов, принятых таким образом.

С учетом этого, проблематики правового регулирования цифровизации трансграничных процессуальных отношений при взаимодействии и при конкуренции национальных правоприменительных систем парадоксальным образом пересекаются.

Современному миру известны примеры эффективного регулирования трансграничного цифрового взаимодействия в рамках конкуренции правовых систем, причем не столько национальных, сколько негосударственных (например, механизмы разрешения споров при AliExpress, Amazon). И это лишь еще раз означает, что в современном мире есть значительный запрос на взаимодействие такого типа, и, если государство не осознает и не удовлетворяет эту потребность, регулятивный «вакуум» будет заполнен другими субъектами. Полагаем, что у современной российской правоприменительной системы имеется достаточный «цифровой задел» для того, чтобы занять достойное место в мировой борьбе за *forum shopping*.

**Халатов
Сергей Александрович,**
доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
xalатов@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-16-17

Изменение бремени доказывания в административном судопроизводстве Китайской Народной Республики и России*

В статье рассматривается вопрос изменения бремени доказывания некоторых обстоятельств в административном судопроизводстве Китайской Народной Республики в случае невозможности представления доказательств по причине, связанной с поведением административного органа. Проводится сравнение с правовым регулированием сходных ситуаций в российском процессе. Делается вывод о необходимости включения тождественной нормы в процессуальные кодексы России.

Ключевые слова: административное судопроизводство, КНР, бремя доказывания, удержание доказательств.

Законодательное регулирование рассмотрения судами административных дел в Китайской Народной Республике (КНР) в настоящее время осуществляется Административным процессуальным кодексом (АПК) КНР, первоначально принятым 4 октября 1989 г.¹

В соответствии с АПК КНР подлежат рассмотрению дела по искам граждан и организаций (в том числе юридических лиц), оспаривающих акты органов государственного управления и служащих этих органов, а также организаций, наделенных полномочиями в соответствии с законами, подзаконными и ведомственными актами по наложению административных наказаний и мер административного принуждения, а также действия, бездействие и решения административных органов, перечисленные в ст. 12 АПК КНР, в соответствии с законами и подзаконными актами.

Бремя доказывания совершения оспариваемого акта и оснований его совершения, включая представление нормативных документов, возлагается на ответчика.

В административном судопроизводстве КНР истец вправе, но не обязан представлять доказательства, подтверждающие незаконность административного акта.

¹ Далее в тексте — АПК КНР.

* Автор выражает искреннюю признательность Павлу Васильевичу Бажанову, магистру Харбинского политехнического университета за предоставленный перевод Административного процессуального кодекса КНР.

Неиспользование этого права не освобождает ответчика от бремени доказывания.

По делам об административной компенсации или возмещении именно истец, кроме того, обязан представить доказательства вреда, причиненного административным действием. Если же имеются какие-либо причины, связанные с ответчиком, которые препятствуют истцу представить доказательства, то подлежит применению норма АПК КНР о переходе бремени доказывания вреда, причиненного административным актом, на ответчика.

Российский Кодекс административного судопроизводства не содержит аналогичной нормы. Действующее правовое регулирование рассмотрения административных дел основывается на обязанности административного истца, прокурора, органов, организаций и граждан подтверждать факты, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений, за исключением обязанности доказывать незаконность оспариваемых актов.

Судебная практика выработала правило, в соответствии с которым суд вправе с учетом обстоятельств административного дела в целях решения задач административного судопроизводства, реализуя принцип состязательности и равноправия сторон при активной роли суда, возложить на лицо, участвующее в деле, наделенное

публичными полномочиями, обязанность по представлению в определенный срок доказательств, возражений в письменной форме. За неисполнение указанной обязанности на лицо, участвующее в деле, в том числе на сторону административного судебного процесса, может быть наложен судебный штраф (ст. 3, п. 7 ст. 6, ст. 9, 14, 63, ч. 5 ст. 135, ч. 1 ст. 257 Кодекса административного судопроизводства РФ)².

Гражданский процессуальный кодекс РФ также не знает запрета истребования доказательств у лиц, участвующих в деле, однако содержит и более эффективный, чем штраф, способ понуждения лица, участвующего в деле, к представлению удерживаемых доказательств: если одна сторона выполнила бремя утверждения и указала на доказательство, находящееся у другой стороны, а другая сторона удерживает имеющееся у нее доказательство, то в этом случае суд полномочен признать утверждаемый факт доказанным.

Порядок рассмотрения арбитражными судами дел в порядке административного судопроизводства включает право административного суда истребовать по собственной инициативе доказательства в подтверждение или опровержение обстоятельств, подлежащих доказыванию как лицом, наделенным публичными полномочиями, так и другими лицами. Полномочия арбитражного суда по инициативному истребованию доказательств, не представленных лицами, наделенными публичными полномочиями, в обоснование своих возражений подтверждены и Конституционным Судом Российской Федерации³.

Практика арбитражных судов уже после вступления в силу современного АПК РФ, но в отсутствие соответствующих изменений в нем выработала правило, применяемое преимущественно при разрешении корпоративных и банкротных дел, в соответствии с которым, если лицо удерживает доказательство, подтверждающее факт, подлежащий доказыванию его процессуальным противником, такой факт становится презюмируемым, а бремя доказывания перекладывается на удерживающую сторону⁴.

Как следует из представленных норм, в отличие от АПК КНР, российские процессуальные кодексы не знают правила о переложении бремени доказывания обстоятельств, обычно доказываемых подвластной стороной, на административный орган, акт которого оспаривается, в случае удержания им доказательств. Вместе с тем судебная практика, основываясь на объективно существующей необходимости установления обстоятельств по делу в условиях фактического утаивания доказательств, сформулировала правило, сходное с правилом, содержащимся в АПК КНР.

Представляется, что включение в корпус законодательно закрепленных процессуальных правил нормы о переложении бремени доказывания на сторону, обладающую публичными полномочиями, в случае удержания ею доказательств, подтверждающих требования или возражения других лиц, способствует более эффективной защите прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, объективно лишенных реальной возможности представить доказательства в процессе рассмотрения и разрешения судом административного дела.

² Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2017 г. № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел».

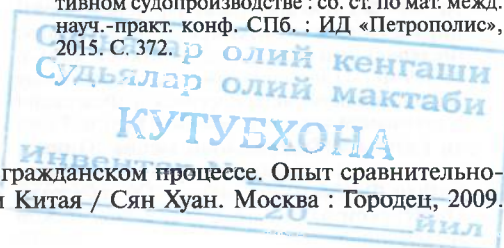
³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2006 г. № 8-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Западно-Уральской региональной общественной организации инвалидов "Возрождение" на нарушение конституционных прав и свобод

частью 2 статьи 200 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

⁴ См.: Халатов С.А. Удержание доказательств сторонами гражданского и арбитражного процессов // Проблемы реализации норм, регулирующих доказательства и доказывание в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве : сб. ст. по мат. междунауч.-практ. конф. СПб. : ИД «Петрополис», 2015. С. 372.

Литература

1. Хуан Сян. Судебные доказательства в гражданском процессе. Опыт сравнительного правоведения на примере России и Китая / Сян Хуан. Москва : Городец, 2009. 96 с.

Жильцов Алексей Николаевич,
заведующий кафедрой международного
частного права, начальник отдела
сравнительного и международного
частного права Исследовательского центра
частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации,
член Президиума Международного
коммерческого арбитражного суда
при Торгово-промышленной палате
Российской Федерации (МКАС),
заслуженный юрист Российской Федерации,
кандидат юридических наук
zhiltsov@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-18-25

Обзор практики МКАС при ТПП РФ за 2019 год: общая характеристика и коллизионные вопросы

В статье дается общая характеристика практики МКАС при ТПП РФ по международным спорам на основе решений и постановлений, вынесенных коллегиями арбитров в 2019 г. При этом особое внимание уделяется коллизионной методологии, используемой арбитрами при разрешении указанной категории споров.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, арбитражная практика, применимое право, коллизионное право.

По результатам проведенной в 2015–2016 гг. реформы российского законодательства о третейском разбирательстве¹ в целом можно констатировать, что Международный коммерческий арбитражный суд при ТПП РФ (далее — МКАС) продолжает сохранять свою роль в качестве лидирующего российского постоянно действующего арбитражного учреждения. При этом что этот тезис применим как в контексте рассмотрения международных, так и чисто внутренних споров, особенно в связи с существенным ростом числа последних и открытием значительного числа региональных отделений МКАС (на начало лета 2021 г. было образовано 19 отделений МКАС в различных регионах России), в контексте настоящей статьи анализируется лишь практика МКАС, касающаяся рассмотрения международных споров.

Это обусловлено как тем обстоятельством, что МКАС является российским арбитражным учреждением, администрирующем на постоянной основе наибольшее число разбирательств международных коммерческих споров, так и

значимостью именно международной практики МКАС в контексте применения норм российского коллизионного права.

При этом что подобные исследования на основе практики МКАС за прошлые годы уже осуществлялись ранее², в настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть практику МКАС на основе обновленных данных, т.е. на основе анализа всех решений и постановлений, вынесенных МКАС за период с 1 января по 31 декабря 2019 г., сконцентрировавшись при этом на общей характеристике практики за указанный период, а также на возникавших коллизионных вопросах.

1. Количество рассмотренных дел

Всего за 2019 г. в арбитражных разбирательствах МКАС вынесено 210 решений и постановлений (в 2018 г. вынесено 187 решений и постановлений,

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»; Федеральный закон от 29 октября 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»».

² См., например: Жильцов А.Н., Муранов А.И. Некоторые статистические данные о деятельности МКАС: 1933–2011 гг. // Третейский суд. 2012. № 5 (83). С. 97–105; Жильцов А.Н. Наиболее интересные решения и постановления МКАС (2010–2014) // Третейский суд. 2015. № 4 (100). С. 54–86; Он же: Некоторые новейшие статистические данные о деятельности МКАС за период с 1 января по 31 декабря 2016 г. на основе вынесенных решений и постановлений // Практика МКАС при ТПП РФ: 2004–2016. К 85-летию МКАС / науч. ред. и сост.: А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: Ассоциация исследователей международного частного и сравнительного права, 2017. С. 94–100; Он же: Обзор практики Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ по международным спорам за 2017 год // Коммерческий арбитраж. 2019. № 2. С. 163–174.

в 2017 г. — 234, в 2016 г. — 252, в 2015 г. — 251, в 2014 г. — 244). Притом что применительно к данным по количеству вынесенных решений и постановлений за 2018 г. отмечалось некоторое снижение числа обращений в МКАС, данные за 2019 г., рассмотренные в контексте новых предписаний Правил арбитража, о чем будет сказано ниже, позволяют сделать более точный вывод о том, что популярность рассматриваемого постоянно действующего арбитражного учреждения не падает, а сохраняется на прежнем уровне.

При этом не должны вводить в заблуждение соответствующие показатели за 2016 и 2015 гг. (252 и 251 решения и постановления соответственно), поскольку такое количество рассмотренных дел отражало отсутствие в ранее действующем Регламенте МКАС положения, аналогичного § 11 Правил арбитража международных коммерческих споров (далее — Правила арбитража), в соответствии с которым истец вправе соединить в одном иске несколько требований, которые могут быть рассмотрены при условии, если они охватываются несколькими арбитражными соглашениями, предусматривающими передачу споров в МКАС и совместимыми друг с другом по своему содержанию. Соответственно, при объединении дел в соответствии с § 11 Правил арбитража число итоговых актов МКАС может быть меньшим, чем число актов, выносимых ранее ввиду возможности охвата одним решением или постановлением требований из нескольких договоров. Возможностью объединения требований из нескольких договоров в одном иске стали активно пользоваться стороны, поскольку такая практика значительно сокращает сроки рассмотрения споров.

Как правило, арбитражное разбирательство завершается вынесением арбитражного решения. За отчетный период коллегиями арбитров МКАС было вынесено 181 решение по существу спора. Другим итогом арбитражного разбирательства может явиться постановление о прекращении разбирательства, при этом такие постановления могут выноситься

в следующих трех случаях: а) в случае установления арбитрами отсутствия компетенции по рассмотрению конкретного спора; б) в случае отказа истца от иска; в) в случае, когда продолжение разбирательства стало по каким-либо причинам ненужным или невозможным, в частности, при отсутствии предпосылок, необходимых для разрешения дела по существу, в том числе если из-за бездействия истца дело остается без движения более 120 дней. В 2019 году было вынесено 25 постановлений о прекращении, при этом отсутствие компетенции признано коллегиями арбитров МКАС в 5 случаях.

Практика МКАС демонстрирует, что другим аспектом проявления вопроса о компетенции является растущее число дел, в которых ответчики пытаются оспорить наличие компетенции у коллегии арбитров. В течение 2019 г. такие попытки имели место в 16 делах, и во всех этих делах они оказались безуспешными. Следует отметить, что налицо несомненное увеличение числа подобных дел, что отражает рост состязательности проводимых в МКАС разбирательств. Аргументация, которую используют ответчики в таких делах, как правило, не выдерживает критики с точки зрения серьезности используемых доводов и в целом позволяет сделать вывод о том, что оспаривание компетенции в значительном большинстве случаев является проявлением тактики ответчиков на максимальное затягивание арбитражных разбирательств с их участием.

2. Количество арбитров, рассматривающих спор

Целям минимизации расходов сторон на арбитражное разбирательство служит п. 2 § 16 Правил арбитража, в соответствии с которым из общего правила о формировании третейского суда в составе трех арбитров делается исключение в пользу возможности назначения единоличного арбитра, если совокупный размер всех заявленных требований не превышает 50 тыс. долл. США и нет иных обстоятельств, делающих необходимым формирование коллегии арбитров в составе трех человек. Анализ практики

за 2019 г. демонстрирует, что указанное обновленное положение Правил арбитража оказалось несомненно оправданным — 72 дела были разрешены единоличным арбитром, что составляет 35% от общего числа дел.

Притом что рост числа дел с участием единоличного арбитра следует приветствовать, представляется, что п. 2 § 16 Правил арбитража требует корректировки, так как устанавливает слишком низкую планку в 50 тыс. долл. США. С учетом современных реалий коммерческих отношений, а также аналогичных положений иностранных регламентов представляется оправданным эту планку повысить до уровня 250 тыс. долл. США. Правильность такого подхода также подтверждается тем, что зачастую сами стороны в своих арбитражных соглашениях предусматривают разрешение спора единоличным арбитром, предвосхищая, что сумма иска, ввиду характера коммерческих отношений, будет в районе нескольких сот тысяч долларов США.

3. Сроки разбирательств, администрируемых МКАС в 2019 г.

Согласно § 35 Правил арбитража разбирательство дела по общему правилу должно быть завершено в срок не более 180 дней со дня формирования третейского суда. При этом Президиум МКАС может в случае необходимости по просьбе третейского суда или по собственной инициативе продлевать срок разбирательства дела.

Данные по срокам рассмотрения дел в 2019 г. приведены в таблице 1.

Таблица 1

Данные по срокам рассмотрения дел	количество	в %-ном соотношении
— До 6 месяцев	80	39%
— Более 6 месяцев, но менее года	105	51%
— Более года, но менее двух лет	18	9%
— Более двух лет, но менее трех лет	3	1%
— Более трех лет	0	0%

Как видно из приведенной таблицы 1, 80 дел, что составляет 39% от всех рассмотренных дел, были рассмотрены в ускоренном порядке в срок до 120 дней с момента поступления иска. В 2018 году таких дел было 59 (31,5%).

Из приведенной таблицы также следует, что 51% дел были рассмотрены в соответствии с требованием Правил о сроке разбирательств в 180 дней. Сумма же указанных дел с делами, рассмотренными в ускоренном порядке, позволяет констатировать, что 90% дел, рассмотренных в МКАС в 2019 г., были завершены в строгом соответствии с установленными правилами сроками, что является очень хорошим показателем по сравнению с иными арбитражными центрами, как российскими, так и зарубежными.

4. Суммы исковых требований в делах, рассмотренных коллегиями арбитров МКАС в 2019 г.

Данные по суммам заявленных требований³ в решениях и постановлениях МКАС, вынесенных в 2019 г., приводятся в таблице 2.

Таблица 2

Сумма иска	количество	в %-ном соотношении
сумма иска менее 50 тыс. долл. США	70	34%
сумма иска от 50 тыс. до 100 тыс. долл. США	25	12%
сумма иска от 100 тыс. до 500 тыс. долл. США	47	23%
сумма иска от 500 тыс. до 1 млн долл. США	18	9%
сумма иска от 1 млн до 10 млн долл. США	30	15%
сумма иска от 10 млн до 100 млн долл. США	14	7%
сумма иска более 100 млн долл. США	2	1%

³ Суммы требований конвертировались в доллар США по применимому к соответствующей валюте среднему курсу ЦБ РФ за 2019 г.

Приведенные данные позволяют заключить, что в целом характер споров, с точки зрения стоимостного выражения сумм требований, не претерпел значительных изменений по сравнению с 2018 г. В 2018 году данные по суммам требований были следующими:

- сумма иска менее 50 тыс. долл. США — 63 (34%);
- сумма иска от 50 тыс. до 100 тыс. долл. США — 24 (13%);
- сумма иска от 100 тыс. до 500 тыс. долл. США — 45 (24%);
- сумма иска от 500 тыс. до 1 млн долл. США — 23 (12%);
- сумма иска от 1 млн до 10 млн долл. США — 25 (13%);
- сумма иска от 10 млн до 100 млн долл. США — 5 (3%);
- сумма иска более 100 млн долл. США — 2 (1%).

При сравнении данных обращает на себя внимание, что по первым трем позициям — споры с суммой иска менее 50 тыс. долл. США, споры с суммой иска от 50 тыс. до 100 тыс. долл. США и споры с суммой иска от 100 тыс. до 500 тыс. долл. США — доля дел в 2018 и 2019 гг. практически идентична. И хотя по спорам с ценой иска от 500 тыс. до 1 млн долл. США количество дел в 2019 г. упало на 3%, а по спорам с суммой иска от 1 млн до 10 млн долл. США и от 10 млн до 100 млн долл. США, наоборот, увеличилось соответственно на 3 и 4%, указанные изменения не существенны и не влияют на общую характеристику споров, передаваемых в МКАС, с точки зрения их ценовой оценки. Соответственно, наибольший сегмент в практике МКАС составляют дела средней (суммы требований от 50 тыс. до 500 тыс. долл. США — 35%) и низкой ценовых категорий (суммы требований до 50 тыс. долл. США — 34%). Такая характеристика есть следствие общей экономической ситуации, сложившейся в последние годы и отличающейся низким уровнем инвестиционной активности со стороны иностранных компаний и характером внешнеэкономических операций.

5. Характер требований, заявленных в разбирательствах в 2019 г.

Данные по видам требований, заявлявшихся в МКАС в 2019 г., позволяют сделать вывод, что, как и в предыдущие годы, наиболее часто в МКАС передаются споры из договора международной купли-продажи товаров (поставки) (69% в 2019 г., 72% в 2018 г.). Такая ситуация может объясняться как тем, что разрешение споров посредством третейского разбирательства является традиционным для внешнеэкономических операций еще со времен существования СССР, так и наибольшей известностью МКАС именно в этой сфере.

Притом что переданные на рассмотрение МКАС требования указывают на несомненное многообразие видов отношений, из которых возникали соответствующие споры, можно констатировать, что, помимо отношений из поставки, наиболее часто в практике МКАС споры возникали из отношений по возмездному оказанию услуг (7%), заемно-кредитных и арендных отношений (6% и 2%), отношений по строительному подряду (2%) и международной транспортной экспедиции (2%). В целом указанные отношения являются типичными для внешнеэкономических операций общего характера, равно как именно указанные спорные отношения преобладали в практике МКАС и в течение прошедшего десятилетия.

6. Коллизионные вопросы в практике МКАС за 2019 г.

Анализ коллизионных вопросов в практике МКАС целесообразно осуществлять в контексте рассмотрения соответствующего законодательного регулирования, что позволит установить его адекватность потребностям, возникающим на практике, и, соответственно, целесообразность его совершенствования, но с учетом ограничения сферы компетенции коллегий арбитров МКАС областью споров из обязательственных отношений.

Основным российским законодательным актом, содержащим коллизионное регулирование, является раздел VI Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), при

этом применительно к международному арбитражу важной нормой указанного раздела является часть вторая п. 1 ст. 1186, предусматривающая, что особенности определения права, подлежащего применению международным коммерческим арбитражем, устанавливаются законом о международном коммерческом арбитраже. Статья 28 Закона о МКА указанные особенности установления применимого права в международном коммерческом арбитраже определяет следующим образом: а) третейский суд разрешает спор в соответствии с такими нормами права, которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора, при этом любое указание на право или систему права какого-либо государства должно толковаться как непосредственно отсылающее к материальному праву этого государства, а не к его коллизионным нормам (п. 1); б) при отсутствии какого-либо указания сторон о выборе применимого права третейский суд применяет право, определенное в соответствии с коллизионными нормами, которые он считает применимыми (п. 2).

Положения п. 1 ст. 28 Закона о МКА корреспондируют положениям п. 1 ст. 1210 ГК РФ об автономии воли сторон в выборе применимого права и п. 1 ст. 1190 о неприменении обратной отсылки и, таким образом, не содержат какого-либо особого регулирования. Более того, указанные положения ГК РФ, будучи разработанными значительно позже Закона о МКА, содержат более детальное регулирование соответствующих отношений, и поэтому их применение третейскими судьями можно считать вполне оправданным.

Важным, с точки зрения специфики регулирования, является п. 2 ст. 28 Закона о МКА, поскольку он наделяет международных арбитров полномочием устанавливать компетентный правопорядок на основе коллизионных норм, которые арбитры сочтут применимыми. То есть, в отличие от судей государственных судов, для которых коллизионные нормы российского правопорядка являются обязательными, в соответствии с указанным положением арбитры МКАС вправе устанавливать применимое право на

основе тех коллизионных норм, которые они посчитают подходящими в контексте обстоятельств конкретного спора. При этом вполне очевидно, что речь здесь не идет о возможности выбрать любые коллизионные нормы российского правопорядка, игнорируя их объем, а о выборе коллизионных норм из иных, связанных с отношением сторон, правовых систем.

Способность руководствоваться теми коллизионными нормами, которые арбитры сочтут применимыми, является единственным существенным отличием коллизионной методологии, применяемой в международном арбитраже, по сравнению с теми подходами, что доступны государственным судам, при этом основной причиной законодательного закрепления такого подхода являлось стремление законодателя наделять арбитров правом устанавливать применимость коллизионных норм, связанных с правоотношением правовых систем, которые обеспечивают наиболее адекватный результат в установлении применимого материального права.

Между тем вполне очевидно, что наличие у международных арбитров правомочия избрать применимую коллизионную норму из нескольких связанных с отношением сторон правовых систем не означает, что такой поиск применимой коллизионной нормы во всех случаях оправдан, а скорее, должен осуществляться при наличии для этого существенных оснований. Более того, произошедшие за последние десятилетия унификации коллизионных норм на международном уровне, а также принятие значительным числом государств новых законодательных актов по вопросам международного частного права, основанных на идентичных или близких по содержанию коллизионных принципах, делают, на наш взгляд, поиск международными арбитрами «применимой коллизионной нормы» малоактуальным. Приведенные ниже данные демонстрируют, являлось ли востребованным рассматриваемое положение Закона о МКА в практике МКАС за 2019 г. Невостребованность рассмотренного механизма, являющегося, как уже отмечалось, самой значимой особенностью коллизионной методо-

логии в международном коммерческом арбитраже, будет означать решение арбитрами коллизионных вопросов на основе положений ГК РФ, иных российских законодательных актов и международных конвенций.

6.1. Выбор сторонами применимого права

Анализ решений и постановлений за рассматриваемый период демонстрирует, что, как и в прошлые годы, в большинстве случаев стороны предпочитают сами избрать применимое право для регулирования их договорных отношений. Всего за 2019 г. стороны осуществили выбор права в 173 делах, что составляет 84% от общего числа всех дел (в 2018 г. выбор права был сделан в 148 делах (79%)). Российское материальное право избиралось в 171 деле, а иностранное право — в 2 делах (право Республики Казахстан и право Турции). Значительное число случаев выбора российского права вполне объяснимо — МКАС можно рассматривать как постоянно действующее арбитражное учреждение, ориентированное прежде всего на российский бизнес, и поэтому российские компании участвуют в большинстве разбирательств МКАС. В случаях, когда российские стороны имеют возможность настоять на условиях оговорки о выборе права, вполне очевидно, что они предпочитают подчинение договора российскому праву. Также следует иметь в виду, что в ряде дел выбор права осуществлялся опосредованно, через указание правовой системы какой-либо стороны, например истца или покупателя, и в целом ряде дел такой выбор приводил к выбору российского права.

При обосновании допустимости выбора применимого права арбитрами ссылались как на п. 1 ст. 28 Закона о МКА, так и на п. 1 ст. 1210 ГК РФ, а также на п. 1 § 23 Правил арбитража, что подчеркивает отсутствие специфики регулирования применительно к международному арбитражу по этому вопросу.

В целом ряде дел, рассмотренных в 2019 г., стороны подчиняли регулирование своих договорных отношений положениям международных конвенций, как правило, Венской конвенции о договоре

международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее — Венская конвенция 1980 г.). При этом в ряде дел выбор Венской конвенции осуществлялся в дополнение к избранию национального права (7 дел), в то время как в иных делах стороны избирали только Венскую конвенцию 1980 г. (4 дела). На основе анализа этой категории решений можно заключить, что такой исключительный или неисключительный выбор сторонами Венской конвенции 1980 г. носит условный характер, так как в тех случаях, когда для разрешения спора достаточно предписаний Венской конвенции 1980 г., арбитры не обращаются к нормам материального права, даже при его избрании сторонами. И, наоборот, в случае «исключительного» избрания Венской конвенции 1980 г. арбитры вынуждены устанавливать субсидиарный статут отношений в тех ситуациях, когда содержащееся в указанной конвенции регулирование не является достаточным.

6.2. Применение коллизионных норм

В делах, рассмотренных коллегиями арбитров МКАС в 2019 г., ввиду отсутствия выбора права сторонами, арбитры были вынуждены решать коллизионный вопрос в 11 случаях. Возвращаясь к рассмотренному выше вопросу о специфике коллизионной методологии в международном арбитраже, выраженной через п. 2 ст. 28 Закона о МКА, можно заметить, что ни в одном из указанных дел арбитры не применили коллизионную норму иностранной правовой системы, которую они могли посчитать применимой: во всех случаях в качестве применимых арбитры посчитали коллизионные нормы раздела VI ГК РФ. Так, например, ст. 1211 ГК РФ была признана надлежащей коллизионной нормой в делах № М-211/2018 от 23 мая 2019 г., № М-89/2019 от 17 июля 2019 г., № М-31/2019 от 25 июля 2019 г., № М-64/2019 от 15 июля 2019 г. По результатам применения коллизионных норм раздела VI ГК РФ была установлена применимость права Польши, Германии, Туркмении, Китая и одного из штатов США, а также российского права.

На основе указанных данных можно констатировать, что предоставленная международным арбитрам возможность

осуществлять поиск «применимой» коллизии нормы в законодательстве связанных с отношением сторон правовых систем хотя и добавляет определенный элемент гибкости в процесс определения применимого права, но на практике оказывается невостребованной.

За рассматриваемый период в практике МКАС не было ни одного дела, в котором арбитры применили коллизионную норму подп. «е» ст. 11 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20 марта 1992 г. (Киевское соглашение), притом что подобная практика имела место в прошлые годы. Представляется, что такую тенденцию следует приветствовать, так как указанная коллизионная норма содержит устаревшую отсылку к праву места заключения договора, которая менее совершенна, чем основной коллизионный принцип раздела VI — принцип наиболее тесной связи.

6.3. Применение сверхимперативных норм

За отчетный период в трех делах (дело № М-59/2018, решение от 5 февраля 2019 г., дело № М-143/2018, решение от 9 апреля 2019 г., дело № М-31/2017, решение от 20 мая 2019 г.) одна из сторон настаивала на необходимости применения сверхимперативных норм связанного с отношением сторон правопорядка, тем самым пытаясь оспорить применимость избранного сторонами применимого права со ссылкой на п. 2 ст. 1192 ГК РФ. Ни в одном из указанных дел арбитры не посчитали, что применимость сверхимперативных норм третьей стороны была обоснованна.

6.4. Применение МКАС международных соглашений и унификационных документов

Поскольку доминирующими в практике МКАС являются споры, связанные с международной куплей-продажей товаров, вполне очевидно, что наиболее часто за отчетный период арбитрами применялась Венская конвенция 1980 г. (64 дела). В 33 делах стороны в силу принципа автономии воли сторон и положений ст. 6 конвенции прямовыраженно исключили ее применение, посчитав, что регулиро-

вание, предусмотренное применимым национальным правом, более адекватно отвечает их потребностям.

В четырех делах, касавшихся отношений по железнодорожной перевозке грузов, арбитры применили Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС) 1951 г.

Интересной новой тенденцией в практике МКАС за 2019 г. стало изменение отношения коллегий арбитров к вопросу об обязательной применимости к спорам с участием сторон из России и Китая Общих условий поставок товаров из СССР в КНР и из КНР в СССР (Пекин, 13 марта 1990 г.). Притом что определенные сомнения в обязательной силе указанного двустороннего международного соглашения высказывались арбитрами и комментаторами и раньше, практика МКАС за прошлые годы содержит несколько примеров применения этого соглашения. В 2019 году в трех делах МКАС арбитры посчитали, что ОУП СССР — КНР могут подлежать применению лишь в тех случаях, когда стороны это прямо предусмотрели в своем соглашении. Так, в деле № М-76/2019, решение от 7 октября 2019 г., арбитры констатировали, что «данный документ носит рекомендательный характер, ни одна из сторон не настаивала на его применении, и вопрос о неустойке разрешен сторонами в контракте иным образом, чем это установлено в параграфе 39 ОУП СССР — КНР». К аналогичному выводу пришли арбитры в деле № М-32/2019 от 26 июля 2019 г. и в деле № М-38/2019, решение от 13 июня 2019 г.

Допустимость применения такого наднационального источника права, как Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, рассматривалась в 2019 г. два раза, при этом в одном из дел Принципы УНИДРУА были признаны подлежащими применению, а в другом в их применении было отказано (дело № М-33/2017, решение от 19 февраля 2019 г.). Обязательным критерием применимости указанного наднационального свода правил коллегии арбитров МКАС правомерно посчитали наличие соответствующего соглашения сторон.

Так, в деле № М-31/2017, решение от 20 мая 2019 г., было отмечено: «Коллегия арбитров также отмечает, что Компания К. в состязательных документах просила коллегия арбитров при вынесении решения руководствоваться Принципами УНИДРУА. Истец против применения указанного регулятора не возражал. Принимая во внимание изложенное, а также то, что Принципы УНИДРУА являются авторитетным источником норм, сложившихся в международной торговой практике, коллегия арбитров констатирует возможность применения при разрешении спора также Принципов УНИДРУА, учитывая при этом, что преамбула указанного документа указывает на то, что настоящие Принципы устанавливают общие нормы для международных коммерческих договоров и потому они могут использоваться для толкования и восполнения национального законодательства».

Заклучение

Данные проведенного анализа подтверждают тезис о сохранении роли МКАС в качестве ведущего российского арбитражного учреждения, администрирующего международные споры, а также, в частности, о росте числа рассмотренных дел, сокращении сроков на проведение разбирательств, повышении активности сторон через участие в формировании коллегий арбитров и в определении применимого права.

Литература

1. Жильцов А.Н. Наиболее интересные решения и постановления МКАС (2010–2014) / А.Н. Жильцов // Третейский суд. 2015. № 4 (100). С. 54–86.
2. Жильцов А.Н. Некоторые новейшие статистические данные о деятельности МКАС за период с 1 января по 31 декабря 2016 г. на основе вынесенных решений и постановлений / А.Н. Жильцов // Практика МКАС при ТПП РФ: 2004–2016. К 85-летию МКАС / научные редакторы и составители: А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. Москва: Ассоциация исследователей международного частного и сравнительного права, 2017. С. 94–100.
3. Жильцов А.Н. Некоторые статистические данные о деятельности МКАС: 1933–2011 гг. / А.Н. Жильцов, А.И. Муранов // Третейский суд. 2012. № 5 (83). С. 97–105.
4. Жильцов А.Н. Обзор практики Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ по международным спорам за 2017 год / А.Н. Жильцов // Коммерческий арбитраж. 2019. № 2. С. 163–174.
5. Жильцов А.Н. Применение раздела VI части третьей ГК РФ в практике МКАС при ТПП РФ / А.Н. Жильцов // Вестник международного коммерческого арбитража. 2014. № 2 (9). С. 10–29.

Применительно к коллизионной проблематике⁴ представляется возможным констатировать, что ввиду значительного количества дел, в которых стороны предпочитают избирать применимое к их отношениям право, при этом используя самые разнообразные способы реализации принципа автономии воли сторон (выбор не только национального права, но и международных конвенций, норм наднационального права, исключение применения Венской конвенции 1980 г. или ее конкретных норм), основная цель коллизионного регулирования, состоящая в устранении коллизий законов и установлении максимально адекватного для сторон правового регулирования, может считаться достигнутой при существующем законодательном режиме и при его практическом применении арбитрами МКАС. При этом несомненно и то, что отдельные положения действующего законодательства, например п. 2 ст. 28 Закона о МКА о праве основывать выбор права на основе «применимой» коллизионной нормы, требуют дальнейшего переосмысления, возможно с переходом на допустимость использования принципа *voie directe*, позволяющего избирать применимое право напрямую.

⁴ Более подробно о коллизионных подходах в практике МКАС см.: Жильцов А.Н. Применение раздела VI части третьей ГК РФ в практике МКАС при ТПП РФ // Вестник международного коммерческого арбитража. 2014. № 2 (9). С. 10–29.

Решетникова**Ирина Валентиновна,**

профессор кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
председатель Арбитражного суда
Уральского округа,
доктор юридических наук
f09.ireshetnikova@arbitr.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-26-27

Стандарт доказывания

Современный арбитражный и гражданский процесс переживает период перехода от объективной истины к стандарту доказывания, который постепенно формируется как в законодательстве, так и судебной практике России. Дано понятие стандарта доказывания, раскрыто содержание обычного и повышенного стандартов доказывания в классическом состязательном судопроизводстве.

Ключевые слова: объективная истина, обычный и повышенный стандарты доказывания, разумная степень достоверности, повышенный стандарт доказывания.

Советский период развития гражданского процесса (а следом за ним и арбитражного процесса) был ознаменован действием принципа объективной истины — предполагалось, что суд должен был установить то, что произошло в действительности. Однако в силу того, что суд устанавливает обстоятельства ретроспективно, используя предложенные законом средства доказывания и представленные сторонами доказательства, остается вероятность некоторых сомнений в достоверности установленных обстоятельств. Классический пример — обстоятельства, подлежащие доказыванию при судебном установлении отцовства до появления экспертизы ДНК:

- 1) совместное проживание родителей ребенка и ведение ими совместного хозяйства;
- 2) признание себя отцом ребенка;
- 3) участие в воспитании и содержании ребенка.

Доказывание данных обстоятельств означало установление истины, которая потенциально таковой не могла являться. Для решения вопроса была предложена данная правовая фикция. Подобный подход сохраняется при установлении обстоятельств отсутствия гражданина в месте его проживания для признания гражданина безвестно отсутствующим или объявления его умершим (ст. 42 и 45 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК). Фикции в указанных случаях вводятся для установления определенных критериев для правового вывода в отсутствие иной возможности прийти к достоверному выводу.

В 1995 году на смену объективной истины в Гражданский процессуальный кодекс РФ не был предложен другой стандарт доказывания.

В классическом состязательном судопроизводстве стандарт доказывания по гражданским делам — это баланс вероятности. Баланс

вероятности должен быть соблюден и при вынесении окончательного судебного акта по делу, и при доказывании отдельных вопросов в ходе судебного слушания. Если доказательство показывает баланс в пользу того, что случилось, то это действительно случилось¹. В деле *Miller v. Minister* стандарт доказывания определен так: «Если доказательство таково, что суд присяжных может сказать: "Мы знаем, что это более вероятно, чем нет", то бремя выполнено, но если вероятности равны, то бремя не выполнено»².

Принято выделять обычный (приведен выше) и повышенный стандарты доказывания, к последнему принято относить уголовные дела и некоторые гражданские дела, имеющие повышенную значимость, а также привлечение к административной и иной публично-правовой ответственности. По некоторым гражданским делам требуется достичь повышенного стандарта доказывания. Степень вероятности, с которой подлежит доказывание обстоятельств, пропорциональна рассматриваемому спору.

Стандарт доказывания по гражданским делам отличается гибкостью и может изменяться в зависимости от категории дела, причем в этих изменениях просматриваются определенные закономерности. Баланс вероятности должен быть более строгим по делам, на которые распространяются особая забота и защита государства, а также по делам, имеющим связь с уголовными деяниями.

Стандарт доказывания представляет собой определенную степень уверенности в том, что обстоятельства по делу установлены и суд может выносить решение по делу³.

¹ Eggleston R. Evidence, proof and probability. 2-nd ed. L., 1983. P. 132.

² Ibid.

³ Сходная позиция высказывалась в науке: «Поскольку установить факты прошлого с абсолютной

Несмотря на отсутствие в российском процессуальном законодательстве определения стандарта доказывания, концепция последнего постепенно получает свои очертания как в науке⁴, так и в законодательстве и судебной практике.

В 2015 году в п. 5 ст. 393 ГК РФ сделана попытка сформировать стандарт доказывания по делам о взыскании убытков из обязательственных правоотношений: размер подлежащих взысканию убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. Верховный Суд Российской Федерации через постановления Пленума распространил данный стандарт на все иные дела о взыскании убытков⁵, а также на дела о возмещении вреда, причиненного окружающей среде⁶, и вреда, причиненного действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя⁷.

В судебной практике Верховного Суда Российской Федерации постепенно фор-

мируется понятие **повышенного стандарта доказывания в делах о банкротстве**, который чаще всего дается через расширенный перечень подлежащих установлению обстоятельств и необходимых доказательств⁸. Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации использует разную терминологию: **повышенный стандарт доказывания**⁹, **строгий**¹⁰ или **высокий**¹¹, более строгий стандарт доказывания¹².

В судебных актах нижестоящих судов все чаще стал упоминаться «стандарт доказывания»¹³, но определяется он судами в большинстве своем интуитивно. Следовательно, на уровне судебной практики выражена потребность легального определения стандарта доказывания, что позволило бы применять его к любым категориям дел, обеспечивая единый подход к делам со сходными обстоятельствами, отчего результат рассмотрения дел становится прогнозируемым, а судебные акты сохраняют свою стабильность.

достоверностью невозможно, судья вынужден держать в уме эффективность защиты прав при сохранении той или иной степени сомнений в отношении фактов спора». См.: Карапетов А.Г., Косарев А. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия. 2019. № 5.

⁴ Смола А.А. Стандарт доказывания и Верховный Суд // Вестник экономического правосудия. 2018. № 8. С. 129–185.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ (ПВС РФ) от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части 1 ГК РФ» (п. 12); Постановление ПВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств» (п. 5).

⁶ Постановление ПВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде».

⁷ Постановление ПВС РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (п. 84).

⁸ Постановление Пленума Верховного Арбитражного Суда РФ от 22 июля 2012 г. № 35 «О некоторых вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (п. 26).

⁹ Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2020); Определения ВС РФ от 16 июня 2020 г. № 308-ЭС20-8515; от 17 октября 2019 г. № 301-ЭС19-13510 (2); от 4 июня 2019 г. № 305-ЭС19-6921; и др.

¹⁰ Определение ВС РФ от 28 мая 2018 г. № 301-ЭС17-22652 и др.

¹¹ Обзор судебной практики ВС РФ № 2 (2018), Обзор судебной практики ВС РФ № 5 (2017) и др.

¹² Определение ВС РФ от 5 декабря 2018 г. № 308-ЭС18-19618 и др.

¹³ Например: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 2 марта 2021 г. № Ф01-536/2021; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 декабря 2020 г. № Ф05-22812; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11 декабря 2020 г. № Ф09-6648/20; и др.

Литература

1. Карапетов А.Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А.Г. Карапетов, А. Косарев // Вестник экономического правосудия. 2019. № 5. С. 3–96.
2. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США / И.В. Решетникова. 3-е изд. Москва : Городец, 2021. 320 с.
3. Смола А.А. Стандарт доказывания и Верховный Суд / А.А. Смола // Вестник экономического правосудия. 2018. № 8. С. 129–185.
4. Eggleston R. Evidence, proof and probability / R. Eggleston. 2-nd ed. London : Weidenfeld and Nicolson, 1983. 274 p.

**Бараданченкова
Ольга Евгеньевна,**
преподаватель кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета
olya.baradanchenkova@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-28-29

Локальный предмет доказывания при распределении судебных расходов: международно-правовой аспект

В статье рассматриваются теоретические вопросы формирования локального предмета доказывания при рассмотрении заявлений о взыскании судебных расходов. Среди прочих обстоятельств в него включаются те, которые свидетельствуют о реальности понесенных по делу судебных расходов. С учетом практики ЕСПЧ реальность может презюмироваться в случае установления обстоятельств, свидетельствующих о наступлении обстоятельств, с которыми связана обязанность участвующего в деле лица выплатить вознаграждение своему представителю.

Ключевые слова: локальный предмет доказывания, судебные расходы, обязанность по доказыванию, юридический факт.

Решение судом вопроса о распределении судебных расходов традиционно относится в доктрине цивилистического процесса к одному из случаев определения локального предмета доказывания по делу¹. Его понимание в науке достаточно единообразно. Так, В.В. Ярков определяет локальный предмет доказывания по делу как совокупность процессуальных юридических фактов, установление которых необходимо для совершения отдельного процессуального действия². И.В. Решетникова дает аналогичное определение локального предмета доказывания, указывая при этом, что отличие локального предмета доказывания от предмета доказывания по делу в целом можно провести по масштабности подлежащих установлению обстоятельств и по источнику их формирования. Так, предмет доказывания по делу, отмечает она, охватывает обстоятельства, перечисленные, как правило, в диспозиции нормы материального права, реже в нормах процессуального права. Обстоятельства, образующие локальный предмет доказывания, перечислены в нормах процессуального права³.

Действительно, обстоятельства, подлежащие установлению при распределении между лицами, участвующими в деле, судебных расходов, установлены в нормах процессуального права (речь идет о гл. 7 Гражданского процессуального кодекса РФ, гл. 9 Арбитражного процессуального кодекса РФ и гл. 10 Кодекса административного судопроизводства РФ). К ним принято относить: денежный характер судебных расходов⁴; связь судебных расходов с рассмотрением конкретного дела⁵; реальность судебных расходов⁶. В отношении последнего обстоятельства необходимо остановиться более подробно и с учетом международно-правовой практики указать, что в локальный предмет доказывания может включаться не только факт выплаты судебных расходов, но и фактические обстоятельства, свидетельствующие о том, что выплата будет безусловно произведена.

По общему правилу реальность судебных расходов предполагает установление

¹ Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. В.В. Ярков. М., 2017. С. 147–152.

² Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М., 2012. С. 157.

³ Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие для магистров. М., 2013. С. 64.

⁴ Раздьяконов Е.С., Тарасов И.Н., Халатов С.А. Актуальные вопросы возмещения судебных издержек: комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Вестник экономического правосудия. 2016. № 4. С. 142.

⁵ Раздьяконов Е.С. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, в системе распределения судебных расходов // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 12. С. 15.

⁶ Там же. С. 15.

того факта, что лицо, участвующее в деле, фактически понесло соответствующие расходы. С учетом того обстоятельства, что они могут быть понесены только в денежной, но не в натуральной форме, можно говорить о необходимости установления факта выплаты соответствующих денежных сумм в целях, обеспечивающих рассмотрение и разрешение дела. В литературе в отношении реальности судебных расходов можно встретить и иной термин — «наличность», который, по сути, также означает, что имел место факт некой выплаты, денежной потери у лица, участвующего в деле⁷.

Вместе с тем Европейский суд по правам человека в своем постановлении от 15 декабря 2005 г. по делу «Тусахвили (Tusashvili) против Российской Федерации» (жалоба № 20496/04) указал, что для распределения судебных расходов необходимо установить, во-первых, были ли судебные расходы и издержки, указанные заявителем, действительно понесены, и, во-вторых, были ли они необходимы. В части установления факта несения судебных расходов ЕСПЧ пояснил, что при установлении тех условий, с которыми связаны обязательства представляемого лица по выплате вознаграждения своему представителю, нет оснований считать расходы непонесенными, так как с точки зрения Конвенции о защите прав челове-

ка и основных свобод 1950 г. эти расходы являются реальными.

Стоит признать, что определенная рецепция правовой позиции ЕСПЧ уже встречается в правоприменительной практике российских судов. Так, Иркутский областной суд в своей Справке по результатам обобщения судебной практики применения судами Иркутской области законодательства, регулирующего вопросы уплаты государственной пошлины и возмещения судебных расходов по административным делам и делам об административных правонарушениях, указал, что с точки зрения построения юридических и законодательных конструкций представляется правильным под понесенными судебными расходами понимать и те издержки, которые сторона вынуждена будет понести в будущем⁸.

Таким образом, в локальный предмет доказывания при рассмотрении заявления о взыскании судебных расходов входят обстоятельства, подтверждающие денежный характер понесенных расходов, их связь с рассмотренным делом и реальность. С учетом практики ЕСПЧ последнее может презюмироваться в случае установления обстоятельств, свидетельствующих о наступлении обстоятельств, с которыми связана обязанность участвующего в деле лица выплатить вознаграждение своему представителю.

⁷ Раздьяконов Е.С., Тарасов И.Н., Халатов С.А. Указ. соч. С. 143.

⁸ URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=528 (дата обращения: 10.06.2021).

Литература

1. Арбитражный процесс : учебник / А.В. Абсалямов [и др.] ; ответственный редактор В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2017. 752 с.
2. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Абсалямов [и др.] ; под редакцией В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. Москва : Статут, 2020. 1072 с.
3. Раздьяконов Е.С. Актуальные вопросы возмещения судебных издержек: комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации / Е.С. Раздьяконов, И.Н. Тарасов, С.А. Халатов // Вестник экономического правосудия. 2016. № 4 (281). С. 141–192.
4. Раздьяконов Е.С. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, в системе распределения судебных расходов / Е.С. Раздьяконов // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 12. С. 11–17.
5. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе : учебно-практическое пособие для магистров / И.В. Решетникова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2013. 527 с.
6. Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе / В.В. Ярков. Москва ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2012. 608 с.

Ярков

Владимир Владимирович,
 заведующий кафедрой гражданского
 процесса Уральского государственного
 юридического университета,
 заслуженный деятель науки
 Российской Федерации,
 доктор юридических наук, профессор
 yarkov5995@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-30-31

Защита лиц, находящихся под ограничительными мерами: новые возможности

В статье рассмотрены новые средства правовой защиты российских лиц, ставших объектом применения мер ограничительного характера. Автор обращает внимание на различие условий применения правил исключительной компетенции арбитражных судов Российской Федерации по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, и судебного запрета инициировать или продолжать разбирательство по спорам с участием таких лиц.

Ключевые слова: ограничительные меры, судебный запрет, исключительная компетенция.

Введение. Федеральным законом от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ были введены в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК) два новых процессуальных средства защиты лиц, в отношении которых приняты меры ограничительного характера:

— признание по делам с их участием исключительной компетенции арбитражных судов Российской Федерации по основаниям ст. 248.1 АПК;

— право обратиться за судебным запретом в отношении иностранных лиц инициировать или продолжить разбирательство по спорам с их участием в связи с действием мер ограничительного характера (ст. 248.2 АПК).

Включение в АПК двух новых статей преследовало несколько целей. Прежде всего расширить возможности правовой защиты российских юридических и физических лиц, ставших объектом мер ограничительного характера со стороны иностранных государств, государственных объединений и (или) союзов и (или) государственных (межгосударственных) учреждений иностранного государства или государственного объединения и (или) союза. Кроме того, были определены условия, при которых действуют правила исключительной компетенции арбитражных судов Российской Федерации по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера (ст. 248.1 АПК), либо допустимо применение арбитражным судом Российской Федерации запрета инициировать или продолжать разбирательство по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера (ст. 248.2 АПК). Одновременно были предусмотрены санкции, которые должны обеспечить обязательность и принудительную ис-

полнимость действия мер, предусмотренных таким запретом.

Следует иметь в виду различие между указанными новыми средствами правовой защиты лиц, в отношении которых приняты меры ограничительного характера. В статье 248.1 АПК установлены правила исключительной компетенции российских арбитражных судов, в то время как в ст. 248.2 АПК взята за основу известная норма английского права (*anti-suit injunction*), которая представляет собой запрет ответчику, на которого распространяется юрисдикция английского суда — начинать или продолжать судебное разбирательство в иностранном государстве или участвовать в арбитраже¹.

Судебная практика применения данных норм незначительна, и она ставит много интересных вопросов.

Исключительная компетенция арбитражных судов в Российской Федерации по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера (ст. 248.1 АПК).

¹ См.: Raphael T. *The Anti-Suit Injunction*. Oxford Private International Law Series. Oxford University Press. 2008; Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 434; Ходыкин Р.М. Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе и международном арбитраже // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBER AMICORUM в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева. М.: Статут, 2013. С. 274–296; Ярков В.В. Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Закон. 2014. № 8. С. 84–92.

Полагаем, что для применения данной нормы необходимо одновременное соблюдение трех условий, поскольку речь идет об исключительной компетенции арбитражного суда Российской Федерации: во-первых, предметный критерий — наличие спора, соответствующего критериям ст. 248.1 АПК, во-вторых, субъектный критерий — состав участников спора в соответствии с данной статьей, поскольку правила исключительной компетенции распространяются на лиц, в отношении которых применены ограничительные меры², независимо от их статуса³, в-третьих, отсутствие иного установленного международным договором или соглашением сторон порядка разрешения спора в иностранном суде или арбитраже.

Правила исключительной компетенции ст. 248.1 АПК не распространяются на российских лиц, в отношении которых действует международный договор, определивший иначе компетентный орган для разрешения спора с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, либо если российские лица заключили соглашение, в котором определен иностранный суд, международный коммерческий арбитраж, находящийся за пределами территории Российской Федерации, для рассмотрения споров с их участием.

Запрет инициировать или продолжать разбирательство по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера (ст. 248.2 АПК). Такой запрет направлен на защиту интересов российской стороны, которая, во-первых, уже стала стороной судебного процесса или арбитража за пределами Российской Феде-

рации или, во-вторых, в ее отношении может быть инициировано судебное или арбитражное разбирательство, в-третьих, такое разбирательство (инициированное или возможное потенциально) предполагает участие российского лица, в отношении которого введены меры ограничительного характера.

Можно выделить следующие условия применения данной нормы:

Во-первых, наличие мер ограничительного характера со стороны иностранного государства и других лиц, указанных в ст. 248.2 АПК, в отношении российского лица-заявителя. Во-вторых, факты, подтверждающие исключительную компетенцию арбитражного суда по критериям ст. 248.1 АПК. В-третьих, наличие арбитражного или пророгационного соглашения о рассмотрении возникших или могущих возникнуть споров в иностранном суде или арбитраже. В-четвертых, необходимы доказательства, подтверждающие намерение инициировать разбирательство в иностранном суде или арбитраже, либо факт начала разбирательства за рубежом, в том числе претензии, требования, иски и иные документы (п. 1 ч. 4 ст. 248.2 АПК).

Факультативно, но не обязательно могут быть приведены обстоятельства (при их наличии), подтверждающие, что соглашение сторон, в соответствии с которым рассмотрение спора с их участием отнесено к компетенции иностранного суда или арбитража, не может быть исполнено стороной спора, т.е. заявителем (п. 4 ч. 2 ст. 248.2 АПК)⁴. Здесь проявляется отличие правил исключительной компетенции ст. 248.1 АПК и антиискового запрета по ст. 248.2 АПК.

Полагаем, судебная практика позволит разрешить целый ряд спорных вопросов применения новых процессуальных средств защиты.

² См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 июля 2020 г. по делу № А40-107039/19.

³ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 января 2021 г. № Ф05-541/2021 по делу № А40-201344/2020.

⁴ См. иное толкование: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2021 г. № 309-ЭС21-6955 (1, 2, 3) по делу № А60-36897/2020.

Литература

1. Ходыкин Р.М. Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе и международном арбитраже / Р.М. Ходыкин // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBER AMICORUM в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева / составители и научные редакторы: С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова, А.И. Муранов, Е.В. Вершинина. Москва : Статут, 2013. 382 с.
2. Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж / Н. Эндрюс ; перевод с английского М.Ю. Маслова ; под редакцией Р.М. Ходыкина. Москва : Инфотропик Медиа ; Берлин : [б. и.], 2012. 498 с.
3. Ярков В.В. Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? / В.В. Ярков // Закон. 2014. № 8. С. 84–92.
4. Raphael T. The Anti-Suit Injunction. Oxford Private International Law Series / T. Raphael. Oxford University Press, 2008. 560 p.

Трунк-Федорова**Марина Павловна,**

доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, доцент кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук
 Мр_fedorova@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-32-33

Международная компетенция по спорам против иностранных компаний по праву ЕС

Статья посвящена анализу источников права ЕС в отношении международной компетенции судов по искам против иностранных компаний (Регламент «Брюссель Ia» и Луганская конвенция). В ней, в частности, рассмотрены положения об общей, особой и исключительной компетенциях.

Ключевые слова: международная подсудность, компетенция, Регламент «Брюссель Ia», Луганская конвенция.

1. Источники правового регулирования международной судебной компетенции в ЕС

Международное гражданское процессуальное право 27 государств — членов Европейского союза (ЕС) в значительной степени унифицировано так называемым вторичным правом ЕС. Основным документом является Регламент «Брюссель Ia»¹ от 12 декабря 2012 г. «О компетенции судов, признании и исполнении иностранных судебных решений по гражданским и коммерческим делам». Кроме того, ЕС сегодня в большинстве областей международного гражданского процессуального права имеет исключительные полномочия на заключение международных договоров с третьими государствами. Наиболее важным примером такого договора в настоящее время является Луганская конвенция о судебной юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам от 30 июля 2007 г. Луганская конвенция регулирует отношения в области международного гражданского процесса между государствами — членами ЕС и большинством государств — членов Европейской зоны свободной торговли (EFTA) — Швейцарией, Норвегией и Исландией. Великобритания изначально была одним из государств — учредителей EFTA, но после Brexit не вернулась в EFTA. 8 апреля 2020 г. она подала заявление о намерении присоединиться к Луганской конвенции.

¹ Регламент «Брюссель Ia» (также используется «Брюссель I bis») является результатом пересмотра Регламента «Брюссель I», подробнее см., напр.: Kramer X., Ontanu A., de Rooij M., Thémeli E., Hanemaayer K. The application of Brussels I (Recast) in the legal practice of EU Member States. Synthesis Report. 2020. P. 6–8.

2. Регулирование международной компетенции²

Регламент «Брюссель Ia» и Луганская конвенция унифицируют международную компетенцию (т.е. подсудность по разрешению гражданских дел с иностранным элементом) своих государств-членов. При этом применительно к вопросам о спорах против иностранных компаний можно выделить общую компетенцию как основное правило для всех исков против одного лица; особые виды компетенции; исключительные виды компетенции:

1) общая компетенция: в соответствии со ст. 4, а также ст. 63 Регламента «Брюссель Ia», общая международная компетенция по искам против компаний определяется по месту ее нахождения. Это место определяется в ст. 63 Регламента «Брюссель Ia» автономно, при этом «место в соответствии с уставом», «место главного органа управления» и «главное подразделение» имеют одинаковую ценность в этом вопросе. Достаточно, если либо место в соответствии с уставом, либо основное место принятия решений органами управления, либо основное подразделение компании расположены в государстве — члене ЕС;

2) особые правила:

а) особые виды компетенции: особые, конкурирующие виды компетенции, предусмотренные Регламентом «Брюссель Ia» и Луганской конвенцией (по месту деликта, месту исполнения договоров, месту нахож-

² О терминологии см., напр.: Ерпылева Н.Ю., Клевченкова М.Н. Унификация норм о международной юрисдикции в международном процессуальном праве // Международное публичное и частное право. 2013. № 3. С. 345–346.

дения филиала компании и т.д.), действуют только в том случае, если место принятия решений компании-ответчика находится в государстве — члене ЕС или государстве — участнике Луганской конвенции. Таким образом, против иностранных компаний из третьих стран нельзя подать иск в суд на основе этих правил о компетенции. Однако поскольку понятие филиала общества понимается в праве ЕС очень широко, в том числе в контексте Регламента «Брюссель Ia», то против иностранных компаний, базирующихся в государствах — членах ЕС и государствах — участниках Луганской конвенции, можно подать иски и в других государствах ЕС или участниках Луганской конвенции. Однако эта компетенция распространяется только на споры, возникающие «из деятельности соответствующего филиала»;

б) исключительная компетенция: Регламент «Брюссель Ia» и Луганская конвенция предусматривают довольно небольшой список случаев исключительной компетенции: по вещным искам в отношении недвижимости по месту нахождения имущества, по определенным корпоративным спорам в основном месте принятия решений компании, по записям в публичные реестры в месте регистрации, в отношении патентов и других подлежащих регистрации прав на интеллектуальную собственность в месте регистрации, в отношении споров в рамках исполнительного производства в государстве, где испрашивается исполнение³.

Интересна в контексте иностранных компаний, в частности, исключительная компетенция по основному месту принятия решений компании по спорам о действительности или ликвидации компании и спорам об отсутствии полномочий корпоративных органов при принятии решений (п. 2 ст. 24 Регламента «Брюссель Ia»). В отличие от автономного определения ме-

ста нахождения в ст. 36 Регламента «Брюссель Ia» (для целей ст. 4 Регламента «Брюссель Ia»), п. 2 ст. 24 Регламента «Брюссель Ia» прямо указывает на место нахождения компании, определяемое в соответствии с международным частным правом. Для корпоративных правоотношений в рамках ЕС Европейский суд с момента своего решения в судебном деле *Centros* выводит из принципа свободы учреждения в ЕС то, что основополагающая теория в данном случае — это теория места инкорпорации. Соответственно, отсылка в п. 2 ст. 24 Регламента «Брюссель Ia» для компаний, учрежденных в государстве ЕС, зависит только от места инкорпорации.

Для компаний, созданных в третьем государстве, Европейский суд не предпринял попыток унификации личного статута компании. Некоторые государства опираются на теорию инкорпорации, другие — например, Германия — напротив, в основном придерживаются так называемой теории места нахождения. Это может означать, например, что компания, учрежденная в третьей стране (например, во Вьетнаме), с немецкой точки зрения имеет свое место нахождения в Германии и, следовательно, на нее можно подать в суд, в соответствии с п. 2 ст. 24 Регламента «Брюссель Ia», в Германии;

3) положения об отношениях с третьими государствами: правила о компетенции в Регламенте «Брюссель Ia» и Луганской конвенции в основном применяются только к ответчикам, находящимся в ЕС или в государстве — участнике Луганской конвенции. Международная компетенция по искам против компаний с местом нахождения в государстве за пределами ЕС или государств — участников Луганской конвенции в основном регулируется положениями (автономного) международного гражданского процессуального права государств-участников, в Германии, например, в соответствии с § 12 Гражданского процессуального кодекса Германии.

³ Статья 24 Регламента «Брюссель Ia».

Литература

1. Ерпылева Н.Ю. Унификация норм о международной юрисдикции в международном процессуальном праве / Н.Ю. Ерпылева, М.Н. Клевченкова // Международное публичное и частное право. 2013. № 3. С. 343–378.
2. Kramer X. The application of Brussels I (Recast) in the legal practice of EU Member States. Synthesis Report / X. Kramer, A. Ontanu, M. de Rooij [et al.]. T.M.C. Asser Instituut, 2020. 56 p.

Малов**Алексей Александрович,**старший преподаватель
кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета
malovalex1975@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-34-36

Компетенция арбитражных судов по санкционным спорам в Российской Федерации: проблемы доказывания

В статье рассматриваются новые положения Арбитражного процессуального кодекса РФ, направленные на защиту субъектов, в отношении которых иностранными государствами введены ограничительные меры. Автором сформулированы основные обстоятельства, подлежащие доказыванию при защите прав и законных интересов отдельных категорий граждан Российской Федерации и российских юридических лиц, в отношении которых были введены меры ограничительного характера.

Ключевые слова: санкции иностранных государств, санкционные споры, ограничительные меры, исключительная компетенция.

19 июня 2020 г. вступили в силу поправки в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ), направленные на защиту российских физических лиц и организаций и иностранных юридических лиц, в отношении которых иностранными государствами введены различные санкции. К исключительной компетенции российских арбитражных судов отнесены споры с участием субъектов, в отношении которых введены ограничительные меры, а также введен институт запрета параллельного разбирательства в других юрисдикционных органах.

Целью поправок является законодательное закрепление гарантий законных интересов отечественным и иностранным гражданам и юридическим лицам, в отношении которых иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным учреждением иностранного государства применяются меры ограничительного характера.

Правило исключительной компетенции арбитражных судов. Часть 1 ст. 248.1 АПК РФ предусматривает отнесение к исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации двух категорий споров, это:

1) споры с участием лиц, в отношении которых применяются меры ограничительного характера иностранным государством, государственным объ-

единением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза;

2) споры одного российского или иностранного лица с другим российским или иностранным лицом, если основанием для таких споров являются ограничительные меры, введенные иностранным государством. Данное правило исключительной компетенции применяется только в случае, если иное положение не установлено международным договором Российской Федерации или соглашением сторон о передаче спора на разрешение иностранного суда или международного арбитража за пределами России.

Основным обстоятельством, которое подлежит доказывать при обращении в арбитражный суд, является существование и содержание ограничительных мер, принятых в отношении обратившегося лица. В числе таких доказательств, могут представляться официальные письма, полученные от иностранных органов, протоколы осмотра сайтов с текстом соответствующих нормативных актов или пресс-релизов органов о введении санкций, ответы российских государственных органов и негосударственных организаций и иные доказательства, в том числе заключения специалистов (экспертов).

Субъекты на обращение за разрешением спора в арбитражный суд. К субъектам, имеющим возможность обратиться за разрешением споров в соответствии с правилами об исключительной подсудности, относятся:

1) российские граждане и юридические лица, в отношении которых введены ограничительные меры;

2) иностранные юридические лица, в отношении которых иностранным государством применяются меры ограничительного характера, и основанием для применения таких мер являются ограничительные меры, введенные иностранным государством в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц.

Существенной правовой новеллой стала возможность обращения в российский суд иностранной компании, в отношении которой введены ограничительные меры в результате наличия правоотношений с российской организацией.

Если российское физическое лицо или организация в силу закона имеют на территории Российской Федерации регистрацию, то право обращения иностранного юридического лица в российский юрисдикционный орган возможно при условии регистрации такого юридического лица в качестве международной компании в случае смены государства регистрации компании и ее юридического адреса. Рассмотрение указанных споров осуществляется арбитражными судами субъекта Российской Федерации по месту жительства или местонахождения лица.

Условие разрешения спора. АПК РФ предусматривает два условия применения правил об исключительной компетенции арбитражных судов по санкционным спорам:

1) отсутствие спора между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже.

Указанными нормами предполагается, что в случае наличия спора в иностранном судебном органе лицо,

заинтересованное в защите своего права, являющееся субъектом ограничительных мер, должно обратиться за получением судебного запрета инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации;

2) при препятствии в доступе к правосудию, если имеется соглашение сторон, в соответствии с которым рассмотрение споров с их участием отнесено к компетенции иностранного суда и международного коммерческого арбитража, находящихся за пределами территории Российской Федерации, неисполнимо по причине применения в отношении одного из лиц, участвующих в споре, мер ограничительного характера иностранным государством.

Установление судебного запрета инициировать или продолжать судебное разбирательство. Статья 248.2 АПК РФ предусматривает возможность субъекту ограничительных мер обратиться в арбитражный суд субъекта РФ по месту своего нахождения или жительства с заявлением о:

1) запрете инициировать судебное разбирательство за пределами России;

2) запрете продолжать судебное разбирательство за пределами России.

Указанные нововведения направлены на получение субъектами ограничительных мер возможности предотвращения подачи иска за пределами Российской Федерации и исключение возможности признания и исполнения решений, принятых в нарушение полученного судебного запрета, в пределах российской юрисдикции. Фактически указанной нормой введен в российском арбитражном процессе институт антиисковых мер.

Рассмотрение заявления осуществляется судьей единолично по правилам рассмотрения дела арбитражным судом первой инстанции. По результатам рассмотрения заявления арбитражный суд выносит определение, которое может быть обжаловано в кассационном

порядке в арбитражный суд округа в течение одного месяца со дня вынесения определения.

Присуждение судебного штрафа за неисполнение судебного акта. Законодательно предусмотрена возможность заявителя требовать присуждения денежной суммы, подлежащей взысканию с лица, в отношении которого вынесен запрет инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящимся за пределами территории Российской Федерации, на случай неисполнения им судебного акта.

При этом присуждение указанной суммы осуществляется судом на основе принципов:

- 1) справедливости;
- 2) соразмерности;
- 3) недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.

Размер подлежащей взысканию арбитражным судом денежной суммы не должен превышать:

- 1) размера исковых требований, предъявленных в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже;
- 2) понесенных стороной спора судебных расходов.

Литература

1. Наумова Е.А. Унификация нового механизма защиты прав при ограничении доступа к правосудию иностранными государствами в арбитражном и гражданском судопроизводстве России / Е.А. Наумова // Вестник арбитражной практики. 2021. № 1. С. 69–74.
2. Шукин А.И. Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: неисполнимость юрисдикционного соглашения и антиисковый запрет (часть 2) / А.И. Шукин // Закон. 2021. № 2. С. 131–149.

ЧИТАЙТЕ НАШИ ЖУРНАЛЫ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ!

Уважаемые читатели!

Редакции Издательской группы «Юрист» важно расширение интереса к нашим журналам и увеличение объема глобального обмена знаниями и практическим опытом — с этой целью мы открываем бесплатный доступ к научным статьям, опубликованным в ряде наших изданий за 2020 год.

Для ознакомления с полными текстами научных трудов Вам необходимо перейти по ссылке: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2020/> и выбрать интересующий Вас журнал.

Веде

Юлия Владимировна,
аспирант кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета
veda281094@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-37-38

Forum shopping: процессуальное злоупотребление или реализация предоставленного права

В статье автором дается характеристика тактике ведения процесса, именуемой *forum shopping*. Автором приводятся мотивы, по которым стороны принимают решение использовать данную тактику ведения судебного процесса, и рассматриваются существующие позиции относительно данного правового явления. На основе анализа общих принципов и норм права автор приходит к выводу, что при решении вопроса о том, является *forum shopping* злоупотреблением процессуальным правом или реализацией предоставленного права, необходимо руководствоваться мотивами поведения участника спора.

Ключевые слова: *forum shopping*, злоупотребление процессуальными правами, процессуальные права, тактика ведения процесса, гражданский процесс.

Используя тактику ведения судебного процесса *forum shopping*, истец реализует свое право по выбору наиболее предпочтительного из нескольких компетентных форумов. Таким образом, *forum shopping* изначально предоставляет истцу преимущества. Так, правило *actor sequitur forum rei* (обращение с иском по месту нахождения ответчика), имеющее своей целью искусственно оказать предпочтение интересам ответчика (соблюсти баланс интересов сторон), ввиду необходимости отвечать на заявленные истцом требования и возражать против них, защищать свою правоту, в случаях, когда имеет место *forum shopping*, теряет свою защитную функцию интересов ответчиков, и происходит смещение баланса интересов в сторону истца.

Подобное стартовое преимущество истца позволяет ему играть на правилах международной подсудности в свою пользу, что имеет свои мотивы и, как следствие, может негативно отражаться на интересах ответчика.

Мотивы, по которым истец использует тактику *forum shopping*, могут быть различны и многоаспектны. Так, истец может руководствоваться такими мотивами, как применение наиболее благоприятного для истца материального права или процессуального права, особенности распределения судебных расходов, сложившаяся судебная прак-

тика на территории желательного (или, наоборот, нежелательного) форума.

Существуют по меньшей мере три различные позиции относительно допустимости и легитимности *forum shopping*. Преобладающее мнение заключается в том, что *forum shopping* обязательно представляет собой «нечто плохое», чему необходимо всячески противодействовать любыми доступными средствами¹. Авторы первой группы обеспокоены тем, что принятые на сегодняшний день конвенции не смогли «ликвидировать» возможности для *forum shopping*, полагая, что такая практика нежелательна².

Вторая группа ученых не согласна с этим уже ставшим традиционным подходом и полагает, что нет ничего отрицательного в *forum shopping*, поскольку участники спора просто пользуются предоставленными действующим правом вариантами поведения в своих интересах³. По их мнению, *forum shop-*

¹ Maloy R. Forum Shopping? What's Wrong with That? // *Quarterly Law Review*. 2005. Vol. 24. P. 60.

² Ferrari F. 'Forum Shopping' Despite International Uniform Contract Law Conventions // *International and Comparative Law Quarterly*. 2002. Vol. 51. P. 689; Grignon-Dumoulin S. Forum Shopping—Article 31 de la CMR // *Uniform Law Review*. 2006. Vol. 11. P. 609.

³ Brand R.A. Comparative Forum Non Conveniens and the Hague Convention on Jurisdiction and Judgments. 2002. P. 477; Morse C.G.J. Not in the Public Interest? *Lubbe v. Cape PLC* // *Texas International Law Journal*. 2002. Vol. 3. P. 541.

ring является не только неизбежным правовым явлением, но и, напротив, невыполнение представителями юридических сообществ своих обязанностей по максимальному обеспечению интересов их клиентов в принципе рассматривается как неэтичное⁴.

Третья группа ученых, отчасти имеющих схожее представление о forum shopping, менее безоговорочно одобряет подобную тактику, отмечая, что в зависимости от конкретных обстоятельств случаи forum shopping могут быть как «плохими», так и «хорошими»⁵. При этом не всегда возможно определить ту самую границу, когда допустимый forum shopping перестает быть таковым и становится в чистом виде злоупотреблением правом.

Полагаем возможным согласиться с третьей позицией относительно того, является ли forum shopping злоупотреблением или нет. Так, выбирая соответствующий форум при обращении с иском, истец может иметь целью извлечение максимальной выгоды для себя, не желая заведомо поставить ответчика в худшее положение. В таком случае тактика ведения спора forum shopping не должна

рассматриваться как злоупотребление процессуальными правами и не должна влечь за собой негативные последствия применительно к истцу. Но в том случае, когда выбор компетентного суда делается исключительно в целях поставить ответчика в заведомо невыгодное положение, лишая его возможности защищать свои интересы должным образом, forum shopping следует рассматривать как злоупотребление процессуальными правами и поведением, которому необходимо противодействовать. К примеру, обращение А. на территории Италии (где рассмотрение споров длится, как известно, максимально долго) с иском к Б., «блокирующим» уже возбужденное Б. в отношении А. производство на территории любой другой страны Европейского союза, где А. неизбежно осознает проигрышность дела для себя, является не чем иным, как злоупотреблением процессуальными правами, направленным исключительно на оттягивание негативных последствий в отношении А. и затягивающим либо делающим невозможным наступление позитивных последствий рассмотрения спора для другой стороны.

Таким образом, при решении вопроса о том, является ли forum shopping злоупотреблением процессуальными правами либо исключительно реализацией предоставленных законом прав, необходимо определить, какими мотивами руководствовалась сторона спора.

⁴ Maloy R. Forum Shopping? What's Wrong with That? // Quarterly Law Review. 2005. Vol. 24. P. 60.

⁵ Juenger F.R. What's Wrong with Forum Shopping? // Sydney Law Review. 2014. Vol. 16. P. 13; Dowling D.C. Jr. Forum Shopping and Other Reflections on Litigation Involving U.S. and European Businesses // Pace International Law Review. 1995. P. 465.

Литература

1. Brand R.A. Comparative Forum Non Conveniens and the Hague Convention on Jurisdiction and Judgments / R.A. Brand // Texas International Law Journal. 2002. Vol. 37. P. 467–498.
2. Dowling D.C., Jr. Forum Shopping and Other Reflections on Litigation Involving U.S. and European Businesses / D.C. Jr. Dowling // Pace International Law Review. 1995. Vol. 7. Iss. 2. Art. 6. P. 465–483.
3. Ferrari F. 'Forum Shopping' Despite International Uniform Contract Law Conventions / F. Ferrari // International and Comparative Law Quarterly. 2002. Vol. 51. P. 689–708.
4. Grignon-Dumoulin S. Forum Shopping-Article 31 de la CMR / S. Grignon-Dumoulin // Uniform Law Review. 2006. Vol. 11. P. 609–617.
5. Juenger F.R. What's Wrong with Forum Shopping? / F.R. Juenger // Sydney Law Review. 2014. Vol. 16. P. 5–13.
6. Maloy R. Forum Shopping? What's Wrong with That? / R. Maloy // Quarterly Law Review. 2005. Vol. 24. P. 25–62.
7. Morse C.G.J. Not in the Public Interest? Lubbe v. Cape PLC / C.G.J. Morse // Texas International Law Journal. 2002. Vol. 3. P. 541–558.

**Плешанов
Александр Геннадьевич,**
доцент кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
algenp0911@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-39-40

Правовое регулирование перерыва в судебном заседании в условиях отказа от принципа непрерывности в гражданском процессе (на примере ГПК государств — участников ЕАЭС)

В данной статье автор анализирует нормы гражданских процессуальных кодексов государств — участников ЕАЭС с целью выявления общих тенденций в правовом регулировании перерыва судебного заседания. Предпринимается попытка установить влияние отказа от закрепления принципа непрерывности судебного разбирательства в ряде государств ЕАЭС на регулирование перерыва судебного заседания.

Ключевые слова: перерыв в судебном заседании, непрерывность судебного разбирательства, предельный срок перерыва в судебном заседании.

В соответствии со сложившимся в науке пониманием непрерывности как принципа гражданского процессуального права¹, разбирательство гражданского дела считается непрерывным, если до окончания рассмотрения данного дела судом не рассматриваются другие гражданские дела. При этом возможность объявления перерыва в судебном заседании сама по себе никогда не рассматривалась в качестве исключения из принципа непрерывности постольку, поскольку законодатель прямо запрещал рассмотрение других дел во время перерыва, продолжительность которого, по

общему правилу, не должна была превышать одного дня.

Как показало развитие законодательства в течение последних 10 лет, связка между принципом непрерывности судебного разбирательства и перерывом судебного заседания отнюдь не является неразрывной.

Стремление законодателя и правоприменителя к оптимизации процессуальной формы с целью снижения нагрузки на судебные органы и создания более адекватных существующим реалиям условий отправления правосудия привело к отказу от закрепления принципа непрерывности судебного разбирательства в изложенном его понимании². Об этом со всей определенностью свидетельствуют гражданские процессуальные кодексы трех из пяти государств — участников ЕАЭС — Российской Федерации (ч. 3 ст. 157 ГПК РФ), Казахстана (ч. 6 ст. 198 ГПК РК) и Кыргызстана (ч. 5–8 ст. 171 ГПК КР), в которых отсутствует нормативный запрет на рассмотрение других

¹ В литературе высказывалось мнение о необходимости наряду с межотраслевым функциональным принципом непрерывности выделять также непрерывность процессуальной деятельности в качестве одного из принципов гражданской процессуальной формы. См.: Зайцев И. М. Принципы гражданской процессуальной формы // Российский юридический журнал. 1993. № 1. С. 66–71. По мнению Ю. Н. Зипунниковой, непрерывность процессуальной деятельности представляет собой принцип самой процессуальной деятельности (содержания гражданского процесса), а не принцип процессуальной формы, которая выступает в качестве скелета гражданского процесса. См.: Зипунникова Ю. Н. Принципы гражданской процессуальной формы: к постановке проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 9. С. 9. Представляется, что мнения обоих авторов сходятся в том, что непрерывность внутренне присуща процессуальной деятельности, что, на наш взгляд, делает невозможным тотальный отказ от принципа непрерывности во всех его проявлениях как в ГПК (ст. 192, 193, 199), так и в других процессуальных кодексах.

² В литературе неоднократно высказывались довольно убедительные доводы в пользу сохранения принципа непрерывности в гражданском судопроизводстве. См., в частности: Шерстюк В. М. Развитие принципов арбитражного процессуального права. М., 2004. С. 9–10; Фурсов Д. А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса. М., 2009. С. 70–71; Вилкова Т. Ю. Непрерывность судебного разбирательства как межотраслевой принцип судопроизводства // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 94–104.

гражданских дел во время перерыва в судебном заседании по данному делу. Процессуальное законодательство Беларуси (ст. 269 ГПК РБ) и Армении (ч. 3, 4 ст. 9 ГПК РА) не пошло по пути отказа от принципа непрерывности, сохранив непрерывность в качестве одного из принципов судебного разбирательства.

В то же время, как показывает сравнительный анализ норм ГПК России, Казахстана и Армении, отказ от закрепления принципа непрерывности не влечет за собой ни переход к единому стандарту регулирования перерыва в судебном заседании, ни отказ от закрепления перерыва как формы временной остановки судебного разбирательства³. Различия обнаруживаются как в регулировании продолжительности перерыва, так и в закреплении конкретных оснований для его объявления. Так, ГПК Киргизской Республики устанавливает возможность объявления перерыва в судебном заседании на срок, не превышающий десяти дней. По ГПК Казахстана продолжительность перерыва в судебном заседании определяется судом с учетом мнения лиц, участвующих в деле (ч. 6 ст. 198). ГПК России, Беларуси и Армении пре-

дельно допустимых сроков перерыва не устанавливают.

Между тем вопрос о предельно допустимой продолжительности перерыва в судебном заседании, на наш взгляд, имеет принципиальное значение. Когда законодатель отказывается от запрета на рассмотрение других дел во время перерыва, складывается следующая ситуация, при которой создается реальная опасность вынесения неправоудного решения по делу: с одной стороны, нет ясности, как долго может продолжаться период между объявлением перерыва в начавшемся судебном заседании и моментом, когда судебное разбирательство будет продолжено; с другой стороны, во время перерыва судье дано право без каких-либо ограничений рассматривать другие дела, что может негативно сказаться на восприятии им доказательственной информации по делу, в рассмотрении которого был объявлен перерыв.

С учетом изложенного, в условиях отказа от принципа непрерывности судебного разбирательства, оптимальным представляется закрепление предельного срока перерыва продолжительностью до 5 дней. В целях более четкого разграничения перерыва судебного заседания и отложения разбирательства дела, а также с учетом требований разумности сроков судопроизводства, на наш взгляд, целесообразно закрепить предельной продолжительности отложения судебного разбирательства, равной одному месяцу.

³ Примером кодифицированного акта, не содержащего норм о перерыве судебного заседания, является КАС РФ. Однако данная особенность КАС не стала причиной отказа от применения перерыва в судебной практике (п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»).

Литература

1. Вилкова Т.Ю. Непрерывность судебного разбирательства как межотраслевой принцип судопроизводства / Т.Ю. Вилкова // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 94–104.
2. Зайцев И.М. Принципы гражданской процессуальной формы / И.М. Зайцев // Российский юридический журнал. 1993. № 1. С. 66–71.
3. Зипунникова Ю.Н. Принципы гражданской процессуальной формы: к постановке проблемы / Ю.Н. Зипунникова // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 9. С. 8–12.
4. Фурсов Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса : учебное пособие / Д.А. Фурсов. Москва : Статут, 2009. 78 с.
5. Шерстюк В.М. Развитие принципов арбитражного процессуального права / В.М. Шерстюк. Москва : Городец, 2004. 160 с.

Формы с комментариями

О РИСКАХ

ДЛЯ ДОГОВОРНОЙ РАБОТЫ

НОВШЕСТВО

ЮРИСТУ

Помогут быстро и правильно составить договор:

- с наиболее выгодными условиями
- с минимальными юридическими и налоговыми рисками

В каждой форме с комментариями

- примечания, практические рекомендации и предупреждения о возможных рисках при подготовке договоров
- варианты безопасных формулировок для основных условий договора

✓ Формы с комментариями подготовлены для наиболее распространенных видов договоров: аренды, поставки, купли-продажи, возмездного оказания услуг, транспортной экспедиции, займа, цессии.

Два типа форм с комментариями

1

защищают интересы одной из сторон договора

Предусмотрены наиболее выгодные и безопасные условия для одной из сторон договора. К каждому условию договора даны пояснения о защите интересов данной стороны договора.

2

с безопасными для обеих сторон условиями

Помогут при составлении простого и безопасного договора для обеих сторон. Подойдут для сделок с проверенным контрагентом, когда нет необходимости согласовывать каждое условие. Основной акцент – на налоговых рисках.

Подготовлено более 70 форм с комментариями

Формы можно скачать в формате word и pdf

Ежедневное обновление

Новшество расположено в разделе «Формы документов»

Подробнее о продукте – в вашем сервисном центре КонсультантПлюс.

Реклама © 2021 КонсультантПлюс

КонсультантПлюс
надежная правовая поддержка
consultant.ru

Присоединяйтесь

Преимущества новых форм – наглядно

Нужно составить договор подряда между юрлицами, который защитит интересы подрядчика.

Поисковый запрос: договор подряда

Выберем: Форма с комментариями о рисках. Договор подряда между юридическими лицами. Форма защищающая интересы подрядчика (образец заполнения)

Форма с комментариями о рисках
Договор подряда между юридическими лицами. Форма, защищающая интересы подрядчика (образец заполнения)
(КонсультантПлюс, 2021)

КонсультантПлюс | Форма с комментариями о рисках | Актуально на 02.07.2021

Образец договора подряда между юридическими лицами, защищающий интересы подрядчика

Применимые нормы: ст. ст. 702 - 729 ГК РФ

Ниже приведен образец договора подряда, защищающий интересы подрядчика.

В него включены наиболее выгодные и безопасные для подрядчика условия:

- подрядчик не предоставляет гарантии качества результата работы;
- цена работы является приблизительной;
- предусмотрена предварительная оплата работы;
- ответственность подрядчика ограничена.

Есть возможность выбора вариантов условий договора, включая условия о качестве работ, порядке внесения оплаты и определения сроков выполнения работ.

Применимые нормы и характеристика договора

См. Полный образец с приложениями в MS Word
См. также: Редактируемый образец договора

Договор подряда N ____

г. _____ " ____ г.
_____, далее именуемое "Подрядчик", в лице _____
_____, действующего на основании _____ от " ____ г. N ____ и в
соответствии с Уставом, с одной стороны и _____, далее именуемое "Заказчик", в лице
_____, действующего на основании _____ от " ____ г.

Договор можно перенести в Word и отредактировать

2. Качество работы

2.1. Качество выполненной подрядчиком работы должно соответствовать требованиям, обычно предъявляемым к работам соответствующего рода.

Иной вариант условия

2.1. Качество выполненной работы должно соответствовать обязательным требованиям, установленным нормативными документами для качества работ соответствующего вида.

Юридическое предупреждение подрядчику

Несмотря на то что договор не содержит условия о гарантии качества работы, необходимо учитывать следующее. Если гарантийный срок не установлен законом, иным правовым актом или обычаями делового оборота, то требования, связанные с недостатками результата работы, могут быть предъявлены заказчиком при условии, что они были обнаружены в разумный срок, но в пределах двух лет со дня передачи результата работы, если иные сроки не установлены законом или обычаями делового оборота (п. 1 ст. 722, п. 1 п. 2, 3 ст. 724 ГК РФ).

См. также: Подряд. Рекомендации по заключению договора

Важные предупреждения в защиту интересов подрядчика.

Например, какие гарантии подрядчик все же придется обеспечить, если они не предусмотрены в договоре

3. Цена работы и порядок оплаты

3.1. Цена работы составляет 100 000 (сто тысяч) руб. и включает НДС (20%) в сумме 16 666,67 (шестнадцать тысяч шестьсот шестьдесят шесть) руб. 67 коп.

Налоговый риск для подрядчика

Проверьте цену работ. При многократном отклонении стоимости работ от рыночного уровня есть риск, что инспекция проверит, есть ли признаки необоснованной налоговой выгоды. Если необоснованная выгода будет доказана, вам могут доначислить налоги, взыскать пени, штраф (ст. ст. 75, 122 НК РФ).

См. также: Как проявить должную осмотрительность и подтвердить обоснованность налоговой выгоды

Информация о налоговых рисках для подрядчика.

На что нужно обратить внимание при согласовании цены, чтобы избежать возможных проблем с налоговыми органами

4.5. Риск случайной гибели или случайного повреждения переданного для исполнения Договора имущества (кондиционеров, подлежащих установке) как при непосредственном выполнении работ, так и в иное время несет Заказчик.

Риск случайной гибели или случайного повреждения материалов и оборудования, предоставленного Подрядчиком, несет Подрядчик.

Риск случайной гибели или случайного повреждения результата выполненной работы до ее приемки Заказчиком несет Заказчик.

Защита интересов подрядчика

Рекомендуется включить данное условие в договор, иначе риск случайной гибели или случайного повреждения результата выполненной работы до ее приемки заказчиком по общему правилу будет нести подрядчик (п. 1 ст. 705 ГК РФ).

См. также: Подряд. Риски подрядчика при выполнении работ

Рекомендация о включении в интересы подрядчика важных условия

Юридический риск для подрядчика

В случае просрочки передачи результата работы риски случайной гибели или случайного повреждения результата выполненной работы несет сторона, допустившая просрочку (п. 2 ст. 705 ГК РФ).

Предупреждение о рисках для подрядчика при просрочке передачи результата работы

**Царегородцева
Екатерина Анатольевна,**
доцент кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
tsea001@usla.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-41-42

Институт приказного производства в отдельных странах СНГ

В статье исследуются некоторые отличия процедуры приказного производства в отдельных странах СНГ. Различия проводятся по критерию компетентного юрисдикционного органа, возможности использования информационных технологий и возражений относительно судебного приказа.

Ключевые слова: приказное производство, судебный приказ, гражданский процесс.

Большинство современных государств сталкиваются со схожими проблемами в сфере отправления правосудия по гражданским делам, например настойчивая необходимость по снижению нагрузки на судебную систему. Многие страны СНГ в соответствии с Рекомендациями Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) 7¹ и Заключением № 6 Консультативного совета европейских судей Совета Европы от 24 ноября 2004 г.² пошли по пути разработки и внедрения упрощенных процедур рассмотрения дел. Стоит отметить, что институт приказного производства существует в цивилистическом процессе России, Казахстана, Белоруссии, Азербайджана, Молдовы, Кыргызстана и др. В целом модель приказного производства, реализованная в гражданском процессе в странах СНГ очень похожа, однако есть и ряд отличий, на некоторых из них хотелось бы остановиться подробнее.

Судебный приказ выносится во всех странах при условии, что требование носит бесспорный характер. Однако при определении компетентного юрисдикционного органа Белоруссия и Казахстан

пошли по пути частичной передачи дел приказного производства в компетенцию нотариусов для совершения исполнительной надписи или вынесения постановления о взыскании задолженности³. Это позволило снизить нагрузку на судебную систему, рациональнее распределив ресурсы суда на рассмотрение и разрешение дел, требующих большего внимания. Этот вопрос обсуждается и в Азербайджане.

Развитие приказного производства в отдельных странах связано с активным внедрением цифровых технологий в судебную деятельность. Так, в Азербайджане с марта 2017 г. применяется автоматизированная система рассмотрения дел приказного производства, которая позволила существенно сократить сроки выдачи судебного приказа (не позднее следующего дня после дня обращения в суд в электронной форме)⁴. В Гражданском процессуальном кодексе (ГПК) Республики Казахстан с 2020 года в нормативном определении судебного приказа

¹ Рекомендация № R (81) 7 Комитета министров Совета Европы «О способах облегчения доступа к правосудию» (принята 14.05.1981 на 68-м заседании представителей министров) // Российская юстиция. 1997. № 6.

² Заключение № 6 Консультативного совета европейских судей Совета Европы от 24 ноября 2004 г. «О справедливом судебном разбирательстве в разумные сроки и роли судов в судебных процессах с учетом альтернативных способов разрешения споров» // Вестник ВАС РФ. 2005. № 8.

³ См.: Указ Президента РБ от 11 августа 2011 г. № 366 «О некоторых вопросах нотариальной деятельности» (в ред. Указа Президента РБ от 7 мая 2015 г. № 195); Закон Республики Казахстан от 21 января 2019 г. № 217-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты права собственности, арбитража, оптимизации судебной нагрузки и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства».

⁴ Джафаров А.М. Цифровизация процесса отправления правосудия: достижения, перспективы, проблемы (на примере Азербайджанской Республики) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 13–14.

за содержится указание на электронную форму, однако речь не идет о внедрении искусственного интеллекта, а скорее об отказе от ведения дела в бумажном формате⁵. На необходимость автоматизации приказного производства неоднократно указывалось и в отечественной науке⁶.

Самым существенным отличием, пожалуй, является решение вопроса о мотивированности возражений должника относительно судебного приказа и возможности рассмотрения судом данного вопроса по существу. Например, в Казахстане возражения должника должны быть подтверждены соответствующими доказательствами о существовании предмета спора, указанного в заявлении о выдаче судебного приказа, а суд имеет право отказать в отмене судебного приказа⁷. Аналогичная норма содержится и в ГПК Молдовы⁸. В Азербайджане должнику предоставлено право оспорить полностью или только часть заявленного взыскателем требования⁹. Абсолютно иной подход реализован в российском гражданском процессе, поскольку любое

заявление должником возражений относительно исполнения судебного приказа свидетельствует о наличии спора о праве, что является препятствием для применения приказного производства. Подобный механизм закреплен и в гражданском процессе Белоруссии, Узбекистана, Кыргызстана.

Право заявить возражения относительно заявленных взыскателем требований или судебного приказа в российском, азербайджанском, кыргызском законодательстве предоставляется только должнику. Однако ст. 142 ГПК Республики Казахстан предусматривает подачу заявления другого лица, права и обязанности которого затрагиваются судебным приказом, о несоответствии вынесенного судебного приказа требованиям закона. В Белоруссии иное лицо, права и (или) законные интересы которого затрагиваются определением о судебном приказе, в 10-дневный срок со дня, когда этому лицу стало известно о вынесении такого определения, вправе подать в суд мотивированное заявление об отмене определения о судебном приказе с использованием любых средств связи. По результатам рассмотрения такого заявления судья вправе отменить определение о судебном приказе либо отказать в этом. В Узбекистане судебный приказ о взыскании алиментов может быть отменен по заявлению взыскателя до окончания взыскания по исполнительному производству¹⁰. Полагаем, что данные нормы определенно представляют интерес для российского процесса.

Изучение законодательства стран СНГ позволяет определить возможные пути совершенствования российского процессуального законодательства.

⁵ См. подр.: Статьи 133-1, 134 ГПК Республики Казахстан.

⁶ См.: Брановицкий К.Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009; Лазарев С.В. Направления развития информационно-коммуникационных технологий в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 8. С. 41–45; Грицай О.В., Губина Е.Н. Цифровизация как способ оптимизации механизма защиты гражданских прав в сфере гражданской юрисдикции // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 68.

⁷ Статьи 141, 142 ГПК Республики Казахстан.

⁸ Статьи 352, 353 ГПК Республики Молдова.

⁹ Статья 282 ГПК Азербайджанской Республики.

¹⁰ Статья 181 ГПК Республики Узбекистан.

Литература

1. Брановицкий К.Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ) : автореферат диссертации кандидата юридических наук / К.Л. Брановицкий. Екатеринбург, 2009. 28 с.
2. Грицай О.В. Цифровизация как способ оптимизации механизма защиты гражданских прав в сфере гражданской юрисдикции / О.В. Грицай, Е.Н. Губина // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 64–68.
3. Джафаров А.М. Цифровизация процесса отправления правосудия: достижения, перспективы, проблемы (на примере Азербайджанской Республики) / А.М. Джафаров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 11–15.
4. Лазарев С.В. Направления развития информационно-коммуникационных технологий в России / С.В. Лазарев // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 8. С. 41–45.

Тимофеев**Юрий Алексеевич,**

доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
tyua001@usla.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-43-44

Сравнительный анализ апелляционного производства в Российской Федерации и Республике Беларусь

Сравнительный анализ законодательства, регулирующего апелляционное производство по гражданским и экономическим делам в Российской Федерации и Республике Беларусь, показывает высокую степень схожести правового регулирования. Процессуальное законодательство Республики Беларусь отличается от российского установлением в кодексах разных видов апелляции, нормативным выделением в гражданском процессе отдельных стадий апелляционного производства, закреплением в гражданском процессе особой роли органов прокуратуры.

Ключевые слова: гражданский процесс, пересмотр судебных актов, виды апелляции, выделение стадий, процессуальные сроки, положение прокурора.

В Российской Федерации и Республике Беларусь апелляционное производство пришло на смену «советской кассации» и применяется для проверки законности и обоснованности не вступивших в законную силу судебных актов. При сравнительном анализе апелляционного производства в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь¹ (далее по тексту — ГПК РБ) и в Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь² (далее по тексту — ХПК РФ) обращает на себя внимание закрепление в кодексах различных моделей апелляции³.

В главе 32 ГПК РБ установлена модель неполной апелляции. Проверка осуществляется в пределах доводов жалобы и возражений на нее на основе имеющихся в деле доказательств. При установлении существенного нарушения норм процессуального права, которое не может быть устранено в порядке апелляционного производства либо препятствует суду апелляционной

инстанции в исследовании новых доказательств или в установлении фактов, которые не являлись предметом исследования суда первой инстанции, допускается направление дела на повторное рассмотрение.

В главе 31 ХПК РБ закреплена «смешанная» модель апелляции, в значительной степени схожая с российским правовым регулированием. Суд апелляционной инстанции при выявлении «безусловных» оснований обязан отменить решение суда и принять дело к своему производству для рассмотрения по существу заявленных требований. Направление дела на повторное рассмотрение допускается только по делам о несостоятельности.

Существенным отличием белорусского и российского процессуального законодательства следует признать концептуальный подход к роли и положению органов прокуратуры в гражданском процессе. В ГПК РБ право на опротестование поставлено в зависимость от должностного положения сотрудника органов прокуратуры. Если протест подают помощники прокуроров, прокуроры структурных подразделений, то они выступают в качестве лиц, участвующих в деле, и наделяются правом приносить протесты на решения суда только по тем делам, в рассмотрении которых они

¹ Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З.

² Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-З.

³ Проверка и пересмотр судебных постановлений по гражданским и экономическим делам в Республике Беларусь: проблемы и перспективы / под ред. Т.С. Тарановой. Минск: Колорград, 2020. С. 252.

участвовали⁴. Руководители органов прокуратуры (прокурор, его заместитель) выступают в ином качестве. Они вправе знакомиться с материалами дела и приносить протест независимо от того, участвовал ли представитель прокуратуры в рассмотрении дела по первой инстанции. Их полномочия на принесение протеста носят дискреционный характер и производны от надзорных функций органов прокуратуры. Право принесения протеста на решение по любому делу, независимо от участия прокурора в его рассмотрении по первой инстанции и согласия на это сторон спорного материального правоотношения, может рассматриваться как некая двойственность статуса прокурора в гражданском процессе Республики Беларусь. В хозяйственном процессе прокурор рассматривается как субъект, защищающий публичные интересы теми же процессуальными средствами, что и иные лица, участвующие в деле, либо вступающий в процесс в связи с обращением к нему заинтересованных в исходе дела лиц, что характерно и для процессуального законодательства Российской Федерации.

Одним из заслуживающих внимания аспектов нормативного регулирования апелляционного производства в гражданском процессе Республики Беларусь является выделение в качестве отдельных параграфов: стадии возбуждения апелляционного производства, стадии подготовки и рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции, выделение пересмотра в апелляционном порядке определений суда первой инстанции.

Установленные в кодексах основания для отмены или изменения решения

суда в основном схожи между собой, за исключением п. 7 ч. 4 ст. 424 ГПК РБ, относящего к «безусловным» основаниям для отмены отсутствие мотивировочной части решения в случаях, когда она должна быть составлена. В российском гражданском процессе аналогичный недостаток влечет возвращение дела в суд первой инстанции для изготовления мотивировочной части решения.

Апелляционное производство в ГПК РБ и ХПК РБ наполнено различным набором процессуальных институтов. В хозяйственном процессе в качестве самостоятельных выделяются институты оставления жалобы без рассмотрения, прекращения апелляционного производства с закреплением конкретных оснований для их применения. В гражданском процессе аналогичных процессуальных институтов не предусмотрено. При выявлении одних и тех же препятствий для возбуждения апелляционного производства (например, подача жалобы на акт, не подлежащий обжалованию, либо лицом, не имеющим права на обжалование, или за пределами установленного срока) ГПК РБ предусматривает отказ в принятии жалобы, а ХПК РБ — возвращение жалобы.

В качестве положительного опыта, который может быть заимствован, рассматривается положение ст. 415 ГПК РБ, обязывающее лицо, предоставляющее новые доказательства, указывать, каким путем они получены и в связи с какими обстоятельствами возникла необходимость их предоставления. С учетом развития примирительных процедур представляет интерес предусмотренная в ХПК РБ обязанность суда апелляционной инстанции назначить примирительную процедуру с участием примирителя, если соответствующее ходатайство изложено в жалобе.

⁴ Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ / под ред. Е.А. Борисовой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 502.

Литература

1. Проверка и пересмотр судебных постановлений по гражданским и экономическим делам в Республике Беларусь: проблемы и перспективы / под редакцией Т.С. Тарановой. Минск: Колорград, 2020. 300 с.
2. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ / под редакцией Е.А. Борисовой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2012. 768 с.

Спицин Игорь Николаевич,

доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
spicigor@mail.ru

Тарасов Игорь Николаевич,

доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
tarasov.igor.n@mail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-45-46

Разрешение споров с использованием технологии искусственного интеллекта на интернет-площадках (Amazon.com, Ebay и др.)

Технологии искусственного интеллекта нельзя делегировать судебное правоприменение, однако можно делегировать правоприменение в пределах альтернативных форм и способов разрешения юридических споров, например в арбитраже, компетенция которого носит договорной характер. Этот вывод аргументируется и экстраполируется на сферу разрешения споров на интернет-площадках.

Ключевые слова: искусственный интеллект, разрешение споров, арбитраж, информационные технологии, гражданский процесс.

Не обсуждая правовой статус агрегаторов, их признаки и сам вопрос о существовании «платформенного права», в настоящей статье мы хотели бы рассмотреть вопрос о возможности использования ряда алгоритмов, в последнее время относимых к искусственному интеллекту (далее — ИИ) слабого типа, для целей разрешения споров.

Делегирование ИИ возможности рассматривать различные споры — один из вариантов его применения.

В декабре 2018 г. Советом Европы принята Европейская этическая хартия по вопросам использования ИИ в судебной и смежных системах¹. В России утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники до 2024 г.

Обозначенные в Концепции проблемы многоаспектны, одна из них — решение вопроса о возможности делегирования принятия решений системам ИИ (концептуальная проблема философско-правового характера). В пределах цивилистического процесса вопрос может быть сформулирован несколько иначе: возможно ли доверить правоприменение не субъекту права?²

¹ The CEPEJ European Ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and their environment. URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c> (дата обращения: 10.06.2021).

² Авторы исходят из недопустимости, нецелесообразности и теоретической необоснован-

ности приписывания «слабому» ИИ свойств субъектности. Обоснование этого тезиса см.: Спицин И.Н., Тарасов И.Н. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия: теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 14. № 8 (117). С. 96–107; Спицин И.Н., Тарасов И.Н. Теоретические проблемы использования технологии ИИ в цивилистическом судебном процессе // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / под ред. В.В. Яркова. М., 2021. С. 170–188.

Применительно к судебному правоприменению считаем, что ответ на поставленный вопрос может быть только отрицательным. Основная проблема здесь не в технологии, а в содержании судебного правоприменения, которое даже в бесспорных производствах требует не только совершения формализованных действий, но и смыслообразования при работе с оценочными категориями (даже при вынесении судебного приказа судья в пределах своего усмотрения квалифицирует правоотношение как бесспорное, оценивает письменные доказательства по собственному внутреннему убеждению, поскольку в судебном процессе реализован принцип свободной, а не формальной оценки доказательств).

Однако, в отличие от человека, ИИ не способен оперировать смыслами. Еще в начале 80-х гг. XX в. известный специалист в области философии ИИ Дж. Серл

ности приписывания «слабому» ИИ свойств субъектности. Обоснование этого тезиса см.: Спицин И.Н., Тарасов И.Н. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия: теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 14. № 8 (117). С. 96–107; Спицин И.Н., Тарасов И.Н. Теоретические проблемы использования технологии ИИ в цивилистическом судебном процессе // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / под ред. В.В. Яркова. М., 2021. С. 170–188.

в мысленном эксперименте «китайская комната»³ убедительно продемонстрировал, что ИИ оперирует исключительно синтаксисом, а не семантикой. Пространство активности ИИ — это сфера голой формы без какого бы то ни было содержания. В связи с этим вряд ли возможно доверить ИИ функцию оценочных суждений в рамках судебного правоприменения.

В то же время этот вопрос может быть решен иначе применительно к альтернативным формам разрешения споров, в частности в арбитраже, компетенция которого имеет договорную, а не публично-правовую природу. Обращаясь к арбитражу, стороны должны понимать возможность и ограничения этой формы правоприменения, их воля и волеизъявление на обращение к арбитру должны совпадать и не содержать пороков. Поэтому если стороны добровольно и осознанно передают спор на разрешение ИИ, понимая и принимая невозможность в таком случае осмысленного правоприменения и соглашаясь с этим, нет никаких оснований лишать их такой возможности.

Говоря о пользователях различных агрегаторов (Amazon.com, Ebay и др.), сложно утверждать, что, соглашаясь с условиями заключаемого с агрегатором соглашения, лицо в полной мере осведомлено и осознает, что, если что, спор будет разрешаться ИИ.

Тем не менее использование ИИ в данной сфере, на наш взгляд, единственный эрзац разрешения споров, который в настоящее время может рассматриваться применительно к ИИ, по следующим причинам:

1. Принимая правила работы и взаимодействия с той или иной интернет-

площадкой, участник дает согласие на применение к возникающим с агрегатором отношениям универсальных правил, сформулированных самим агрегатором. В том числе и правил разрешения разногласий в рамках возникших отношений.

Все отношения с участником регулируются одинаково, заранее известно и определено правоотношение, которое возникнет, и ряд возможных путей его развития, что дает основание для использования алгоритмов, построенных на эрбрановском универсуме⁴, для целей разрешения разногласий.

2. По причине ограниченности развития правоотношения с потребителем, заданной самим агрегатором, использование алгоритмов, основанных на дереве Эрбрана, представляется обоснованным, поскольку будет предполагать ограниченный круг вариантов спора с потребителем и понятный вариант разрешения данного спора.

Агрегатор заранее продумывает все возможные варианты разрешения споров с потребителями, учитывая отсутствие оценочных категорий и иных усложняющих элементов (например, третьих лиц).

3. Универсализация языка. Учитывая интернациональный характер отношений, использование алгоритма для разрешения разногласий на международном уровне позволяет оптимизировать работу самого агрегатора, и реализацию интересов потребителя.

Таким образом, в рамках закрытых систем правоотношений использование ИИ допустимо, но в рамках судебной деятельности использование ИИ недопустимо, в силу того что суд предполагает прежде всего работу со смыслами, а не только с формой.

³ Searle J.R. Is the Brain's Mind a Computer Program? // *Scientific American*. Vol. 262. № 1. 1990. P. 20–25; Paul M. Churchland and Patricia Smith Churchland Could a Machine Think? // *Scientific American*. Vol. 262. № 1. 1990. P. 26–31.

⁴ Универсум Эрбрана представляет из себя синтаксическую (эффективно порождаемую) конструкцию, в рамках которой без учета семантики, т.е. чисто формально, возможно прийти к некоторым логически обоснованным выводам.

Литература

1. Paul M. Churchland and Patricia Smith Churchland Could a Machine Think? / M. Paul // *Scientific American*. 1990. Vol. 262. Iss. 1. P. 26–31.
2. Searle J.R. Is the Brain's Mind a Computer Program? / J.R. Searle // *Scientific American*. 1990. Vol. 262. Iss. 1. P. 20–25.

Соломенна**Елизавета Александровна,**старший преподаватель
кафедры гражданского процесса,
директор Центра медиации Уральского
государственного юридического университета
solomeina@gmail.com**Шереметова****Галина Сергеевна,**доцент кафедры гражданского процесса,
ведущий эксперт Центра медиации Уральского
государственного юридического университета,
кандидат юридических наук
sheremetova.gsl@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-47-48

Особенности правового регулирования медиации в Кыргызской Республике

С 2017 года в Кыргызской Республике действует Закон «О медиации», предполагающий, в сравнении с российским правовым регулированием, более широкую сферу применения медиации (включая уголовно-правовую), а также возможность представителей органов власти направить стороны на обязательную информационную встречу с медиатором. Эти и другие особенности применения медиации рассматриваются в настоящей статье.

Ключевые слова: Киргизия, Кыргызская Республика, медиация, гражданский процесс, медиатор.

Медиация в Кыргызской Республике (КР) регулируется Законом «О медиации», принятым 28 июля 2017 г.¹. Одновременно также были внесены изменения в процессуальное законодательство, обеспечивающие интеграцию медиации в судопроизводство.

Указанный закон содержит весьма традиционное понятие медиации как процедуры урегулирования спора при содействии медиатора (медиаторов) путем согласования интересов спорящих сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения и ограничивает сферу ее применения спорами, возникающими из гражданских, семейных и трудовых правоотношений. Тем не менее в случаях, предусмотренных законом, допускается применение медиации к спорам, возникающим из уголовно-правовых отношений (Кодекс КР о пробации, Уголовно-процессуальный кодекс КР).

В соответствии с законодательством КР началом проведения процедуры медиации считается заключение договора о применении медиации (напомним, в Российской Федерации это соглашение о проведении медиации)². Данный договор составляется и подписывается по результатам проведения информационной встречи посредника и сторон спора, в ходе которой разъясняется, что такое медиация, на каких принципах она основывается, а при согласии сторон за-

ключается договор о применении медиации (ст. 20 Закона КР «О медиации»).

Следует отметить, что проведение информационной встречи возможно по инициативе сторон, а также что судья, арбитр, следователь и уполномоченное должностное лицо органа дознания вправе направлять стороны спора, дела о проступке и уголовного дела, находящихся в их производстве, на информационную встречу, порождая, таким образом, для сторон обязанность по участию в информационной встрече³.

В целом, медиация может применяться как вместо судебного рассмотрения спора (т.е. во внесудебном порядке), так и после обращения в суд. Также законодательство предусматривает возможность проведения медиации на стадии исполнительного производства.

Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики⁴ (далее — ГПК КР) устанавливает обязанность суда разъяснить сторонам право на урегулирование спора посредством проведения медиации. Особенностью гражданского процесса КР является то, что суд имеет возможность направить стороны на информационную встречу с медиатором. При этом для проведения информационной встречи рассмотрение дела может быть отложено (ст. 171 ГПК КР).

¹ Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111668/10?mode=tekst> (дата обращения: 08.06.2021).

² Подробнее см.: Иванова Е.А. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект. М.: Статут, 2020. С. 75.

³ Об особенностях проведения информационной встречи см.: Медиация в практике нотариуса / отв. ред. С.К. Загайнова, Н.Н. Тарасов, В.В. Янков. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 78–86.

⁴ Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111521?cl=ru-ru#st_138 (дата обращения: 08.06.2021).

Возникает вопрос: если стороны обязаны принять участие в информационной встрече, то предусматривает ли процессуальное законодательство последствия невыполнения этой обязанности? Например, в случае отказа стороны от участия в информационной встрече возможно было бы установить для такой стороны правовое последствие в виде возложения бремени несения судебных расходов. Однако такой меры законом не предусмотрено. В то же время в подобной ситуации вполне вероятно может быть применена ст. 114 ГПК КР, предусматривающая взыскание компенсации за фактическую потерю времени.

По итогам информационной встречи процедура медиации может и не начаться. Возможность отказа от участия в медиации является проявлением принципа добровольности, установленного законодательством. При этом если процедура началась, т.е. стороны заключили договор о применении медиации, то это является основанием для приостановления производства по делу в суде (ст. 216 ГПК КР).

Даже при направлении на обязательную информационную встречу с медиатором у сторон остается право выбрать медиатора, к которому они обратятся. Законодательно предусмотрено создание Республиканского сообщества медиаторов, которое на сегодня ведет единый реестр медиаторов, координирует их деятельность, принимает и следит за соблюдением Кодекса этики медиаторов, выполняет другие функции. По данным на июнь 2021 г., в реестре медиаторов значится 241 человек⁵. В реестре содержится информация о медиаторе, в том числе могут указываться его контактные данные.

Если медиация проводится по спору, находящемуся в производстве суда или третейского суда, то она должна быть проведена в срок, не превышающий 30 дней. Во внесудебном порядке медиация может продолжаться не более 60 дней. При этом в обоих случаях срок проведения медиации может быть продлен, но не более чем на 30 дней.

⁵ URL: <http://mediator.kg/mediators/> (дата обращения: 08.06.2021).

Литература

1. Иванова Е.А. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект / Е.А. Иванова. Москва : Статут, 2020. 180 с.
2. Медиация в практике нотариуса / ответственные редакторы С.К. Загайнова, Н.Н. Тарасов, В.В. Ярков. Москва : Инфотропик Медиа, 2012. 303 с.

Так же как и в России, в Киргизии действует принцип конфиденциальности в медиации. При этом возникает вопрос: если закон различает понятия «медиация» и «информационная встреча», действует ли конфиденциальность на этапе «информационной встречи»? Полагаем, что да. Свидетельством этому является установление гарантий конфиденциальности, а именно запрет на допрос медиатора и сотрудников организации медиаторов в качестве свидетелей о сведениях, ставших им известными в ходе информационной встречи и медиации (ст. 8 Закона КР «О медиации», п. 5 ч. 1 ст. 78 ГПК КР). Кроме того, действует запрет на истребование от медиатора и организаций медиаторов информации, относящейся к медиации, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

При положительном исходе медиации, т.е. если спор урегулирован, медиация заканчивается заключением медиативного соглашения.

Если медиация проводилась по спору, находящемуся в производстве суда, то такое медиативное соглашение может быть утверждено как мировое. Последствия утверждения мирового соглашения по законодательству КР являются аналогичными последствиям утверждения мирового соглашения по российскому праву.

В случае прекращения производства по делу в связи с отказом от иска заключением мирового соглашения на основании медиативного соглашения возможен частичный возврат государственной пошлины.

Для остальных случаев ст. 22 Закона КР «О медиации» предусматривает возможность нотариального удостоверения медиативного соглашения, а также совершения исполнительной надписи нотариуса для исполнения условий медиативного соглашения.

Таким образом, медиация в Кыргызской Республике осуществляется на основе добровольности, но в то же время существуют механизмы стимулирования к участию в такой процедуре; предусмотрены пути интеграции медиации в гражданское судопроизводство и обеспечена возможность принудительного исполнения медиативного соглашения.

Чудиновская**Наталья Андреевна**

доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
chudinovskayanatalya@yandex.ru

Чудиновская**Екатерина Андреевна,**

MSc comparative law, economics,
finance, mMBA,
магистр юриспруденции
pravov.praha@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-49-50

Проблемы и перспективы реализации обязательной медиации (на примере Чехии)

В статье рассматриваются некоторые тенденции развития института медиации в Чехии. В контексте дискуссии о необходимости и целесообразности введения обязательной медиации в России авторами проанализированы правила об обязательной первой встрече с медиатором на примере законодательства Чехии.

Ключевые слова: обязательная медиация, первая встреча с медиатором.

Дискуссия о необходимости и целесообразности законодательного закрепления обязательной медиации ведется в России достаточно давно. Сообщество медиаторов разделилось и придерживается трех основных точек зрения по данному вопросу. Некоторые отстаивают введение обязательной первой медиативной информационной встречи по некоторым категориям споров, другие указывают на необходимость введения именно обязательной процедуры медиации по ряду категорий споров. Наконец, существует мнение о нецелесообразности введения обязательной медиации в принципе.

Разработанный Минюстом Российской Федерации законопроект «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации» в ст. 24 предполагает проведение обязательной медиации в случае расторжения брака при наличии несовершеннолетних детей. В утвержденных Комиссией по медиации Ассоциации юристов России рекомендациях высказаны справедливые суждения о том, что нормы об обязательной медиации требуют разработки в части определения конкретного способа ее реализации: это может быть обязательная информационная встреча с медиатором, обязательность самой процедуры медиации либо обязательное направление судьей сторон на медиацию¹.

¹ Пункт 10 Рекомендаций по проекту федерального закона «Об урегулировании споров с

В контексте данной дискуссии интересен опыт зарубежных государств. В рамках данной статьи авторами рассмотрено правовое регулирование обязательной медиации в Чехии. Основные идеи таковы:

1. Вопросы медиации в Чешской Республике регулируются специальным Законом о медиации, вступившим в силу 13 июня 2012 г.²

2. В Чехии обязательной является не сама медиация, а лишь первая встреча с медиатором. Такая встреча проводится на этапе судебной защиты и не является обязательным досудебным порядком урегулирования спора. Она имеет мотивационное, информативное значение. Ее основная цель — приблизить стороны спора к медиации, а также объяснить участникам судебного процесса преимущества и возможные недостатки медиации, ее основные принципы, предоставить им максимальную информацию, необходимую для принятия решения об использовании процедуры медиации, помочь сторонам взвесить, будет ли медиация для них эффективной, приведет ли к желаемым результатам.

3. Вопрос о допустимости и целесообразности этой первой встречи всегда

участием посредника (медиации) в Российской Федерации» (утв. решением Комиссии Ассоциации юристов России по медиации 25.02.2021).

² Zákon č. 202/2012 Sb. Zákon o mediaci a o změně některých zákonů (zákon o mediaci).

решается судом по своему усмотрению. Именно суд решает, назначать ли такую первую встречу. Суд оценивает каждый отдельный случай самостоятельно и взвешивает разные факторы: характер спора, личности сторон судебного разбирательства, их экономический статус и состояние взаимоотношений. В целях единообразного решения данного вопроса судами Департамент правосудия ЧР издал методические рекомендации для судей: «Диагностика случаев, подходящих для медиации»³.

4. Первую обязательную встречу можно назначить в любой области гражданско-правовых отношений: гражданское, семейное, трудовое, предпринимательское право. Какого-либо перечня дел, подлежащих обязательной медиации, законодательством не предусмотрено. По мнению Ассоциации медиаторов Чешской Республики, назначение обязательной первой встречи целесообразно в случаях, когда стороны длительный срок взаимодействовали (часто в предпринимательской деятельности) и заинтересованы в сохранении и обновлении партнерских отношений⁴. Не может идти речь об обязательной встрече в случаях, когда стороны находятся в неравном положении (экономическая и другая зависимость), в отношениях сторон присутствуют элементы насилия либо стороны длительное время отвергают возможность каких бы то ни было переговоров (еще до суда). Также не следует назначать эту встречу в случае, если одна из сторон имеет явное преимущество в решении спора. Вместе с тем нежелание сторон использовать процедуру медиации не препятствует суду назначить обязательную первую встречу, если суд считает ее целесообразной.

³ URL: <https://www.justice.cz/web/msp/mediatoril?clanek=podpora-mediaci-ministerstvo-spravedlnosti-vytvorilo-novy-pomocny-material-pro-soudce>

⁴ Stanovisko k obsahu nařízeného prvního setkání se zapsaným mediátorem. URL: <https://www.amcr.cz/dokumenty/hp/vykladove-stanovisko-k-narizenemu-setkani.doc>

5. Основные правила первой встречи:

- обязательное личное присутствие сторон. В литературе отмечается, что участие представителей допускается, но не исключает необходимость личного участия сторон⁵. Интересно, что в дальнейшем в ходе самой процедуры медиации допускается участие сторон через представителя;

- максимальная продолжительность встречи 3 часа;

- по общему правилу медиатора выбирают стороны из реестра медиаторов, аккредитованных Министерством правосудия Чешской Республики. Если стороны не могут прийти к соглашению — медиатора назначает суд;

- впоследствии допускается проведение основной процедуры медиации другим медиатором, не тем, который участвовал при первой встрече;

- конфиденциальность обеспечивается путем заключения соглашения о неразглашении;

- стоимость первой встречи с медиатором на данный момент составляет 400 крон. Расходы на проведение первой встречи относятся к категории судебных издержек, стороны оплачивают их в равных долях. Если одна из сторон освобождена от судебных издержек, их компенсация осуществляется за счет бюджета. Оплата самой процедуры медиации впоследствии производится сторонами на основании соглашения о проведении процедуры медиации.

Подводя итоги, отметим, что подобная модель «обязательной первой встречи» получила свое развитие во многих европейских государствах.

Представляется, что подобный опыт может быть эффективно применен и в России, поскольку проанализированная модель сочетает в себе преимущества как обязательной, так и добровольной медиации.

⁵ URL: <https://tablet.epravo.cz/11-2015/tema-vydani-zastupce-ucastnika-pri-mediaci-uskai-platne-pravni-upravy-z-pohledu-mediatoru-na-navrh-de-lege-ferenda>

Загайнова**Светлана Константиновна,**
профессор кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
судья, доктор юридических наук, профессор
skzagaynova@gmail.com**Иванова****Екатерина Алексеевна,**
доцент кафедры гражданского процесса,
аналитик Центра медиации Уральского
государственного юридического университета,
кандидат юридических наук, LL.M (Атланта, США)
usla.mediator@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-51-52

Особенности внедрения процедуры медиации в России и США

Внедрение института медиации в правовую жизнь общества лежит не только на законодателе, принимающем соответствующие нормативно-правовые акты, но и на других участниках гражданского общества. Популистские выступления лидеров общества и непосредственные рекомендации представителей, работающих с конкретными интересами сторон спора, также должны быть направлены на интеграцию медиации в правовую действительность.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, медиация, внедрение медиации, адвокатура.

Развивающаяся на протяжении последних ста лет медиация в США достигает в настоящее время своего пика популярности у населения, тогда как в России медиация пока только внедряется в правовую действительность. Несмотря на свое долгое развитие, современное регулирование медиации появилось в 2001 г., когда был принят Единый закон о медиации¹, в соответствии с которым штаты могли внедрять медиацию на местах. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»² действует последние 10 лет, и прогресс по внедрению процедуры также присутствует. Опираясь на опыт страны, которая прошла долгий путь, стоит отметить позитивные моменты во внедрении института медиации в России как с политической, так и с практической точки зрения.

Создание и внедрение идеи необходимости мирного урегулирования споров в американском обществе берет свое начало еще с середины XIX в. Авраам Линкольн был президентом США с 1861

по 1965 г., и, несмотря на то что при его управлении страной разгорелась Гражданская война, а может быть, даже благодаря ей, он настойчиво высказывался за мирное урегулирование всех споров: от самых мелких, бытовых до крупных политических конфликтов.

Линкольн начинал свою карьеру как судебный адвокат и признавал, что к судебной работе необходимо подходить с целью примирения, а не создания новых конфликтов. Линкольн также думал, как достичь этой цели в системе правосудия. Впоследствии он даже вынес эти идеи на мировую арену, показывая, как можно развить и расширить миротворческие навыки для разрешения самых сложных проблем.

Одну его цитату часто цитируют американские юристы и медиаторы, пытаясь убедить клиентов думать не только о своих непосредственных предполагаемых интересах: «Не поощряйте судебные тяжбы. Уговаривайте своих соседей идти на компромисс, когда можете. Укажите им, что номинальный победитель часто действительно проигрывает — в гонорах, расходах и пустой трате времени. Как миротворец юрист имеет превосходные возможности быть хорошим человеком. Бизнеса по-прежнему будет достаточно»³.

³ Persuade Your Neighbors to Compromise // New York Times. 1991. Section A. P. 28.

¹ Uniform Mediation Act. URL: <https://www.uniformlaws.org/HigherLogic/System/DownloadDocumentFile.ashx?DocumentFileKey=9b244b42-269c-769e-9f89-590ce048d0dd&forceDialog=0>

² Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Американские юристы, которые достигли определенной стадии понимания необходимости разрешения конфликта в делах клиента, чаще говорят им, что они должны учитывать весь спектр затрат и рисков, связанных с судебным разбирательством, прежде чем обратиться в суд. Американское судопроизводство отличается от российского своей продолжительностью, дороговизной и необходимостью профессионального представительства на всех этапах судебной защиты. Тем не менее не все юристы следуют такому правилу. Такая позиция встречается и в российской практике, когда представители чаще не советуют обращаться за примирением, а суды достаточно формально разъясняют право на примирение.

Джозеф Маркович, американский адвокат, ссылаясь на свой тридцатилетний опыт в работе судебным представителем⁴, отмечает, что ему потребовались годы, для того чтобы осознать, что большинство его дел, независимо от того, как он к ним подходил, заканчивались только с достижением соглашения и что многие вещи, которые они делали в судебных процессах, уводили их еще дальше от этой цели. Ему казалось парадоксальным предположить, что в состязательной системе правосудия цели могут быть достигнуты эффективнее, если избегать судебных баталий.

В России ст. 7 Кодекса профессиональной этики адвоката⁵ устанавливает, что предупреждение судебных споров является составной частью оказываемой адвокатом юридической помощи, поэтому адвокат заботится об устранении всего, что препятствует

мировому соглашению. Такой посыл должен существовать и для представителей, не обладающих статусом адвокатов.

Такое правило легко сформулировать, но не всегда просто ему следовать. Состязательная модель поведения в суде в США и в России способствует пролонгации и эскалации конфликтов между сторонами. Для большинства, кто выбрал адвокатскую практику в качестве профессии, абсолютно естественно, что представители должны бороться для достижения целей. Однако в некоторых случаях можно согласиться с тем, что предлагает другая сторона и что не вредит интересам клиента. Любые предложения по урегулированию спора, поступающие от одной из сторон, должны служить интересам обеих.

В специализированной литературе для американских юристов дается рекомендация, как судебному представителю стоит вести себя в рамках процедуры медиации⁶. Адвокаты, представляющие клиентов в медиации, не должны допускать, чтобы их агрессивная роль ставила под угрозу фундаментальный принцип, согласно которому адвокат должен ревностно отстаивать интересы клиента, как это требуется в арбитраже или судебном разбирательстве, а также в посредничестве. Тем не менее адвокат, представляющий клиента в ходе медиации, может считать целесообразным проявлять это рвение в менее враждебной манере, которая больше соответствует тону примирения.

Таким образом, работа по эффективному внесудебному разрешению должна вестись комплексно через законодательную деятельность, практическую работу и на местном уровне.

⁴ Markowitz J. Biography. URL: <https://www.mediate.com/people/personprofile.cfm?aid=1115>

⁵ Кодекс профессиональной этики адвоката // Российская газета. 2005. № 0 (3891).

⁶ Sherrill J.A., Wilson C.L. Ethics for Georgia Lawyers Representing Clients in Mediations // Georgia Bar Journal. 2005. Vol. 15. P. 21.

References

1. Sherrill J.A. Ethics for Georgia Lawyers Representing Clients in Mediations / J.A. Sherrill, C.L. Wilson // Georgia Bar Journal. Vol. 15. 2005. P. 20–27.

Бессонова**Анастасия Игоревна,**

преподаватель кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
научный сотрудник Университета имени
Мартина Лютера Халле-Виттенберг,
кандидат юридических наук, LL.M.
(Киль, Германия)
bessonova92@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-53-54

Извещение участников процесса, находящихся за рубежом, в эпоху цифровых технологий

В статье анализируется последняя судебная практика по применению Гагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 года на примере России и США. Автором также освещаются возможности применения информационных технологий в рамках конвенции.

Ключевые слова: международный гражданский процесс, извещение за рубежом, Гагская конвенция 1965 года.

Значение института извещений в международном гражданском процессе трудно переоценить. Надлежащее извещение сторон способствует эффективному исполнению права на судебную защиту, а последствия его несоблюдения могут свести на нет дальнейший судебный процесс¹.

Единый глобальный режим извещений в международном гражданском процессе обеспечивает Гагская конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г. (далее — Конвенция)², устанавливающая основной (через центральные органы) и альтернативные (ст. 8, 10) способы вручения судебных документов.

Многие государства континентальной-правовой системы, в том числе и Российская Федерация, заявили возражения против использования альтернативных способов вручения документов, согласно ст. 10 Конвенции, на их территории, что, однако, не мешает судам этих государств использовать эти методы при извещении лиц, находящихся на территории иностранных государств³.

В ряде дел, когда требовалось уведомление ответчика, находящегося в договариваемом государстве Конвенции 1965 г., арбитражный суд использовал сразу два способа извещения ответчика, то есть направлял официальный запрос компетентному органу, а также, если государство нахождения ответчика не заявляло возражений против ст. 10 Конвенции, суд направлял документы напрямую ответчику по почте⁴. Представляется, что такой порядок извещения является ресурсозатратным и излишним; уведомление ответчика по почте в данном случае было бы достаточным⁵. Стоит отметить, что в вышеперечисленных случаях речь идет о вручении первичных судебных документов. Последующее извещение сторон возможно при простом соблюдении требований ст. 121 Арбитражного процессуального кодекса РФ: путем размещения в официальном информационном ресурсе суда в сети Интернет или путем направления по электронной почте и через другие средства связи⁶.

битражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом».

¹ См.: Ярков В.В. Надлежащее извещение как одно из условий признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения // Актуальные проблемы международного частного права и международного гражданского процесса: сборник статей под ред. В.М. Жуйкова и А.И. Щукина. М., 2020. С. 418–427.

² 78 Договаривающихся Государств, Российская Федерация присоединилась в 2001 г.

³ См. п. 27 Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении ар-

⁴ Решения Арбитражного суда г. Москвы от 21 октября 2020 г. по делу № А40-121067/20-45-873, от 9 июня 2020 г. по делу № А40-148050/19-45-1308, от 8 июня 2020 г. по делу № А40-175910/19-45-1479, от 22 октября 2019 г. по делу № А40-41321/15-169-314.

⁵ См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15 апреля 2019 г. № 307-ЭС18-19728 по делу № А56-9198/2014.

⁶ Постановление АС Центрального округа от 24 ноября 2020 г. № Ф10-4052/2018 по делу

Менее формальный подход используют государства англосаксонской правовой системы. Если государство не сделало оговорку в отношении ст. 10 Конвенции, суды США относят к надлежащим способам извещения извещение через электронную почту и социальные сети (например, Facebook). Более того, многие суды считают надлежащим извещение вышеуказанными способами даже в том случае, если государство заявило возражение против извещения по почте, но явно не возразило против извещения с помощью электронных средств⁷.

В этой связи интересно проследить позицию самой Гагской конференции в отношении использования современных информационных технологий при извещении за рубежом. Учитывая тот факт, что Конвенция была создана в эпоху, когда об информационных технологиях не было и речи, а воспринимаемый сейчас громоздким, медленным и неудобным основной способ извещения через центральные органы считался прогрессивным, начиная с 1990-х годов эксперты Гагской конференции не раз делали акцент на том, что Конвенция использует нейтральный язык в отношении информационных технологий и не мешает их применению к извещению участников процесса за рубежом⁸. При этом важным

условием использования электронных средств связи было озвучено соблюдение требований безопасности, которые включают, в частности, конфиденциальность сообщения, неприкосновенность (целостность) сообщения до момента доставки получателю, возможность идентификации отправителя, возможность идентификации дат отправки и получения сообщения, а также бесперебойную работу системы⁹.

В 2019 году экспертами Гагской конференции, а также ведущими специалистами из различных юрисдикций был выдвинут ряд предложений по внедрению информационных технологий в рамках Конвенции, которые бы отвечали требованиям безопасности, среди которых использование защищенных каналов электронной почты (с использованием инфраструктуры открытых ключей или технологии распределенного реестра)¹⁰, а также создание единой электронной платформы для коммуникации между компетентными и центральными органами¹¹. Представляется, что создание таких инструментов смогло бы существенно оптимизировать применение Конвенции и при этом соблюсти право на судебную защиту извещаемого за рубежом лица.

№ А36-11504/2017; Решение АС Курской области от 5 февраля 2021 г. по делу № А35-5252/2020.

⁷ WhosHere, Inc. v. Orun, Civil Action No. 1:13-cv-00526 AJT-TRJ, 2014 U.S. Dist. LEXIS 22084 (E.D. Va. Feb. 20, 2014). См. также: FTC v. PCare247 Inc., 2013 U.S. Dist LEXIS 31969 (S.D.N.Y. Mar. 7, 2013).

⁸ См., например: Материалы 18-й сессии Гагской конференции: Electronic data interchange, internet and electronic commerce // Preliminary Document No 7 of April 2000 for the attention of

the Special Commission of May 2000 on general affairs and policy of the Conference.

⁹ Folkman T. Email as a secure means of transmission under the HCCH Service Convention. HCCH aBridged Edition, 2019. P. 7.

¹⁰ Van Gelder E., Themeli E. Reflections on the use of distributed ledger technologies for the purpose of the HCCH Service Convention. HCCH aBridged Edition, 2019. P. 20–25.

¹¹ Ossanova K. Use of an electronic platform for communication and transmission between central authorities in the operation of the HCCH Service Convention. HCCH aBridged Edition, 2019. P. 4–19.

Литература

1. Ярков В.В. Надлежащее извещение как одно из условий признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения / В.В. Ярков // Актуальные проблемы международного частного права и международного гражданского процесса : LIBER AMICORUM в честь заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук Н.И. Марышевой / составители и ответственные редакторы : В.М. Жуйков, А.И. Шукин. Москва : Проспект, 2020. С. 418–427.

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-55-56

Сильченко**Владислав Юрьевич,**ассистент кафедры гражданского
процесса Уральского государственного
юридического университета
vladsil95fd@gmail.com

Нарушение публичного порядка приведением к исполнению решения, вынесенного по мнимому правовому спору

В статье анализируются отдельные проблемы пределов проверки решения иностранного суда (иностранного арбитражного решения, решения третейского суда) на предмет нарушения его исполнением публичного порядка. В качестве нарушения публичного порядка автором рассматриваются случаи создания мнимого правового спора.

Ключевые слова: публичный порядок, цивилистический процесс, арбитраж, мнимый частноправовой спор.

Как известно, общим основанием отказа в принудительном исполнении решения иностранного суда, иностранного арбитражного решения и решения третейского суда является нарушение таким исполнением публичного порядка Российской Федерации (ч. 4 ст. 239, ч. 1 ст. 244 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ), подп. 2 п. 1 ст. 36 Закона РФ от 7 июля 1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»).

Судебной практикой признается, что публичный порядок нарушается исполнением решения по делу, которое возникло в результате «создания видимости частного правового спора» его сторонами (иными словами — по мнимому правовому спору). Можно привести следующие примеры.

1. Спор инициирован для получения формальных оснований регистрации прав на объект недвижимости.

В Постановлении Президиума ВАС РФ от 12 мая 2009 г. № 17373/08 по делу № А06-470/2008-9 указано, что такой спор влечет подмену законных функций государственных органов по регистрации прав на недвижимое имущество и противоречит публичному порядку.

2. Спор инициирован с целью вывода активов общества в пользу одного из его участников в обход корпоративных процедур одобрения крупных сделок и сделок с заинтересованностью.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Постановлении от 14 июня 2011 г. № 1884/11 по делу № А41-9221/09, несмотря на наличие иных пороков третейского разбирательства (отсутствие уведомления надлежащих представителей ответчика о рассмотрении дела), указал на нарушение основополага-

ющих принципов российского права¹ мнимым частноправовым спором между двумя обществами, инициированным с целью нарушения прав одного из участников общества-ответчика. В указанном деле решение третейского суда оспаривал участник общества-ответчика.

3. Спор инициирован в преддверии банкротства ответчика и преследует цель обеспечить включение в реестр требований кредиторов должника необоснованного требования без его проверки по существу.

Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 5 декабря 2016 г. № 305-ЭС16-10852 по делу № А41-21198/2015 сформулировал позицию о том, что приведение к исполнению решения, при принятии которого третейский суд не осуществил надлежащую проверку требования к ответчику в преддверии его банкротства (в анализируемом деле третейский суд основывался на выводах другого решения третейского суда), нарушает публичный порядок. Возражения о наличии оснований для отказа в принудительном исполнении решения третейского суда заявляли кредиторы ответчика-должника, ссылаясь на обстоятельства, касающиеся обоснованности требования истца в третейском разбирательстве.

4. Спор инициирован с целью получения формального основания для перечисления денежных средств в обход законных процедур контроля финансовых операций

¹ Об эквивалентности категорий «основополагающие принципы российского права» и «публичный порядок» см., например: Асосков А. В. Нарушение публичного порядка как основание для отказа в принудительном исполнении решений международных коммерческих арбитражей, принятых на территории Российской Федерации // Закон. 2018. № 9. С. 134–142.

(для перечисления денежных средств, законность владения которыми не подтверждена).

Примеры дел, где с указанной целью стороны создавали видимость правового спора, содержатся в п. 10 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 8 июля 2020 г. В таких делах против принудительного исполнения возражают уполномоченные государственные органы (Росфинмониторинг), указывая на признаки мнимости спорных отношений: ответчик — «фирма-однодневка»; стороны получали отказ в открытии счетов в российских банках и т.д.

Следует согласиться с тем, что исполнение решения, принятого по мнимому спору, инициированному с противоправной целью, нарушает публичный порядок. Однако нельзя оставить без внимания вопрос о том, как в рамках действующих процессуальных правил суды могли установить обстоятельства, необходимые для соответствующих выводов.

В силу ч. 6 ст. 232, ч. 4 ст. 238, ч. 4 ст. 243 АПК РФ арбитражный суд, рассматривающий заявление об оспаривании решения третейского суда, выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения иностранного суда или арбитража, третейского суда, не вправе пересматривать такие решения по существу. Вместе с тем установление обстоятельств мнимости спора с неизбежностью приводит к нарушению этого правила.

Так, если иностранный суд или арбитраж, третейский суд установил, что между сторонами возникло правоотношение, в рамках которого ответчик нарушил права истца, то государственный суд, отказывая в приведении такого решения к исполнению со ссылкой на мнимый характер спора, должен сделать ровно противоположный вывод (об отсутствии обязательства, об отсутствии нарушения права истца), то есть

пересмотреть установленные в приводимом к исполнению решению обстоятельства и выводы.

В некоторых делах можно увидеть явные индикаторы пересмотра дела по существу. Например, Арбитражный суд Уральского округа в постановлении от 11 июня 2019 г. № Ф09-2861/19 по делу № А76-4844/2019 подчеркнул вывод о мнимости сделок, положенных в основу приводимого к исполнению решения, а в постановлении от 17 декабря 2018 г. № Ф09-1109/18 обратил внимание на возможность заявителя опровергнуть доводы Росфинмониторинга о мнимости сделок путем предоставления дополнительных доказательств возникновения и исполнения спорных обязательств.

Сложно согласиться с высказываемым мнением о том, что суд должен в каждом конкретном деле «находить баланс между нормой о публичном порядке и нормой о запрете пересмотра решений третейских судов по существу»², поскольку они имеют разную направленность и их противопоставление вряд ли допустимо. Нарушение публичного порядка — это порок решения, который может быть выявлен в границах его судебной проверки, определяемой, среди прочего, запретом на пересмотр решения по существу.

На наш взгляд, специфика ситуации, когда обе стороны создают видимость наличия между ними спора, оправдывает следующее правило: пересмотр решения по существу и в соответствующей части возможен, если против содержащихся в нем выводов возражают третьи лица (именно они сообщают суду о мнимом характере спора, в то время как стороны заинтересованы в сокрытии этого факта), а доказанность таких возражений будет свидетельствовать о нарушении публичного порядка исполнением решения. Полагаем, именно такой подход и нашел реализацию в судебной практике.

² Васильева А.А. Публичный порядок как основание для отказа в приведении в исполнение иностранного арбитражного решения // Вестник арбитражной практики. 2020. № 6. С. 86–96.

Литература

1. Асосков А.В. Нарушение публичного порядка как основание для отказа в принудительном исполнении решений международных коммерческих арбитражей, принятых на территории Российской Федерации / А.В. Асосков // Закон. 2018. № 9. С. 134–142.
2. Васильева А.А. Публичный порядок как основание для отказа в приведении в исполнение иностранного арбитражного решения / А.А. Васильева // Вестник арбитражной практики. 2020. № 6. С. 86–96.

Подольский**Юрий Дмитриевич,**

старший преподаватель
кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
партнер адвокатского бюро
'Urals Legal',
кандидат юридических наук
Yd.podolsky@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-57-58

Обособленные споры в трансграничном банкротстве

Статья посвящена некоторым аспектам и проблемам рассмотрения обособленных споров в банкротстве, которое осложнено иностранным элементом. Предлагается определение понятия «трансграничный обособленный спор». Автор приходит к выводу о необходимости постановки вопроса о возможности дифференцированного подхода применения принципов трансграничной несостоятельности к основному делу о банкротстве и обособленным спорам в нем же.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), трансграничные обособленные споры, трансграничное банкротство.

1. Определение трансграничной несостоятельности при всех проблемных аспектах, предлагаемых авторами, сводится к обязательному существованию в правоотношении несостоятельности главного признака — иностранного элемента.

2. В большинстве государств рассмотрение дел о банкротстве традиционно составляет компетенцию государственного органа судебной власти. При этом сопровождение процедуры несостоятельности и (банкротства) и контроль над ней отнесены к исключительной компетенции суда, что предопределяет обязательное подчинение всех материально-правовых особенностей банкротства строгим правилам процессуальной формы.

3. Содержание производства о несостоятельности в России изменяется: в настоящий момент оно в основном состоит из разрешения обособленных споров. Эти споры представляют движущую силу дела о банкротстве, поскольку направлены на достижение целей института несостоятельности — финансовое оздоровление или максимально возможное погашение обязательств должника и исключение его из предпринимательского оборота. К таким обособленным спорам относятся: предъявление имущественных и неимущественных требований к должнику; обжалование действий и бездействия арбитражного управляющего; оспаривание сделок должника; разрешение разногласий между участниками производства; привлечение контролирующих лиц к гражданско-правовой ответствен-

ности; установление признаков криминального банкротства и др.¹

4. Любая проблематика предопределяет использование при ее обсуждении соответствующего понятийного аппарата. Представляется бесспорным существование трансграничных обособленных споров, поскольку бесспорно существование трансграничных банкротств. Предлагается следующее определение трансграничного обособленного спора: это факультативное дело, осложненное иностранным элементом, требующее разрешения спора о субъективном праве, имеющее взаимную юридическую связь с процессуальным правоотношением по урегулированию несостоятельности должника, в котором с участием определенного круга субъектов (участников дела о банкротстве) устанавливается самостоятельный предмет доказывания.

Следует отметить, что содержание понятия «иностраный элемент» в предлагаемом определении должно быть самым широким. Это и должник — иностранное лицо, и иные лица, участвующие в деле о банкротстве (кредиторы, участники, акционеры должника), имущество должника, предмет сделки и т.п. Для трансграничных обособленных споров может быть характерна связь с несколькими делами о банкротстве (в случае банкротства группы компаний, банкротства транснациональных корпораций), а также проблемы выбора применимого материального (кор-

¹ Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве. М.: Статут, 2020. С. 9.

поративного, семейного, банкротного) и процессуального права.

5. В литературе проблемы обособленных споров в трансграничном банкротстве специально не рассматриваются. На примере возникающих в трансграничных обособленных спорах проблем применимого процессуального и материального права предлагаются те или иные решения или подходы к регулированию, но как единый предмет отдельного научного осмысления такие споры и соответствующая комплексная проблематика не рассматривались. Возможно, соображения ученых сводятся к тому, что решение вопросов компетенции, определения центра экономических интересов, применимого материального права в целом для дела о банкротстве (для его процедур) предопределяет и сходное (однотипное) регулирование обособленных споров² (следование принципу *vis attractiva concursus*, согласно которому все вопросы, связанные с банкротством, должны разрешаться судом, рассматривающим дело о банкротстве).

Представляется, что для некоторых трансграничных обособленных споров подход может быть иным. В частности, Е.В. Моховой рассматривался целый ряд проблемных вопросов компетенции и применимого права в отношении ответственности менеджмента должника³, например, разница в подходах корпоратив-

ного и банкротного законодательства к ответственности контролирующих должника лиц. Аналогичные соображения могут быть высказаны и в отношении споров об оспаривании корпоративных событий должника (решений собраний, сделок, слияний и поглощений), об установлении внутрикорпоративных требований кредиторов, об оспаривании решений конкурсного (доверительного) управления. Отдельного внимания заслуживают проблемы признания и приведения в исполнение судебных актов, выносимых по трансграничным обособленным спорам⁴, поскольку, во-первых, ряд споров в деле о банкротстве могут быть определены в Российской Федерации как относящиеся к исключительной подведомственности арбитражных судов⁵, во-вторых, в некоторых правопорядках такие судебные акты (в зависимости от категории спора, применимого права) могут быть не окончательными, следовательно, не исполняться в Российской Федерации.

Таким образом, следует констатировать, что разрешение основных правовых проблем при трансграничной несостоятельности может быть дифференцировано для основного правоотношения по делу о банкротстве (возбуждение дела, введение процедур, прекращение производства) и для трансграничных обособленных споров. Данная проблематика актуальна и требует отдельного изучения и осмысления.

² См.: Иванова Т.А. Институт трансграничного банкротства // Юрист. 2020. № 3. С. 24–28.

³ См., например: Мохова Е.В. Компетентный суд и применимое право при привлечении директора должника к ответственности в трансграничном банкротстве // Закон. 2018. № 7. С. 86–106.

⁴ См.: Долганичев В.В. Проблемные вопросы признания иностранных банкротств в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 12. С. 43–46.

⁵ Ярков В.В. Юридические факты в гражданском процессе. М., 2012. С. 314.

Литература

1. Долганичев В.В. Проблемные вопросы признания иностранных банкротств в Российской Федерации / В.В. Долганичев // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 12. С. 43–46.
2. Иванова Т.А. Институт трансграничного банкротства / Т.А. Иванова // Юрист. 2020. № 3. С. 24–28.
3. Мохова Е.В. Компетентный суд и применимое право при привлечении директора должника к ответственности в трансграничном банкротстве / Е.В. Мохова // Закон. 2018. № 7. С. 86–106.
4. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве / Ю.Д. Подольский. Москва : Статут, 2020. 171 с.
5. Ярков В.В. Юридические факты в гражданском процессе / В.В. Ярков. Москва ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2012. 608 с.

Раздьяконов**Евгений Сергеевич,**доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
E.Razdyakonov@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-59-60

Центр основных интересов в практике Верховного Суда Российской Федерации по делам о несостоятельности (банкротстве)

В статье кратко рассматривается развитие категории «центр основных интересов должника» — от Типового закона ЮНСИТРАЛ до регламентов Европейского союза и законопроекта Минэкономразвития России. Автор приходит к выводу, что в практике Верховного Суда Российской Федерации центр экономических интересов используется не в целях определения компетентного суда при трансграничном банкротстве, а исключительно для борьбы со злоупотреблением процессуальным правом на выбор суда по месту жительства (регистрации) должника.

Ключевые слова: центр основных интересов должника, подсудность, СОМІ-стандарт, злоупотребление процессуальными правами, банкротный туризм.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности¹ (далее — Типовой закон) закрепил использование в правоприменительной практике термина «центр основных интересов должника» (center of debtor's main interests) (далее также — СОМІ-стандарт). Типовой закон призван помочь государствам подкрепить законодательство о несостоятельности современной правовой базой, необходимой для более эффективной организации производства по делам о трансграничной несостоятельности через действие так называемого «мягкого права» (soft law). Как указано на официальном сайте ЮНСИТРАЛ, основная задача закона состояла не столько в том, чтобы способствовать унификации материально-правовых норм законодательства о несостоятельности, сколько в том, чтобы сделать возможным и облегчить сотрудничество и взаимодействие между разными судебными системами при уважении различий в национальных процессуальных нормах². Другими

словами, Типовой закон закрепил ряд коллизионных норм, которые позволили определять компетентный суд при трансграничном банкротстве и выделять среди производств по делу о несостоятельности, идущих в разных юрисдикциях, основное производство.

В 2011 году Минэкономразвития России разработало законопроект «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)»³, который вслед за Типовым законом использовал категорию «центр основных интересов должника». В тексте законопроекта под ним понималось место регистрации должника, если иное не установлено законом или не вытекает из характера деятельности должника либо совокупности иных обстоятельств. Также указывалось, что кроме места регистрации должника могут приниматься во внимание такие обстоятельства, которые имели место в течение трех лет до момента подачи заявления о признании должника банкротом, в том числе: местонахождение основного имущества должника, местонахождение большинства кредиторов должника, местонахождение производственных ресурсов должника и др. Вместе с тем данный законопроект не был принят и положения Типового закона так и остались не имплементи-

¹ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности (принят в г. Вене 30.05.1997 на 30-й сессии ЮНСИТРАЛ) // Доклад Комиссии ООН по праву международной торговли о работе ее тридцатой сессии 12–30 мая 1997 г. Ген. Ассамблея. Офиц. отчеты. 52-сессия. Доп. № 17 (A/52/17). Нью-Йорк: ООН, 1997. С. 71–81.

² URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/insolvency/modellaw/cross-border_insolvency (дата обращения: 10.06.2021).

³ Проект Федерального закона «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

рованы в нормы российского законодательства.

С учетом положений Типового закона в 2000 г. в ЕС был принят Регламент № 1346/2000 «О процедурах банкротства»⁴, который применялся к процедурам, открытым до 26 июня 2017 г. В 2015 году был принят заменивший его новый Регламент № 2015/848 «О процедурах банкротства»⁵, применяемый к процедурам, открытым после 26 июня 2017 г., в котором центр основных интересов должника использовался для определения основного производства (main insolvency proceedings) и второстепенного производства (secondary insolvency proceedings). Соответственно, в значении указанного регламента центр основных интересов должника должен определять компетентный суд для каждого из этих производств⁶. В правоприменительном аспекте это означало закрепление правовых средств противодействия заинтересованным лицам (должнику или аффилированным с ним кредиторам) в выборе наиболее удобных юрисдикций и компетентного суда, что на практике именуется банкротным туризмом или forum shopping. В этом контексте показательно дело гр. Шона Куинна (Sean Quinn), который в 2011 г. переехал из Ирландии в Северную Ирландию (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии) и там подал заявле-

ние о банкротстве при сумме долга около 2,8 млрд евро⁷. Определив, что центр экономических интересов должника остался в Ирландии, английские суды в этом деле в итоге не признали за собой наличие компетенции на рассмотрение дела.

В действующем российском законодательстве категория «центр основных интересов должника» не используется. Указанный выше законопроект Минэкономразвития России так и не был принят. Вместе с тем в отсутствие правового регулирования центр экономических интересов должника нашел свое применение в практике ВС РФ, которая была сформирована в 2019 г. Однако вместо определения основного производства и выбора компетентного суда в условиях трансграничного банкротства использование СОМІ-стандарта было направлено на борьбу со злоупотреблением правилом общей территориальной подсудности, согласно которому заявление о признании должника несостоятельным (банкротом) подается в суд по месту нахождения должника — юридического лица или по месту жительства гражданина (ст. 33 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Выводы ВС РФ нашли отражение по делу гр. Бажанова (Определение от 25 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-16327), по делу гр. Чака (Определение от 21 марта 2019 г. № 308-ЭС18-25635) и в ряде др. дел. При этом правовая позиция из определения, вынесенного по делу гр. Чака, попала в Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 за 2019 г. в качестве руководящих разъяснений.

⁴ Council regulation (EC) No 1346/2000 of 29 May 2000 on insolvency proceedings // Official Journal of the European Union. 2000. Vol. 43. 30 June. P. 1–19.

⁵ Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on insolvency proceedings // Official Journal of the European Union. 2015. Vol. 58. P. 19–73.

⁶ Долганичев В.В. Проблемные вопросы признания иностранных банкротств в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 12. С. 43–46.

⁷ Fannon I.L. Bankruptcy Tourism in the UK: Why and How? // Insolvency Intelligence. 2013. Vol. 26. № 6. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2351850> (дата обращения: 10.06.2021).

Литература

1. Долганичев В.В. Проблемные вопросы признания иностранных банкротств в Российской Федерации / В.В. Долганичев // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 12. С. 43–46.
2. Fannon I.L. Bankruptcy Tourism in the UK: Why and How? / I.L. Fannon // Insolvency Intelligence. 2013. Vol. 26. № 6. URL: <https://ssrn.com/abstract=2351850>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2351850>

**Бараданченкова
Наталья Евгеньевна,**
старший преподаватель
кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета
baradanchenkova@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-61-62

Судебная компетенция при трансграничном банкротстве

В статье автор анализирует новый судебный подход в части признания российской юрисдикции эффективной вне возбужденной в другой стране банкротной процедуры и перспективы появления параллельных основному при трансграничном банкротстве в практике российских судов.

Ключевые слова: судебная власть, компетенция, трансграничное банкротство.

Традиционно при определении подлежащей компетенции при трансграничном банкротстве опираются на критерий центра основных интересов должника, который презюмируется в стране места нахождения должника¹.

В некоторой степени данный подход представляется более гибким по сравнению с критерием гражданства и позволяет возбудить процедуру банкротства в отношении иностранного лица при наличии тесной связи с территорией Российской Федерации. При этом безусловно данный критерий носит оценочный характер и позволяет в каждом конкретном случае оперировать факторами преимущественного места жительства (пребывания) должника и членов его семьи, наличия зарегистрированного в России имущества, в том числе долей участия в компаниях, места осуществления трудовой или предпринимательской деятельности, корпоративными и налоговыми связями должника².

Однако, безусловно, такая связь должна быть достаточно «тесной», для того чтобы не перекрывать иную юрисдикцию, очевидно более подходящую для возбуждения дела о несостоятельности как с позиции имущественной доступности

должника, так и удобства потенциальных кредиторов³.

В этой связи особый интерес представляет правовой подход признания российской юрисдикции в качестве *эффективной* вне уже существующей банкротной процедуры, возбужденной в суде иного государства.

Так, Верховный Суд Российской Федерации закрепил подход, согласно которому к компетенции арбитражных судов относятся споры с участием иностранных лиц, осуществляющих неосновную экономическую деятельность на территории Российской Федерации, в случае установления невозможности рассмотрения спора в рамках дела о банкротстве, возбужденного в другой стране, и отсутствия специальных международных договоров по вопросам взаимного признания решений по делам о несостоятельности (банкротстве), стороной которых являлась бы Российская Федерация⁴.

При этом подчеркнуто, что ведение на территории Российской Федерации экономической деятельности, не носящей временный характер, постоянное использование определенного имущественного комплекса могут свидетельствовать о создании «предприятия» должника, активы которого могут быть использованы для

¹ См. п. 1 ч. 1 ст. 247 АПК РФ, ст. 33 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», п. 3 ст. 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 г., ст. 3 Регламента Европейского союза ЕС № 2015/848 от 20 мая 2015 г. и т.д.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2019 г. № 308-ЭС18-25635 по делу № А63-9583/2018; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 3 февраля 2020 г. № Ф09-368/20 по делу № А47-17010/2018; и др.

³ Так изначальная (*ex ante*) предсказуемость юрисдикции. См.: Мохова Е.В., Яцук Н.П., Лиджанова А.Э. Forum shopping и конкуренция регулирования в трансграничных банкротствах и реструктуризациях // Закон. 2020. № 9. С. 102.

⁴ Определение ВС РФ от 8 октября 2020 г. № 310-ЭС20-3002 по делу № А83-6324/2018; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2021 г. № 474-ПЭК20 по делу № А83-6324/2018.

погашения обязательств в рамках данной юрисдикции.

В качестве концептуального ориентира указывается на регулирование ст. 2 Типового закона Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) о трансграничной несостоятельности от 30 мая 1997 г., которая предусматривает, что иностранное производство при трансграничной несостоятельности считается «основным», если оно было начато в юрисдикции центра основных интересов должника. При этом в качестве места неосновного производства может быть признано место, где должник осуществляет не носящую временного характера экономическую деятельность, охватывающую людей и товары или услуги⁵.

В Руководстве ЮНСИТРАЛ по принятию и толкованию Типового закона отмечается, что при разработке определения «предприятие» за основу был взят п. «h» ст. 2 Конвенции Европейского союза о производстве по делам о несостоятельности (1995), согласно которому место операций обозначает место, из которого осуществляется внешняя деятельность на рынке, независимо от того, носит эта деятельность коммерческий, промышленный или профессиональный характер. Совершенно случайное место операций не может быть признано «предприятием», необходимы определенная степень стабильности и минимальный уровень организации людских ресурсов.

Установление такого неосновного постоянного производства может выступать, в силу ст. 28 Типового закона, основанием для возбуждения параллельной основной процедуры несостоятельности (банкротства) в части активов, расположенных на территории рассматриваемой неосновной юрисдикции.

Конечно, по состоянию на настоящий момент российские суды не зашли так далеко и только начали признавать «эффективным» рассмотрение возникшего

в отношении расположенного на территории имущественного комплекса (предприятия) вне процедуры банкротства, возбужденной в иной стране.

Но если за точку отсчета взять рассмотрение спора и удовлетворение требований заявителя, то следующим этапом является исполнение судебного акта, а поскольку основная банкротная юрисдикция уже была признана невозможной для российского публичного порядка (к примеру, в рамках дела защищаются интересы публичных образований), то и исполнение принятого судебного акта должно осуществляться посредством российской системы принудительного исполнения.

При этом нарастание имущественных обязательств иностранного предприятия в месте неосновного производства на территории Российской Федерации означает постановку вопроса о возможности признания арбитражными судами несостоятельным (банкротом) иностранного лица, в отношении которого уже введена банкротная процедура в другой стране.

С одной стороны прямых законодательных запретов для такого нет, поскольку требование *res judicata* распространяется только на судебные акты национальных судов и признанные решения третейских судов и международных коммерческих арбитражей. С другой стороны, возникает ряд интересных вопросов практического свойства: от возможности включения в реестр требований иностранных кредиторов, не связанных с активами, расположенными в российской юрисдикции, применимого банкротного права в аспекте уже существующих разъяснений⁶ до порядка и степени координации деятельности управляющих, обязательности решений иностранного суда, принятых в основной банкротной процедуре, — которые могут дать импульс для новых дискуссий и законодательных разработок в данной части.

⁵ См. с. 57–58 сборника «Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности: материалы судебной практики».

⁶ О приоритете права страны, в которой проводится процедура банкротства, см.: Постановление Президиума ВАС РФ от 12 ноября 2013 г. № 10508/13.

Литература

1. Мохова Е.В. Forum shopping и конкуренция регулирования в трансграничных банкротствах и реструктуризациях / Е.В. Мохова, Н.П. Яцук, А.Э. Лиджанова // Закон. 2020. № 9. С. 97–114.

Долганичев Владимир Вениаминович,
доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
dolganichev@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-63-65

Трансграничное банкротство и параллельные разбирательства

В статье рассматривается проблема параллельных разбирательств в рамках трансграничного банкротства. Автором отмечаются причины такого явления, а также анализируются средства предотвращения.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, параллельные разбирательства, anti-suit injunctions.

Введение. Одной из актуальных проблем современного международного гражданского процесса является конфликт юрисдикций. Одним из возможных аспектов проблемы конфликта юрисдикций выступает возбуждение параллельных разбирательств между одними и тем же сторонами, но в различных юрисдикционных органах (государственных судах, международных коммерческих арбитражах). В этой связи актуальным является вопрос о том, возможно ли появление параллельных разбирательств в рамках банкротства, осложненного иностранным элементом.

Понятие параллельных разбирательств. Так, в 2006 году Ассоциация международного права в итоговом отчете по доктрине *lis pendens* и международному коммерческому арбитражу определила параллельное разбирательство как «разбирательство, ведущееся в государственном суде или другом третейском суде, в котором стороны и один или несколько вопросов являются одинаковыми или по существу, такие же, как те, что рассматриваются иным международным коммерческим арбитражем в текущем третейском разбирательстве».

Исходя из указанного положения можно сделать вывод о том, что критериями определения параллельности разбирательств также является идентичность сторон и тождество оснований и предмета иска. Указанные критерии в науке и практике не толкуются буквально. Так, идентичность сторон в данном случае подразумевает, что не

только непосредственные стороны материально-правового спора выступают в качестве истцов и ответчиков, но и лица, интересы которых будут тождественными и неразделимыми. Так, в практике Европейского суда есть случаи, в которых лица признавались тождественными: предъявление иска страховщиком, имеющего право суброгации, от имени страхователя¹, ведение дела цессионарием, по уступленному требованию². Относительно тождества оснований и предмета иска в практике также указывается на необязательную их идентичность: предмет иска может отличаться в случае, когда в основании иска должны лежать те же самые фактические обстоятельства³.

Трансграничное банкротство и параллельные разбирательства. Классически трансграничное банкротство понимается как банкротство, осложненное иностранным элементом. В качестве иностранного элемента для целей квалификации банкротства как трансграничного могут выступать: иностранный по отношению к должнику кредитор, участвующий в деле о банкротстве, активы должника, в отношении которого у него имеются вещные права, а также

¹ Drouot Assurances SA v Consolidated Metallurgical Industries (C-351/96) [1998] ECR I3075.

² Case C-406/92 Tatry v Maciej Rataj [1994] ECR I-5439.

³ Гетьман-Павлова И.В., Филатова М.А. Принцип *lis pendens* в международном гражданском процессе: проблемы идентичности исков и сторон // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. С. 239–263.

иностранным по отношению к должнику его контролирующее лицо⁴.

Именно эти элементы лежат в основе возникновения параллельных разбирательств в рамках трансграничных банкротств.

- возбуждение нескольких процедур банкротства в различных юрисдикциях;

- возбуждение основной и вторичной процедур в различных юрисдикциях;

- возбуждение обособленных споров, непосредственно связанных с основным разбирательством, в юрисдикции, отличной от юрисдикции возбуждения дела о банкротстве.

Причины появления параллельных производств в рамках трансграничной несостоятельности могут быть следующими. Во-первых, действие доктрин правового регулирования трансграничной несостоятельности. Например, доктрина территориальности предполагает такую процедуру, которая проводится почти или полностью без учета интересов иностранных процедур в отношении одного и того же должника. Соответственно, потенциально это может влечь за собой возбуждение еще одной параллельной процедуры банкротства в другой юрисдикции. Во-вторых, *forum shopping*, который основывается на использовании критерия центра основных интересов (СОМІ-стандарт). Дело в том, что в основе конструкции СОМІ лежат обстоятельства фактического характера, которые могут изменяться (место зарегистрированного офиса либо место управления делами должника, очевидное его кредиторам)⁵. Следовательно, разные кредиторы независимо друг от друга могут возбудить дело о банкрот-

стве одного и того же должника в разных юрисдикциях.

Относительно указанных выше критериев параллельных разбирательств отметим, что в рамках трансграничного банкротства они очевидно не действуют, поскольку в указанных выше случаях и стороны, и основания, и предмет требований могут отличаться. Общим элементом в данном случае будут непосредственно должник и отношения, связанные с его несостоятельностью.

Средства устранения параллельных разбирательств. В международном гражданском процессе существует несколько инструментов устранения дублирующих разбирательств: доктрина *forum non conveniens* (неудобного суда), доктрина *lis alibi pendens*, запрет на предъявление иска в другом суде (*anti-suit injunctions*). Возможно ли применение указанных инструментов в случае трансграничного банкротства?

Доктрина *forum non conveniens* позволяет суду отклонить иск, когда существует удобный альтернативный юрисдикционный орган для разрешения спора. Очевидно, что потенциально такой инструмент вполне может работать в случае с трансграничным банкротством, особенно если суд будет тщательно подходить к определению СОМІ.

Доктрина *lis pendens* предполагает, что если дело рассматривается в одном суде, то другой суд параллельного разбирательства обязан отказать в рассмотрении дела или приостановить производство. Данная доктрина широко применяется в случае с ординарными спорами, однако в случае с трансграничным банкротством применение ее проблематично, в силу необходимости соблюдения условий ее применения: совпадение требований в двух процессах, совпадение сторон и временные параметры (дело в одном суде возбуждено раньше, чем в другом)⁶, а также возможности признания судебных актов, вынесенных

⁴ Трушников С.С. Возбуждение производства по делам о несостоятельности в России и Германии. СПб.: Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2006. С. 155–156; Мохова Е.В. Доктрина основного производства при трансграничной несостоятельности юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10; и др.

⁵ Мохова Е.В., Яцук Н.П., Лиджанова А.Э. *Forum shopping* и конкуренция регулирования в трансграничных банкротствах и реструктуризациях // Закон. 2020. № 9. С. 97–114.

⁶ Гетьман-Павлова И.В., Филатова М.А. Указ. соч. С. 260.

в рамках дела о несостоятельности в другой юрисдикции⁷.

Запрет на предъявление иска в другом суде (*anti-suit injunctions*) для целей трансграничного банкротства мог бы представлять собой запрет на возбуждение дел о банкротстве, вторич-

ном разбирательстве и обособленных спорах. Вместе с тем даже в странах англосаксонского права вопрос о его применении для целей трансграничного банкротства остается спорным⁸.

Таким образом, «арсенал» мер борьбы с параллельными разбирательствами в банкротстве до конца не определен.

⁷ Костин А.А. Трансграничное банкротство и международный коммерческий арбитраж в Российской Федерации (процессуальные и материальные аспекты) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 9. С. 120–142.

⁸ Ho L.C. *Anti-Suit Injunctions in Cross-Border Insolvency: A Restatement* // *The International and Comparative Law Quarterly*. 2003. Vol. 52. P. 697–735.

Литература

1. Гетьман-Павлова И.В. Принцип *lis pendens* в международном гражданском процессе: проблемы идентичности исков и сторон / И.В. Гетьман-Павлова, М.А. Филатова // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. С. 239–263.
2. Костин А.А. Трансграничное банкротство и международный коммерческий арбитраж в Российской Федерации (процессуальные и материальные аспекты) / А.А. Костин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 9. С. 120–142.
3. Ho L.C. *Anti-Suit Injunctions in Cross-Border Insolvency: A Restatement* / L.C. Ho // *The International and Comparative Law Quarterly*. 2003. Vol. 52. Iss. 3. P. 697–735.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в Scopus, Web of Science или какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Все журналы, входящие в Scopus, Web of Science и Springer, в обязательном порядке присваивают своим статьям DOI.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Часть 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

**Кудрявцева
Вера Павловна,**

доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
grgp@usla.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-66-67

Возвращение незаконно перемещенного на территорию России (удерживаемого на территории России) ребенка на основании международного договора: спорный вопрос предмета доказывания

В статье анализируется проблема необходимости доказывания гражданства ребенка, подлежащего передаче на основании Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г. Ставится вопрос: имеет ли факт гражданства несовершеннолетнего правовое значение, а если имеет — то является ли он вопросом факта или права? В настоящее время суды в России исследуют вопрос гражданства ребенка в качестве вопроса факта, который влияет на квалификацию о постоянном месте проживания несовершеннолетнего и устанавливается наряду с иными фактическими обстоятельствами. Однако наличие гражданства может и должно быть расценено как вопрос права, если ребенок — гражданин России. Установление этого факта существенно меняет предмет доказывания, поскольку вступают в действие правовые гарантии, закрепленные в Конституции России. Институт гражданства России не просто формальная связь человека и государства, но и принятие на себя Россией в отношении своего гражданина обязательств по обеспечению его безопасности и защиты.

Ключевые слова: права опеки, трансграничная защита, Конвенция 1980 г., незаконное перемещение, возвращение ребенка.

В 2014 году в Гражданский процессуальный кодекс России была внесена глава, регламентирующая особенности рассмотрения споров о возвращении незаконно перемещенного на территорию России (удерживаемого в стране) ребенка и об осуществлении прав доступа на основании международного договора. Изменение было вызвано подписанием Россией Гаагской конвенции о гражданско-правовых последствиях международного похищения детей от 25 октября 1980 г. (далее — Конвенция). Структурно нормы о разрешении указанных дел встроены в механизм искового производства, что означает распространение на них базовых начал состязательного процесса со стандартным распределением бремени доказывания. Вместе с тем судам надлежит рассматривать дело с применением особых положений, закрепленных Конвенцией, и в ряде случаев установлением содержания норм иностранного права, что в корне меняет

ракурс деятельности по определению и исследованию обстоятельств дела.

Одним из вопросов, возникших в практике рассмотрения дел о возвращении незаконно перемещенного на территорию России ребенка, является установление гражданства несовершеннолетнего, подлежащего передаче. Имеет ли этот вопрос правовое значение, а если имеет, то является ли он вопросом факта или права? Применение Конвенции изначально не предполагает выявление указанного обстоятельства в отношении ребенка¹, это позволяет

¹ См. об этом: Тригубович Н.В., Семина Т.А. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. в российской правовой системе регулирования семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2012. № 5. С. 41–44; Ростовцева Н.В. О применении в России Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // Актуальные проблемы защиты неимущественных прав детей (материальные и процессуальные аспекты): матер. межд. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону,

сделать вывод о том, что гражданство несовершеннолетнего, о передаче которого рассматривается дело, является неотъемлемым доказательством, а потому указанный факт не подлежит установлению. В настоящее время анализ судебной практики в России показывает, что суды при разрешении дел о возвращении детей либо не ставят на обсуждение этот вопрос, либо относят его к вопросу факта². В частности, наличие у ребенка российского гражданства выясняется для установления места постоянного проживания несовершеннолетнего (в понимании Конвенции). Однако такой подход правоприменителей заслуживает критического осмысления. Гражданство — правовая связь личности с государством³, в основу которой положены взаимные права и обязан-

ности. Получение гражданства России наделяет лицо целым спектром прав, составляющих сущность этого института. В отношении ребенка-гражданина России действуют все конституционные гарантии, предоставляемые нашим государством, которое берет на себя обязательства по обеспечению стабильной жизни внутри страны, а также заботе и покровительству за пределами России⁴. В контексте выяснения факта о наличии у ребенка российского гражданства обретает дополнительное значение гарантия государства о невыдаче наших граждан в другие страны (ч. 2 ст. 61 Конституции России). Этот вопрос уже поднимался в практике рассмотрения таких дел⁵, но тем не менее нуждается в подробном теоретическом осмыслении. Представляется, что более детальное и комплексное исследование раскроет новые коннотации норм Конвенции и изменит практику ее применения в России.

28 сентября 2015 г.) / отв. ред. А.Е. Тарасова. М.: ИНФРА-М, 2015.

² Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г. (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 декабря 2019 г.).

³ О сущности понимания гражданства см., например: Калинин В.Н. Институт гражданства в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 63–64; и др.

⁴ См., например: Ведель И.А., Безбородов Ю.С. Международно-правовое сотрудничество государств в сфере защиты прав граждан за рубежом и интеграционные процессы // Международное публичное и частное право. 2014. № 1. С. 25–29.

⁵ Павловская Т. Фактор Александры // Российская газета. 2018. 25 февраля.

Литература

1. Ведель И.А. Международно-правовое сотрудничество государств в сфере защиты прав граждан за рубежом и интеграционные процессы / И.А. Ведель, Ю.С. Безбородов // Международное публичное и частное право. 2014. № 1. С. 25–29.
2. Калинин В.Н. Институт гражданства в российском праве: диссертация кандидата юридических наук / В.Н. Калинин. Москва, 2002. 203 с.
3. Ростовцева Н.В. О применении в России Гагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. / Н.В. Ростовцева // Актуальные проблемы защиты неимущественных прав детей (материальные и процессуальные аспекты): материалы международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 28 сентября 2015 г.) / ответственный редактор А.Е. Тарасова. Москва: ИНФРА-М, 2015. С. 73–79.
4. Тригубович Н.В. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. в российской правовой системе регулирования семейных отношений / Н.В. Тригубович, Т.А. Семина // Семейное и жилищное право. 2012. № 5. С. 41–44.

Конев
Денис Владимирович,
 доцент кафедры гражданского
 процесса Уральского государственного
 юридического университета,
 кандидат юридических наук
 Konev80@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-68-69

Признание актов иностранной юстиции в производстве по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации

В статье проанализированы основные вопросы признания актов иностранной юстиции при рассмотрении дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года. По мнению автора, в рамках названного международного договора российским гражданским процессом была воспринята специальная модель экзекватуры, что предопределяет необходимость более глубокой теоретической проработки соответствующих вопросов.

Ключевые слова: признание актов иностранной юстиции, Гагская конвенция 1980 г., трансграничные споры с участием детей.

Присоединение Российской Федерации в 2011 г. к разработанной под эгидой Гагской конференции по международному частному праву Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. с неизбежностью повлекло за собой создание на национальном уровне механизма разрешения соответствующей категории трансграничных споров с участием детей в соответствии с признанными в международном сообществе стандартами правосудия. Так, в частности, Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ) был дополнен гл. 22.2, регламентирующей производство по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации.

Учитывая осложнение соответствующей категории дел иностранным элементом, основные процессуальные особенности рассмотрения и разрешения данных споров выражаются, на наш взгляд, в первую очередь в применении российскими судами норм международного гражданского процесса, включая положения о признании и исполнении решений иностранных судов по правилам гл. 45 ГПК РФ¹.

Представляется, что в рассмотренном контексте к числу основных процессуальных особенностей данной категории дел могут быть отнесены вопросы признания актов иностранной юстиции. В частности, Гагская конвенция 1980 г. содержит ряд предписаний относительно юридической силы иностранных судебных (административных) актов и документов при рассмотрении дел по заявлениям о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа (ст. 3, 13, 14, 15, 23).

В этой связи в российском процессуальном законе была закреплена специальная модель экзекватуры актов иностранной юстиции при рассмотрении соответствующей категории дел, основные черты которой могут быть сведены к следующему:

1. Объект признания. В рамках Гагской конвенции 1980 г. и ГПК РФ с требованиями о возвращении ребенка или обеспечении прав доступа могут обращаться любые лица, обладающие правом опеки или правом доступа в соответствии с законодательством одного из договаривающихся государств.

гражданского процесса кафедры гражданского процесса УрГЮУ в разделе, посвященном международному гражданскому процессу. См.: Гражданский процесс : учебник для студентов юридических высших учебных заведений / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В.В. Ярков. 11-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2021. С. 647–659.

¹ В силу вышеизложенных причин соответствующая глава была изложена в учебнике

При этом права опеки согласно ст. 3 Гаагской конвенции 1980 г. могут возникнуть, в частности, в соответствии с законом, либо на основании судебного или административного решения, либо на основании соглашения, влекущего юридические последствия по законодательству государства постоянного проживания ребенка.

В свою очередь, согласно ГПК РФ в качестве актов иностранной юстиции рассматриваются решения иностранных судов, в том числе решения об утверждении мировых соглашений, по гражданским делам, приговоры по делам в части возмещения ущерба, причиненного преступлением (ч. 1 и 2 ст. 409).

Таким образом, сравнительный анализ положений Гаагской конвенции 1980 г. и ГПК РФ по соответствующему вопросу очевидно свидетельствует о более широком подходе соответствующего международного инструмента к кругу объектов трансграничного признания, поскольку включает в число последних не только решения судебных органов, но и несудебные (административные) акты, а также соглашения, влекущие юридические последствия по законодательству государства постоянного проживания ребенка.

2. Процедура признания. Исходя из положений ст. 14 Гаагской конвенции 1980 г., в рамках названной конвенции не требуется специального производства для признания иностранных решений (*exequatur*)². Вследствие этого решения иностранных судов должны признаваться российским судом, рассматривающим дело о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа, автоматически, без необходимости соблюдения предусмотренной процессуальным законодательством процедуры признания иностранных судебных решений, что свидетельствует об определенных исключениях из воспринятой российским законодательством модели признания актов иностранной

юстиции³. В данном отношении соответствующая процедура может быть сравнима с режимом признания иностранных решений, предусмотренных ст. 413 и 415 ГПК РФ, за исключением права на подачу возражений заинтересованного лица относительно признания указанных решений.

3. Основания к отказу в признании. В соответствии с практикой толкования и применения Гаагской конвенции 1980 г. основания для отказа в возвращении ребенка в государство его постоянного проживания либо осуществлении в отношении ребенка прав доступа носят автономный характер и не предполагают возможность применения национального законодательства государств — участников данного договора по соответствующим вопросам. В свою очередь, это исключает возможность отказа в признании актов иностранной юстиции при рассмотрении соответствующей категории дел по основаниям, предусмотренным российским процессуальным законом (ст. 412 и 414 ГПК РФ).

В заключение отметим, что по результатам анализа поставленных на рассмотрение вопросов можно прийти к выводу о том, что отечественным процессуальным законом в рамках соответствующей категории дел была воспринята специальная модель признания актов иностранной юстиции. Данный вывод, в свою очередь, предопределяет необходимость более глубокой теоретической проработки всех сопутствующих вопросов в целях правильного применения российскими судами Гаагской конвенции 1980 г. и защиты российского правопорядка.

² Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей : научно-практический комментарий / отв. ред. Н.В. Тригубович, О.А. Хазова. М. : Статут, 2016. С. 176.

³ Анализ приведенных в Обзоре практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г. (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.12.2019) споров также свидетельствует о том, что иностранные судебные решения признавались российскими судами общей юрисдикции автоматически в рамках рассмотрения дел о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа.

Литература

1. Гражданский процесс : учебник для студентов юридических высших учебных заведений / ответственный редактор В.В. Ярков. 11-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2021. 721 с.
2. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей : научно-практический комментарий / ответственный редактор Н.В. Тригубович, О.А. Хазова. Москва : Статут, 2016. 320 с.

Зазулина**Любовь Дмитриевна,**аспирант кафедры гражданского
процесса Уральского государственного
юридического университета
zazulina@yubow@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-8-70-71

Обеспечение международной согласованности решений как проблема трансграничного наследования (на примере России и Германии)*

На основе анализа российского и европейского права в статье делается вывод об актуализации поиска способов, позволяющих повысить международную согласованность судебных решений по российско-немецким наследственным делам в условиях действующего правового регулирования.

Ключевые слова: трансграничное наследование, международная согласованность судебных решений.

Последняя масштабная миграция, начавшаяся во второй половине 1980-х годов, привела к тому, что сегодня в Германии проживают более 263 тыс. российских граждан¹, а также множество лиц, имеющих двойное — российско-немецкое гражданство. Большинство из них сохраняют тесные связи с обеими странами, в связи с чем можно ожидать дальнейшего увеличения числа наследственных случаев, затрагивающих Россию и Германию.

Применительно к данным случаям частные лица заинтересованы в правовой определенности, обеспечении справедливости и равенства, а также в освобождении от необходимости проходить дополнительные формальности за пределами своего государства. Основой для реализации данных интересов и, следовательно, одним из ведущих ориентиров при урегулировании российско-немецких наследований выступает международная согласованность решений.

Идея международной согласованности решений была разработана Ф.К. фон Савиньи и заключается в том, что правовые отношения, осложненные иностранным элементом, должны получать одинаковую оценку вне зависимости от того, в каком государстве принимается решение по делу. Отношение к данной идее изменялось от признания основной целью международного частного права до

полного отрицания как «романтической утопии», однако в настоящее время она прочно занимает свое место в ряду руководящих принципов европейского права.

В качестве минимально необходимой степени реализованности принципа согласованности может быть рассмотрено положение, при котором суды России и Германии, разрешающие дела, касающиеся наследования после одного и того же лица, принимают решения, совместимые по своим правовым последствиям, т.е. не взаимоисключающие друг друга.

При этом совместимые не значит одинаковые. Так, например, решение о признании завещания недействительным и решение о признании лица наследником на основании данного завещания, вынесенные в разных юрисдикциях, вступающие в прямое противоречие и неприемлемы с точки зрения международной согласованности, поскольку приводят к возникновению «хромающих» отношений, в то время как принятие решений о признании лица наследником по завещанию, но в разных по размеру долях все же менее негативно, так как с точки зрения обеих юрисдикций за лицом признается одинаковый статус.

В случаях, затрагивающих Россию и Германию, обеспечению согласованности служит то, что правила определения права, применимого к наследованию, практически полностью унифицированы (ст. 1224 ГК РФ, ст. 21 Регламента № 650/2012 от 4 июля 2012 г., п. 3 ст. 28 Консульского договора между СССР и ФРГ от 25 июля 1958 г.). Вместе с тем опыт ЕС свидетель-

¹ Ausländerstatistik // Datenbank 'Genesis-Online'. URL: Statistisches Bundesamt Deutschland — GENESIS-Online: Ergebnis 12521-0002 (destatis.de) (дата обращения: 06.06.2021).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 20-311-90042 «Международный наследственный процесс».

стует о том, что наряду с данной мерой важную роль играют универсальность коллизионной системы, а также международная компетенция и признание решений.

Так, в пределах ЕС одно и то же право применяется при наследовании как движимого, так и недвижимого имущества. При этом производства по всем наследственным вопросам, касающимся правопреемства после смерти одного и того же лица, а также по смежным вопросам о режиме имущества супругов, концентрируются в судах одной юрисдикции (ст. 4 и след. Регламента № 650/2012 от 4 июля 2012 г., ст. 4 Регламента № 2016/1103 от 24 июня 2016 г.). Данное положение дополняется широким признанием решений как по наследственным, так и по иным гражданским делам, а также механизмом *lis alibi pendens*, что в совокупности позволяет существенно снизить риск вынесения несовместимых решений.

Правовое регулирование российско-немецких наследований значительно отличается от внутриевропейского. Помимо того что между странами действует раздельная коллизионная система и отсутствует однозначная и устоявшаяся практика взаимного признания решений, как российские, так и немецкие суды наделены широкой международной компетенцией (ст. 402, 403 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 4 и след. Регламента № 650/2012 от 4 июля 2012 г.). Как следствие, к решению наследственных вопросов после смерти одного и того же лица (как тождественных, так и смежных) зачастую могут оказаться причастны суды обеих юрисдикций.

На данном фоне значение приобретает то, что в силу ряда факторов (применение разного права к отдельным частям наследственной массы, отличия между национальными коллизионными системами и процессуальным правом, особенности правопонимания и т.д.) многие «переломные» для наследования вопросы решаются российскими и немецкими судами по-разному (квалификация правовых институтов, определение права, при-

менимого к предварительным вопросам, «состыковка» права разных государств при расщеплении применимого статута и др.). Как результат, в широком перечне случаев судами могут быть приняты решения с взаимоисключающими правовыми последствиями, т.е. не обеспечивается даже минимальная их согласованность.

При этом если рост числа российско-немецких наследований представляет собой ближайшую перспективу, то меры, аналогичные тем, что действуют внутри ЕС, вряд ли могут быть оперативны и в полном объеме реализованы в отношениях между Россией и Германией.

С одной стороны, на фоне недостатка доверия, который сохраняется между правовыми системами, международная согласованность призвана стать скорее не следствием, а условием для начала взаимного признания решений. С другой стороны, с учетом географической удаленности, а также того, что трансграничные наследования все чаще становятся уделом граждан со средним достатком, малоподходящей представляется концентрация наследственных производств в одной из двух юрисдикций, так как она способна негативно сказаться на доступности правосудия. При этом уменьшению риска принятия несовместимых решений мог бы способствовать переход России к универсальной коллизионной системе, а также отказ от чрезмерных оснований юрисдикции, однако данные меры требуют существенного пересмотра законодательством применяемых подходов.

В связи с обозначенными ограничениями актуальным становится вопрос о возможностях повышения международной согласованности судебных решений в условиях действующего правового регулирования. Как правило, взаимоисключающие решения обусловлены отличиями в рассмотрении наследственных дел российскими и немецкими судами, поэтому необходимой видится минимизация данных отличий в «безболезненных» для обеих юрисдикций пределах.

Литература

1. Nietner S. Internationaler Entscheidungseinklang im europäischen Kollisionsrecht / S. Nietner. Mohr Siebeck, 2016. 366 p.
2. Schack H. Internationales Zivilverfahrensrecht: mit internationalem Insolvenzrecht und Schiedsverfahrensrecht : lehrbuch / H. Schack. 8, neu bearbeitete Auflage. München : C.H. Beck, 2021. 646 p.

Arbitrazh-Civil Procedure

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION EDITION. Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage
PI No. FC77-29216 of August 23, 2007. Published since 1998. Published monthly

No. 8/2021

EDITOR IN CHIEF:

Jarkov V.V., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR IN CHIEF, REGIONAL EDITOR:

Dolganichev V.V., PhD (Law), associate professor

EDITORIAL BOARD:

Arifulin A.A., professor, Honored Lawyer of the RF;
Vityanskij V.V., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Jilin G.A., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Isajchev V.I., Honored Lawyer of the RF;
Nosyreva E.I., LL.D., professor;
Osokina G.L., LL.D., professor;
Renov Eh.N., PhD (Law), professor;
Sakhnova T.V., LL.D., professor;
Tumanova L.V., LL.D., professor;
Scherstjuk V.M., LL.D., professor;
Yukov M.K., LL.D., professor

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N.,
Platonova O.F., Truncevskij Yu.V.

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Solovyeva D.V.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Founder: Jurist Publishing Group

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Tel.: (495) 953-91-08

ADDRESS PUBLISHERS / EDITORS:

Bldg. 7, 26 / 55, Kosmodamianskaya Emb.
Moscow, 115035.

E-mail for authors: avtor@lawinfo.ru

SUBSCRIPTION:

United catalogue. Russian press — 85473;

Russian post. Digital catalogue — П1715.

Subscription at www.lawinfo.ru

Passed for printing: 16.08.2021.

Issue was published: 26.08.2021.

ISSN 1812-383X

Printed at typography National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0. Conventional printed sheet 5,0.

General circulation 4000 copies. Free market price.

PRINCIPLES OF CIVIL PROCEDURE LAW. GENERAL ISSUES OF CIVIL PROCEDURE

4 **Grubtsova S.P.** Procedural Activities
of a Court in the Administrative Proceedings
of the Russian Federation and the Administrative
Judge in the USA

6 **Selkova A.A.** Accessibility of Justice
and Legal Assistance in the Digital Era:
Experience of Great Britain

8 **Lazarev S.V.** The Multi-Door Courthouse
Concept in the Foreign Civil Procedure

10 **Konstantinov P.D.** Comparative Prospects
of the Introduction of Predictive Justice
in Different Law and Order Types

12 **Branovitskiy K.L.** The Relevant Status
and Prospects of the Single Legal Environment
of the Eurasian Economic Union: On the Example
of the Civil Procedure Sphere

14 **Neznamov A.V.** International Law Aspects
of Digitization of the Civil Procedure

16 **Khalatov S.A.** Change in the Burden of Proof
in Administrative Proceedings of the People's
Republic of China and Russia

18 **Zhiltsov A.N.** Analysis of the Practice
of the ICAC at the RF CCI for the Year 2019:
General Overview and Issues of Conflict of Laws

ISSUES OF THE LAW OF EVIDENCE

26 **Reshetnikova I.V.** Standard of Proof

28 **Baradanchenkova O.E.** The Local Subject
of Proof in the Distribution of Legal Expenses:
An International Law Aspect

INTERNATIONAL JURISDICTION

30 **Yarkov V.V.** Protection of Persons under
Restrictive Measures: New Opportunities

32 **Trunk-Fedorova M.P.** The International
Jurisdiction over Disputes against Foreign
Companies under the EU Law

34 **Malov A.A.** The Jurisdiction of Commercial
Courts over Sanction Disputes in the Russian
Federation: Problems of Proving

37 **Vede Yu.V.** Forum Shopping: A Procedural
Abuse or Exercising of the Granted Right

Recommended by the Supreme Attestation Commission under
the Ministry of Science and Higher Education of the Russian
Federation for publications of results of doctoral theses.

SEPARATE ISSUES OF THE CIVIL CASE REVIEW PROCEDURE

39 **Pleshanov A.G.** The Legal Regulation of a Court Adjournment in the Conditions of Renunciation of the Continuity Principle in a Civil Procedure (on the Example of Civil Procedure Codes of the EAEU Member States)

41 **Tsaregorodtseva E.A.** The Institution of Writ Proceedings in Some CIS Member States

READJUDICATION OF JUDICIAL ACTS

43 **Timofeev Yu.A.** A Comparative Analysis of Appeal Proceedings in the Russian Federation and the Republic of Belarus

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DISPUTE RESOLUTION

45 **Spitsin I.N., Tarasov I.N.** Resolution of Disputes at Internet Sites (Amazon.com, Ebay, etc.) Using the Artificial Intelligence Technology

CONCILIATION PROCEDURES

47 **Solomeina E.A., Sheremetova G.S.** Peculiarities of the Legal Regulation of Mediation in the Kyrgyz Republic

49 **Chudinovskaya N.A., Chudinovskaya E.A.** Problems and Prospects of the Implementation of Obligatory Mediation (on the Example of Czechia)

51 **Zagaynova S.K., Ivanova E.A.** Peculiarities of the Introduction of the Mediation Procedure in Russia and the USA

SOME INTERNATIONAL CIVIL PROCEDURE ISSUES

53 **Bessonova A.I.** Notification of Parties to a Procedure Located Abroad in the Digital Technology Era

55 **Silchenko V.Yu.** Violation of the Public Order by Enforcement of a Judgement Issued in an Imaginary Legal Dispute

TRANSBORDER BANKRUPTCY

57 **Podolskiy Yu.D.** Isolated Disputes in Transborder Bankruptcy

59 **Razdyakonov E.S.** The Center of Main Interests in the Practice of the Supreme Court of the Russian Federation in Insolvency (Bankruptcy) Cases

61 **Baradanchenkova N.E.** The Court Jurisdiction in Transborder Bankruptcy

63 **Dolganichev V.V.** Transborder Bankruptcy and Parallel Proceedings

CHILD RETURN PROCEEDINGS

66 **Kudryavtseva V.P.** Return of a Child Illegally Relocated to Russia (Withheld in Russia) in Accordance with an International Agreement: A Challenging Issue of the Subject of Proof

68 **Konev D.V.** Acknowledgment of Acts of Foreign Justice in Proceedings Reviewing Applications for Child Return or Exercising of Access Rights in Relation to a Child in Accordance with an International Agreement with the Russian Federation

TRANSBORDER INHERITANCE

70 **Zazulina L.D.** Ensuring the International Consistency of Judgments as a Transborder Inheritance Problem (on the Example of Russia and Germany)

Procedural Activities of a Court in the Administrative Proceedings of the Russian Federation and the Administrative Judge in the USA**Grubtsova Svetlana P.**Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

The author examines the issues of an active role of Russian courts in the administrative proceedings according to the Code of administrative proceedings of the RF and a hearing officer of an agency in the United States. The article focuses on the differences in the organization of the administrative justice in Russia and the United States, provides characteristics of the active role of the court and the hearing officer of an agency in the United States in resolving disputes with representatives of the executive branch, outlines proposals for improving the legal regulation of this area.

Keywords: administrative proceedings, administrative justice, procedural activity of the court, hearing officer of an agency in the United States.

Accessibility of Justice and Legal Assistance in the Digital Era: Experience of Great Britain**Selkova Anastasia A.**Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

The article is devoted to the analysis of information technologies existing in Great Britain, which determine the degree of accessibility of justice and legal services for the majority of citizens. First of all, the author identifies the most common of these technologies, reveals their features, advantages and disadvantages, as well as their impact on the sphere of legal aid. In particular, the author provides a description of legal documents constructors, Internet bots, platforms for online consulting. The author dwells in detail on their positive sides, pointing out the possibility of using digital technologies as a means of optimizing the judicial system.

Keywords: legal aid, access to justice, LegalTech, legal practice, digitalization.

The Multi-Door Courthouse Concept in the Foreign Civil Procedure**Lazarev Sergey V.**Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

The article discusses the concept of a multi-door courthouse. The author is considering the possibility of creating multifunctional judicial centers, the purpose of which would be to analyze the claim, determine and offer the applicant an appropriate dispute resolution.

Keywords: multi-door courthouse, alternative dispute resolution, efficiency of legal proceedings.

Comparative Prospects of the Introduction of Predictive Justice in Different Law and Order Types**Konstantinov Pavel D.**Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
Doctoral Student of the Paris Nanterre University

The development of digital technologies and, in particular, predictive justice, continues to generate interest among members of the academic community. Features of the functioning of this software predetermines the possible large-scale changes in the legal orders of different states. The present article gives a general comparative analysis of the prospects of implementation of predictive justice in different legal orders.

Keywords: civil procedural law, digitalization, dematerialization, justice, predictive justice.

The Relevant Status and Prospects of the Single Legal Environment of the Eurasian Economic Union: On the Example of the Civil Procedure Sphere**Branovitskiy Konstantin L.**Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
LL.D., LL.M. (Kiel, Germany)

This article is devoted existing trends for of the approximation of legal systems in the post-Soviet space. The author examined that within the framework of integration associations, the processes of rapprochement acquire special significance, in view of the desire to create integrated legal system. Substantive in such processes should acquire the sphere of civil proceedings, since the very different procedural regulation of the member states of the integration association significantly reduces the trust of citizens in the efficiency of judicial protection within the framework of such associations.

Keywords: International civil procedure, Eurasian Economic Union, Approximation of laws, recognition and enforcement of foreign judgments.

International Law Aspects of Digitization of the Civil Procedure

Neznamov Aleksandr V.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

The article being based on the current level of digitalization of civil procedure worldwide and doctrines on the issue attempts to systemize the exiting views on matters of what spheres, in what forms and for what purposes the digitalization in transboundary should be regulated by the law.

Keywords: international civil procedure, digitalization of civil procedure, harmonization of civil procedural law, competition of law enforcement systems.

Change in the Burden of Proof in Administrative Proceedings of the People's Republic of China and Russia

Khalatov Sergey A.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

The article discusses the issue of changing the burden of proof of certain circumstances in the administrative proceedings of the People's Republic of China in the event that it is impossible to present evidence for reasons related to the behavior of the administrative defendant. A comparison is made with the legal regulation of similar situations in the Russian process. It is concluded that it is necessary to include an identical norm in the procedural codes of Russia.

Keywords: administrative proceedings, PRC, burden of proof, retention of evidence.

Analysis of the Practice of the ICAC at the RF CCI for the Year 2019:

General Overview and Issues of Conflict of Laws

Zhiltsov Alexei N. Head of the Chair of Private International Law, Head of the Department for Comparative and Private International Law of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alekseev, Member of the Presidium of the ICAC at the RF CCI, Distinguished Lawyer of the Russian Federation, PhD

The article contains a general overview of the recent practice of the ICAC at the RF CCI relating to international disputes on the basis of awards and orders rendered by arbitrators in 2019. Particular attention is given to the conflict of laws methodology as applied by arbitrators in resolving the indicated category of disputes.

Keywords: international commercial arbitration, arbitration practice, applicable law, conflict of laws.

Standard of Proof

Reshetnikova Irina V.

Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
Presiding Judge of the Commercial Court of the Ural District
LL.D.

Modern arbitration and civil procedure is undergoing a period of transition from objective truth to the standard of proof, which is gradually being formed both in the legislation and in the judicial practice of Russia. The concept of the standard of proof is given, the content of the usual and increased standard of proof in classical adversarial procedure is disclosed.

Keywords: objective truth, ordinary and increased standard of proof, reasonable confidence, increased standard of proof.

The Local Subject of Proof in the Distribution of Legal Expenses: An International Law Aspect**Baradanchenkova Olga E.**

Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

The article deals with the theoretical issues of the formation of a local subject of proof when considering applications for the recovery of court costs. Among other circumstances, it includes those that indicate the reality of the costs incurred in the case. Taking into account the practice of the ECHR, reality can be presumed in the event that circumstances are established that indicate the occurrence of circumstances with which the obligation of the person involved in the case to pay remuneration to his representative is connected.

Keywords: local subject of proof, legal costs, obligation to prove, legal fact.**Protection of Persons under Restrictive Measures: New Opportunities****Yarkov Vladimir V.**

Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

Honored Scientist of the Russian Federation

LL.D., Professor

The article examines new legal remedies for Russian persons to whom restrictive measures have been applied. The author draws attention to the difference in the conditions for applying the rules of the exclusive competence of the commercial courts of the Russian Federation in disputes with the participation of persons in respect of whom restrictive measures and an injunction have been introduced to initiate or continue proceedings in disputes with the participation of such persons.

Keywords: restrictive measures, court injunction, exclusive competence.**The International Jurisdiction over Disputes against Foreign Companies under the EU Law Trunk-Fedorova Marina P.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Saint Petersburg State University

PhD (Law)

The article is devoted to the analysis of the sources of EU law in relation to the international competence of courts in claims against foreign companies (Regulation 'Brussels Ia' and the Luhansk Convention). In it, in particular, the provisions on general, special and exclusive competence are considered.

Keywords: international jurisdiction, competence, 'Brussels Ia' Regulation, Luhansk Convention.**The Jurisdiction of Commercial Courts over Sanction Disputes in the Russian Federation: Problems of Proving****Malov Aleksey A.**

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

The article discusses the new provisions of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation, aimed at protecting the subjects in respect of which foreign states have introduced restrictive measures. The author formulates the main circumstances to be proved when protecting the rights and legitimate interests of certain categories of citizens of the Russian Federation and Russian legal entities, in respect of which restrictive measures have been introduced.

Keywords: sanctions of foreign states, sanctions disputes, restrictive measures, exclusive competence.**Forum Shopping: A Procedural Abuse or Exercising of the Granted Right****Vede Yulia V.**

Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

In the article, the author describes the tactics of conducting the process, called forum shopping. The author provides the reasons why the parties decide to use this tactic of conducting

the trial and considers the existing positions regarding this legal phenomenon. Based on the analysis of the general principles and norms of law, the author comes to the conclusion that when deciding whether forum shopping is an abuse of procedural law or the exercise of the granted right, it is necessary to be guided by the motives of the behavior of the participant in the dispute.

Keywords: forum shopping, abuse of procedural rights, procedural rights, tactics of conducting the process, civil procedure.

The Legal Regulation of a Court Adjournment in the Conditions of Renunciation of the Continuity Principle in a Civil Procedure (on the Example of Civil Procedure Codes of the EAEU Member States)

Pleshanov Aleksandr G.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

In this article the author analysis provisions of the Codes of Civil Procedure of the Member States of the EAEU to identify common trends in the legal regulation of break in the court session. The main object of analysis is the impact of the refusal from the continuity of judicial proceedings on legal regulation of break in the court session in the Member States of the EAEU.

Keywords: break in the court session, continuity of judicial proceedings, time limit for break in the court session.

The Institution of Writ Proceedings in Some CIS Member States

Tsaregorodtseva Ekaterina A.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

The article examines some differences in the writ proceedings in some CIS countries. The distinction is based on the criterion of the competent jurisdictional authority, the possibility of using information technology and objections to the writ.

Keywords: court orders procedure, court order, civil litigation.

A Comparative Analysis of Appeal Proceedings in the Russian Federation and the Republic of Belarus

Timofeev Yuriy A.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

A comparative analysis of the legislation regulating appeal proceedings in civil and economic cases in the Russian Federation and the Republic of Belarus shows a high degree of similarity of legal regulation. The procedural legislation of the Republic of Belarus differs from the Russian one by the establishment of different types of appeals in the codes, the normative allocation of separate stages of appeal proceedings in civil proceedings, and the consolidation of the special role of the prosecutor's office in civil proceedings.

Keywords: civil procedure, review of judicial acts, types of appeal, allocation of stages, procedural terms, position of the prosecutor.

Resolution of Disputes at Internet Sites (Amazon.com, Ebay, etc.) Using the Artificial Intelligence Technology

Spitsin Igor N.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

Tarasov Igor N.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

We cannot delegate justice to AI, but it is possible to delegate arbitration disputes resolution. This conclusion is reasoned in this article and extrapolated to the scope of dispute resolution on some Internet sites/

Keywords: artificial intelligence, dispute resolution, arbitration, information technology, civil procedure.

Peculiarities of the Legal Regulation of Mediation in the Kyrgyz Republic
Solomeina Elizaveta A.

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure
Director of the Mediation Center of the Ural State Law University

Sheremetova Galina S.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure
Leading Expert of the Mediation Center of the Ural State Law University
PhD (Law)

The Kyrgyz Republic has the Law 'On Mediation', adopted in 2017. In comparison with the Russian legal regulation, the law establishes a wider scope of mediation (including the criminal cases), the ability of government representatives to send the parties to a mandatory pre-mediation meeting. These and other features of mediation are discussed in this article.

Keywords: Kyrgyzstan, Kyrgyz Republic, mediation, civil procedure, mediator.

Problems and Prospects of the Implementation of Obligatory Mediation (on the Example of Czechia)**Chudinovskaya Natalya A.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

Chudinovskaya Ekaterina A.

LL.M.

The article discusses some trends in the development of the institute of mediation in the Czech Republic. In the context of the discussion on the necessity and expediency of introducing mandatory mediation in Russia, the authors analyze the rules on mandatory first meeting with a mediator on the example of the Czech legislation.

Keywords: mandatory mediation, first meeting.

Peculiarities of the Introduction of the Mediation Procedure in Russia and the USA**Zagaynova Svetlana K.**

Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
Judge, LL.D., Professor

Ivanova Ekaterina A.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure
Analyst of the Mediation Center of the Ural State Law University
PhD (Law), LL.M. (Atlanta, USA)

The introduction of mediation in the legal life belongs not only to the legislator, who adopts the relevant legal acts, but also to the other members of the society. Populist speeches by leaders both with direct recommendations of lawyers working with the specific interests of the dispute parties should also be aimed at integrating mediation into legal reality.

Keywords: civil procedure, commercial procedure, mediation, mediation implementation, advocacy.

Notification of Parties to a Procedure Located Abroad in the Digital Technology Era**Bessonova Anastasia I.**

Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
Research Scientist of the Martin Luther University of Halle-Wittenberg
PhD (Law), LL.M. (Kiel, Germany)

The article presents the latest case law on application of the HCCH Service Convention 1965 on the example of Russia and the USA. Special attention is paid to the use of information technologies in service of documents abroad in the context of the HCCH Service Convention.

Keywords: international civil procedure, service of judicial documents abroad, HCCH Service Convention 1965.

Violation of the Public Order by Enforcement of a Judgement Issued in an Imaginary Legal Dispute

Silchenko Vladislav Yu.

Teaching Assistant of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

The article analyzes some problems of the limits of verification of the decision of a foreign court (the decision of the arbitral tribunal) for violation of public policy. The author considers cases of creation of an alleged legal dispute as a violation of public policy.

Keywords: public policy, civil proceedings, arbitration, alleged private law dispute.

Isolated Disputes in Transborder Bankruptcy

Podolskiy Yuriy D.

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

Partner at the Urals Legal Law Firm

PhD (Law)

The article is devoted to some aspects and problems of detached disputes investigation complicated by a foreign element. A reference to 'cross-border detached dispute' is submitted. The author concludes the necessity of questioning possibility of the graded approach in applying the principles of cross-border insolvency to the main case of insolvency and detached disputes in it.

Keywords: commercial procedure, insolvency, cross-border detached disputes, cross-border insolvency.

The Center of Main Interests in the Practice of the Supreme Court of the Russian Federation in Insolvency (Bankruptcy) Cases

Razdyakonov Evgeniy S.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article briefly describes the development of the category of the 'center of the debtor's main interests' from the UNCITRAL Model Law to the European Union regulations and the bill Ministry of Economic Development of Russia. The author concludes that in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation, the center of economic interests is used not to determine the competent court in cross-border bankruptcy, but solely to combat the abuse of the procedural right to choose the court at the place of residence (registration) of the debtor.

Keywords: center of the debtor's main interests, jurisdiction, COMI-standard, abuse of procedural rights, forum shopping.

The Court Jurisdiction in Transborder Bankruptcy

Baradanchenkova Natalya E.

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

The author analyses new judicial approaches to the recognition of Russian jurisdiction as effective outside of a bankruptcy procedure initiated in another country and possibility for concurrent insolvency proceedings in the practice of Russian courts.

Keywords: jurisdiction, competence, cross-border insolvency.

Transborder Bankruptcy and Parallel Proceedings

Dolganichev Vladimir V.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article deals with the problem of parallel proceedings in the framework of cross-border insolvency. The author notes the reasons for this phenomenon, and also analyzes the means of prevention.

Keywords: cross-border insolvency, parallel proceedings, anti-suit injunctions.

Return of a Child Illegally Relocated to Russia (Withheld in Russia) in Accordance with an International Agreement: A Challenging Issue of the Subject of Proof

Kudryavtseva Vera P.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

The article analyzes the problem of the need to prove the citizenship of a child subject to transfer on the basis of the Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction of October 25, 1980. The question is raised whether the fact of the minor's citizenship has legal significance, and if it does, whether it is a matter of fact or law. Currently, the courts in Russia are investigating the issue of the child's citizenship as a matter of fact, which affects the qualification of the permanent place of residence of the minor and is established along with other circumstances. However, the presence of citizenship can and should be regarded as a matter of law if the child is a citizen of Russia. The establishment of this fact changes essentially the subject of proof, since the legal guarantees enshrined in the Constitution of Russia come into effect. The institution of Russian citizenship is not just a formal link between a person and the state, but also Russia's commitment to its citizen to ensure his safety and protection.

Keywords: custody rights, cross-border protection, the Convention of 1980, illegal relocation, return of a child.

Acknowledgment of Acts of Foreign Justice in Proceedings Reviewing Applications for Child Return or Exercising of Access Rights in Relation to a Child in Accordance with an International Agreement with the Russian Federation

Konev Denis V.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

In the article analyses the main issues of recognition of acts of foreign justice in cases involving the return of a child or the exercise of access rights in respect of a child under the 1980 Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction. According to the author, within the framework of the said international treaty, a special model of exequatur was accepted by the Russian civil process, which necessitates more in-depth theoretical work on the relevant issues.

Keywords: recognition of acts of foreign justice, Hague Convention 1980, cross-border disputes involving children.

Ensuring the International Consistency of Judgments as a Transborder Inheritance Problem (on the Example of Russia and Germany)

Zazulina Lyubov D.

Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

Based on the analysis of Russian and European law, the article draws a conclusion about the actualization of the search for ways to increase the international coherence of judicial decisions on the succession cases, relating Russia and Germany, under conditions of the current legal regulation.

Keywords: cross-border succession, international coherence of judicial decisions.

Видеообзоры, интервью с известными юристами,
знакомство с актуальными публикациями, репортажи —
всё это на нашем официальном канале
YouTube / «Издательская группа «Юрист»
ЗАХОДИТЕ, СМОТРИТЕ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!